Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social -Educational Idea

ТОМ 9 № 1 Часть 2 2017

Электронная версия: **http://www.hist-edu.ru**

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г. присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор
Е.В. Штурба
д. и. н., профессор

Научный редактор
д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заведующий редакцией
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов
Т.А. Халилов

Корректор
А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 861 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 9 # 1 Part 2 2017

Web version address**: http://www.hist-edu.ru**

The Academic Journal «Historical and Social-educational idea» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Federation' Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational I*dea» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI (*Digital Object Identifier*) are assigned to the articles of the journal «*Historical and Social-Educational Idea*», starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board member of the ASSOCIATION OF SCIENCE EDITORS AND PUBLISHERS (ASEP)

Certificate of Incorporation:
PI No FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Hard Copies)
ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:
E.V. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Research Supervisor:
V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Head of Editorial Board:
N.V. Vavilkina

Web layout Designer:
A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:
T.A. Khalilov

Proofreader:
A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Federation Academic Citation Index operated by the Russian Research E-Library.
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the Publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS:

32 Zavodskaya Str., Apt.301, Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Journal «Historical and Social educational idea's» Editorial Office
Phone/fax: 8 861 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

Incorporators:

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

Ростов на Дону. Россия

Абрамов Валерий Петрович, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, член правления президиума РОПРЯЛ, , заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет

Ереван. Армения

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет

Тель-Авив. Израиль

Ващенко Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления, Волгоградский институт бизнеса, главный редактор научного журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса»

Волгоград. Россия

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор философии, профессор истории, Гданьский политехнический университет

Гданьск. Польша

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

Rostov-on-Don. Russia

Valeriy P. Abramov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Board of Presidium of Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, Head of Department of Russian as Foreign Language, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University

Yerevan. Armenia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III

Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University

Tel-Aviv. Israel

Aleksandr N. Vashchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Sciences and Management, Volgograd Institute of Business, Editor-in-Chief of Scientific Journal «Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business»

Volgograd. Russia

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, Doctor of Philosophy, Professor of History, Gdansk Polytechnic University

Gdansk. Poland

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
Брно. Чешская Республика

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)
Brno. Czech Republic

Икэда Ёсиро Доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет.
Токио, Япония

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo,
Tokyo, Japan

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Ростов-на-Дону. Россия.

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don. Russia

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, президент и учредитель, Сибирская академия управления и массовых коммуникаций
Новосибирск. Россия.

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, President and Founder, Siberian Academy of Management and Mass Communications
Novosibirsk. Russia

Ратушняк Валерий Николаевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Valery N. Ratushnyak, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Scientist of Kuban, Member of Academy of Social Sciences, Corresponding Member of International Academy of Higher School, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
Генуя. Италия

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
Genoa. Italy

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики
Бишкек. Кыргызстан

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic
Bishkek. Kyrgyzstan

Фигус Алессандро, доктор философии, профессор истории, международных отношений и европейского права, председатель отделения Эразмус, Link Campus University, приглашенный профессор, Университет Париж I Пантеон-Сорбонна
Генуя. Италия

Alessandro Figus, Doctor of Philosophy, Professor of History, International Relations and EU Law, Chairman of Erasmus Department, Link Campus University, Visiting Professor, Paris I Sorbonne-Pantheon University
Genova. Italy

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, университет Сан-Франциско
Сан-Франциско. США

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
San Francisco, USA

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук

Москва. Россия.

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск. Россия

Teodor Shanin - Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences

Moscow. Russia.

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk. Russia

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Бедерханова Вера Петровна, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Зотов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра литературы, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
Таганрог. Россия

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Микерова Галина Жоршовна, заслуженный учитель РФ, член-корреспондент Российской академии естествознания, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Москва. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра философии и социологии, Краснодарский университет МВД России
Краснодар. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial board

Editor-in-Chief

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Vera P. Bederkhanova, Corresponding Member of International Academy of Akmeological Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, South Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Sergei N. Zotov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature, Chekhov Taganrog Institute (Rostov State University of Economics Branch)
Taganrog. Russia

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Galina Zh. Mikerova, Honored Teacher of the Russian Federation, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Primary School, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Sergei A. Nevskiy, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, National Research Institute of Russian Ministry of Internal Affairs
Moscow. Russia

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ	**CONTENTS**
Международная конференция	***International conference***
БУГАЙ Н.Ф. г. Москва, Россия РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ А.И. ДЕНИКИН: ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ РОССИИ. 1917-1920 гг.	BUGAY N.F. Moscow, Russia RUSSIAN GENERAL A.I. DENIKIN: QUESTIONS OF NATIONAL POLICY IN THE SOUTH OF RUSSIA (1917-1920)
ВАРТАНЬЯН Э.Г. г. Краснодар, Россия НАЧАЛО РЕАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ С ИРАНОМ (1917-1918 гг.)	VARTANYAN E. G., Krasnodar, Russia THE BEGINNING OF REALIZATION OF THE NEW FOREIGN POLICY PRINCIPLES OF THE SOVIET RUSSIA ON THE EXAMPLE
ПЕТРИЧЕНКО Е.А. г. Москва, Россия К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. «ЛЕД СЛОМАН, ПУТЬ ОТКРЫТ, ДОРОГА ПОКАЗАНА»	PETRICHENKO E.A. Moscow, Russia THE 100TH ANNIVERSARY OF THE GREAT OCTOBER REVOLUTION. «THE ICE IS BROKEN, THE PATH IS OPEN, THE ROAD IS SHOWN»
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ	***HISTORICAL SCIENCES***
БАКАШОВ А. В. г. Грозный, Россия ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЧНИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)	BAKASHOV A.V. Grozny, Russia ECONOMICAL DEVELOPMENT OF CHECHNYA REGION IN THE POST-REFORM PERIOD (SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)
ГАВРИЛА А. г. Москва, Россия РОЛЬ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	GAVRILA A. Moscow, Russia ROLE OF THE BLACK SEA REGION IN THE REGIONAL AND GLOBAL CONTEXT
ДУШКОВА Н. А., ГРИГОРОВА В. А. г. Воронеж, Россия ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА КРЕСТЬЯН ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КУСТАРНОЙ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД	DUSHKOVA N.A., GRIGOROVA V.A. Voronezh, Russia EVOLUTION OF THE SOCIAL IMAGE OF PEASANTS OF CHERNOZEM CENTER OF RUSSIA UNDER THE INFLUENCE OF ARTISANAL ACTIVITIES IN THE POST-REFORM PERIOD
КАРАИЧЕВ Д. Н. г. Москва, Россия АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РАЙОНОВ ГОРОДСКОГО ОКРУГА СЕВАСТОПОЛЯ В 1950-1970-Х гг.	KARAICHEV D. N. Moscow, Russia ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL CONVERSION OF DISTRICTS SUBDUED TO THE MUNICIPALITY OF SEVASTOPOL WITHIN THE PERIOD BETWEEN 1950 AND 1970
ПОПОВ М. Ю., УПОРОВ И.В. г. Краснодар, Россия МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА МЕЖДУ КОНСТИТУЦИЯМИ СССР 1924 и 1936 гг. (ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)	POPOV M.Yu. UPOROV I.V. Krasnodar, Russia LOCAL COUNCILS OF THE SOVIET STATE BETWEEN THE CONSTITUTION OF THE USSR IN 1924 AND 1936 (LEGAL ASPECT)
СОН Ж.Г. г. Москва, Россия ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СССР СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ (1946-1948)	SON Z.G. Moscow, Russia INTERNATIONAL COOPERATION OF THE USSR AND NORTH KOREA IN THE FIELD OF EDUCATION (1946 - 1948)
ЧИУ Т. Х. г. Москва, Россия (из Макао, Китай), БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЮЖНЫХ БЕРЕГОВЫХ БАТАРЕЙ В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ (НОЯБРЬ, 1941 г.)	CHIU T.H. Moscow, Russia (from Macao, China), BATTLE ACTIVES OF THE SOUTHERN SHORE BATTERIES IN THE DEFENSE OF THE SEVASTOPOL (NOVEMBER, 1941)
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ	***SOCIOLOGICAL AND HUMANITIES SCIENCES***
ВЕЛИКИЙ П. П., БОЧАРОВА Е.В.. В. г. Саратов, Россия СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ	VELIKIY P.P., BOCHAROVA E.V. Saratov, Russia CREATIVE POTENTIAL OF THE OLDER AGE GROUP IN THE RURAL SOCIETY

ВЕРЕЩАГИНА А. В., НЕЧИПУРЕНКО В.Н., САМЫГИН С. И. г. Ростов-на-Дону, Россия К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ФУНКЦИИ И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА	VERESCHAGINA A.V., NECHIPURENKO V.N. SAMYGIN S.I. Rostov-on-Don, Russia PROBLEM OF SOCIAL MEMORY DEFINITION: CONCEPT, SOME BASIC CHARACTERISTICS, FUNCTIONS AND ROLE IN FORMATION OF PATRIOTISM
ГОМУЛКА К. г. Гданьск, Польша ИММИГРАНТЫ ИЗ БЕЛАРУСИ, ВРЕМЕННО ПРЕБЫВАЮЩИЕ В ПОЛЬШЕ	GOMÓŁKA K. Gdansk, Poland. IMMIGRANTS FROM BELARUS STAYING IN POLAND ON A TEMPORARY BASIS
ДИБИРОВА К.Ю. г. Ставрополь, Россия К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ КАЧЕСТВОМ БЮДЖЕТНЫХ УСЛУГ В ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ	DIBIROVA C.Yu. Stavropol, Russia PROBLEM OF ASSESSMENT SATISFACTION WITH THE QUALITY OF PUBLIC SERVICES IN WESTERN AND DOMESTIC SOCIOLOGY
КУЧУКЯН А.В. г. Ставрополь, Россия ФЕНОМЕН КОММУНИКАТИВНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В МОЛОДЕЖНЫХ ПРОТЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ	KUCHUKYAN A.V. Stavropol, Russia COMMUNICATIVE PHENOMENON OF SOLIDARITY IN THE YOUTH PROTEST COMMUNITIES
ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	***EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES***
ГЕЛЯХОВА Л.А. АХМАТОВ А.Х. г. Нальчик, Россия АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ	GELYAKHOVA L.A. AKHMATOV A.Kh. Nalchik, Russia ANTITERRORIST PUBLICITY IN THE EDUCATIONAL FIELD
ГРИГОРЕНКО И. Н. ДАЦКО Т.Ф. г. Краснодар, Россия ЭФФЕКТИВНОЕ ПОПОЛНЕНИЕ ЗНАНИЙ В ОПОРЕ НА ГИПЕРТЕКСТ	GRIGORENKO I.N., DATSKO T.F. Krasnodar, Russia EFFECTIVE KNOWLEDGE ACQUISITION THROUGH HYPERTEXT
ДАНЬКО О. А. г. Москва, Россия МУЛЬТИВЕРСНАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ УЧАЩЕГОСЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ	DANKO O.A. Moscow, Russia MULTIVERSA MODEL OF PERSONALITY OF A STUDENT IN MODERN SOCIETY
ЛЕМОВ А.В., СЕЧНЕВ С.А. г. Саранск, Россия РАСШИРЕНИЕ ПОНЯТИЙНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КАК СПОСОБ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	LEMOV A.V. SECHNEV S.A. Saransk, Russia EXTENSION OF CONCEPTUAL CHARACTERISTICS AS A WAY OF ADAPTATION OF BORROWINGS TO THE RUSSIAN LANGUAGE
ЛОБЖАНИДЗЕ .И. г. Хабаровск, Россия ПЕРЕГОВОРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И УЧЕТ АКЦЕНТУАЦИИ ЛИЧНОСТИ	LOBZHANIDZE G.I. Khabarovsk, Russia NEGOTIATION COMPETENCE AND TRANSGRESSOR'S ACCENTUATION OF PERSON
ПАВЛОВ Ю.М. г. Краснодар, Россия СУМСКАЯ М.Ю. г. Пятигорск, Россия АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КРИТИКИ И МИФОТВОРЧЕСТВО	PAVLOV Y.M. Krasnodar, Russia SUMSKAYA M. Yu., Pyatigorsk, Russia A CRITIC'S AMBIVALENCE AND CREATION OF MYTHS
РАЗОРВИНА А.С. г. Ульяновск, Россия РОДИТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК НОВАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	RAZORVINA A.S. Ulyanovsk, Russia PARENT UNIVERSITY AS A NEW FORM OF INTERACTION OF FAMILY AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS
РУДАКОВА И.А., РОСЛЯКОВА Н.И. г. Краснодар, Россия ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ	RUDAKOVA I.A., ROSLYAKOVA N.I. Krasnodar, Russia THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF INCLUSIVE EDUCATION IN RUSSIA
ТАГВОРЯН М.П. г. Санкт-Петербург, Россия ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В МИРЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	TAGVORYAN M.P. Saint Petersburg, Russia SIGNIFICANCE OF LANGUAGE POLICY IN THE GLOBALIZED WORLD

РЕДАКТОРСКИЕ СТАТЬИ. КЛАССИКИ ***EDITORIAL ARTICLES. CLASSICS***

ПИРОГОВ Н.И.
(1810 – 1881 гг.)
НУЖНО ЛИ СЕЧЬ ДЕТЕЙ И СЕЧЬ В ПРИСУТСТВИИ ДРУГИХ ДЕТЕЙ?

ИНФОРМАЦИЯ ***INFORMATION***

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Начался 2017 год, и наше научное издание смотрит вперед с определенной надеждой и положительной уверенностью. Мы надеемся, что наш журнал будет интересен научной общественности. И мы уверены в том, что редакция сделает все возможное, чтобы знакомить вас с самыми новыми, оригинальными и интересными научными статьями.

Прошедший год был для нашего научного журнала достаточно насыщенным. Мы не останавливаемся в своем развитии и стремимся интегрировать публикуемые в нашем издании научные статьи в различные международные базы цитирования. Так, в 2016 году наш научный журнал вошел в следующие авторитетные международные организации и базы научного цитирования: DOAJ - Directory of Open Access Journals (Дирекция журналов открытого доступа); ERIH PLUS - European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (Европейский библиографический индекс гуманитарных и социальных наук); COPE - Committee on Publication Ethics (Комитет по публикационной этике) и т.д.

Ряды членов редакционного совета и редакционной коллегии нашего научного журнала пополнили прекрасные ученые мирового масштаба: доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета (Ереван, Армения) Артур Атанесян; доктор социологических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия) Анна Верещагина; доктор философии, профессор Токийского университета (Токио, Япония) Ёсиро Икэда; доктор исторических наук, профессор Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия) Сергей Кислицын; доктор исторических наук, профессор Сибирской академии управления и массовых коммуникаций (Новосибирск, Россия) Виктор Козодой; доктор философии, профессор социологии Манчестерского университета (Манчестер, Великобритания), президент Московской высшей школы социальных и экономических наук (Москва, Россия) Теодор Шанин.

Мы надеемся, что все вместе сможем качественно освещать вклад отечественных и зарубежных ученых в развитие исторической, социологической и педагогической наук на страницах нашего научного журнала.

С наилучшими пожеланиями,
главный редактор научного журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук,
профессор Кубанского государственного университета

Евгений Викторович Штурба

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в работе Международной заочной научно-практической конференции

1917 год: трагедия или триумф? Взгляд через столетие

Конференция проводится в течение 2017 года.

По всем вопросам можно обращаться в адрес оргкомитета: akademus07@rambler.ru

К участию в конференции приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Оргкомитет конференции обязуется безвозмездно публиковать материалы конференции на страницах журнала. Оргкомитет конференции будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

С уважением, главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Science Journal "Historical and Social-Educational Ideas" invites everyone to participate in the International Distant Conference of the Academic People and Professionals. The theme of the Conference is

1917: Tragedy or Triumph? Looking Through the Century

The Conference is held during 2017.

All questions possible to address to the Organizing Committee: akademus07@rambler.ru

To participate in the Conference are invited postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community. The Organizing Committee is committed to free publish conference materials in the pages of its science journal. The Organizing Committee will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

Sincerely, Chief Editor of the Science Journal
"Historical and Social-Educational Ideas",
Doctor of Historical Sciences, Professor

E.V. Shturba

Международная заочная
научно-практическая конференция:

1917 год: трагедия или триумф?
Взгляд через столетие

International Distant Conference of the Academic People and Professionals

1917: Tragedy or Triumph?
Looking Through the Century

УДК 930.1 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

БУГАЙ Николай Федорович
Институт российской истории Российской академии наук
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Nikolay F. BUGAY
Institute of Russian History Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ А.И. ДЕНИКИН: ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ РОССИИ. 1917-1920 гг.

RUSSIAN GENERAL A.I. DENIKIN: QUESTIONS OF NATIONAL POLICY IN THE SOUTH OF RUSSIA (1917-1920)

Несомненно, в советской историографии известны многочисленные труды, в которых дается подробный анализ вопросам вызревания предпосылок революционной ситуации в государстве, свершения самой революции, ее этапов, движущих сил революции, которые объединяли рабочий класс, крестьянство, национально-освободительное движение и армию. Все они в той или иной мере сыграли ощутимую роль в свершении революции в России в октябре 1917 г. Революция, по нашему мнению, сочетала в себе два фактора: и трагедию, и триумф. Триумф - для тех, кто поверил в лозунги революции, воплощавшиеся в жизнь, провозглашенную передачу земли крестьянам, мир, свободу, равенство, достаток. Трагедию - для отживавших классов, терявших власть, право на собственность, землю, духовные ценности. Казалось бы, перед партией большевиков и стояла задача путем конструктивной политики сделать не такими жесткими последствия этой революции, которые не привели бы к гражданской войне. Однако этого достичь не удалось. Гражданская война как раз и оказалась фактором трагедии. А.И. Деникин именно в таком ракурсе оценивает эти два социальных явления - революцию и Гражданскую войну. При этом он обращает внимание на положение этнических меньшинств, дает им характеристику и раскрывает роль через государственную национальную политику в это сложное время в истории России - 1917-1920-е годы.

There is no doubt in Soviet historiography known for numerous works, which provides a detailed analysis of the issues of aging prerequisites of a revolutionary situation in the country, achievements of the revolution and its stages, the driving forces of the revolution, which united the working class, the peasantry, the national liberation movement, the army. All of them are in one way or another has played a significant role in the accomplishment of the revolution in Russia in October 1917. The revolution in our opinion, in which the two factors are combined and the tragedy and triumph. Triumph for those who believe in the slogans of the revolution, and they were realized, announced the transfer of land to the peasants, peace, freedom, equality and prosperity. The tragedy for the moribund classes loses power, the right to property, land, spiritual values. It would seem that before the Bolshevik Party and was tasked by the constructive policies do not as strict consequences of this revolution, which would have led to the Civil War. However, it was not possible to achieve this. The civil war was just a factor of the tragedy. A.I. Denikin was in this perspective and evaluates these two social phenomena – the revolution and civil war. At the same time he drew attention to the situation of ethnic minorities, giving them characteristics and reveals the role of the state through a national policy in this difficult time in the history of Russia – 1917 – 1920-ies.

Ключевые слова: историография, Деникин, революция, Гражданская война, мобилизация, народы, Северный Кавказ, экономика, культура

Keywords: historiography, Denikin, revolution, civil war, mobilization of peoples, North Caucasus, economy, culture

К 100-летию Великой русской революции и Гражданской войны
On the 100th anniversary of the Russian Revolution and the Civil War

Историческая дата - 100-летие Великой российской революции и Гражданской войны вызывает к жизни необходимость обратить внимание на комплекс стержневых проблем истории России. Это был ее ответственный период: 1917 - начало 1920-х годов, который в жизни новой системы существования и управления Российским государством - Республики Советов - скорее был связан с решением задач по защите завоеваний Октябрьской революции 1917 г., провозгласившей новую форму власти - Советы.

Сложные события этого периода в жизни государства в конечном итоге привели к состоянию гражданской войны. Так просто уходить с арены господствующие классы не изъявляли желания.

Естественно, и те, кто возглавил революционную борьбу масс за изменение существовавшего общественного строя в бывшей царской России, мобилизовав свои силы (рабочий класс, крестьянство, национально-освободительное движение, армию), выступили на защиту завоеваний. И в этом деле, конечно же, решающая роль отводилась региону, который являл собой промышленный центр, состоявший из семи промышленно развитых губерний с одномиллионным пролетариатом и крестьянством семи аграрных губерний центральной России.

Несомненно, большие надежды возлагались и на поддержку национально-освободительного движения России, где также приходило понимание необходимости борьбы за идеи, нацеленные на улучшение материального положения граждан, смены сложившегося уклада жизни. Предстояло провести большую работу по преодолению стереотипов в управлении регионами страны, придать им более динамичное развитие.

Разрозненными силами вряд ли было возможно решать эти приоритетные задачи в экономически отсталых уголках единого государства - России. Поэтому не случайно единению сил придавалось первостепенное значение. И в этом плане движущие силы революции как раз и представляли рабочий класс, крестьянство, национально-освободительное движение и армия. В этой ситуации армия должна была составлять силу, выступающую на стороне завоеваний масс.

Для рассматриваемого исторического этапа России характерно было наличие различных политических движений и партий, выдвигавших разные программы по преобразованию российского многонационального мира, давно сложившихся и укоренившихся его устоев.

В этой непростой обстановке в государстве и большевикам, и силам, их поддерживавшим, противостояли альтернативные силы так называемого белого движения, которое объединяло всех недовольных происходящими преобразованиями, сопровождавшимися крушением старого строя и порядков управления государством, распоряжением государственными ценностями.

Альтернативная сторона по своей организованности и мобильности зачастую превосходила силы революции; руководимая подготовленным офицерством, она оказывала ожесточенное сопротивление формирующимся революционным силам.

В лагере противостоящих сил во многих регионах, особенно Юга России, оказалось и российское казачество. Казачьи войска представляли самостоятельные административные единицы. Система их управления в первую очередь отличалась от обычных губерний, имевших видимость демократичности и автономии с четко выстроенной по вертикали властью: Казачий отдел Главного штаба Военного министерства во главе с атаманом всех войск (наследником престола) - наказной (назначаемый) войсковой атаман и штаб (до XVIII в. войсковой круг (собрание) был высшим органом управления каждого войска).

Общественная или социальная психология казачества формировалась в течение нескольких столетий, несмотря на социальные потрясения. Казачество оставалось многонациональным по своему составу. Оно отличалось особым консерватизмом, не изъявляло желания расставаться со сложившимися устоями казачьей жизни, накопленными материальными ценностями, следовательно, объединялось в вооруженные подразделения, что усиливало мощь белой гвардии. В основных казачьих войсках Юга России - Донском казачестве (Донское казачье войско) - до 1918 г. насчитывалось свыше 1,5 млн казаков, в Кубанском казачестве (Кубанское казачье войско) - до 1,3 млн казаков, в Терском казачестве (Терское казачье войско) - около 278 тыс. казаков. За казаками оставалась функция несения государственной службы.

Военный контингент казачества выглядел следующим образом: личный состав казачества в войну 1914-1918 гг. насчитывал 68,5 тыс. казаков (офицеры - 30 тыс.), служивые - 474 тыс. человек. Казачество, будучи военизированным сословием, участвовало в приращении земли российской.

Из рядов казачества выходили и многие талантливые воинские стратеги. Возглавляя целые армии, действовавшие на фронтах с переменным успехом, они пытались проводить меры, связанные с упрочением своей власти, организацией нового порядка, с учетом ситуации в расстановке сил революции и возможности оказания им сопротивления.

Начиная с деятельности периода Временного правительства, казачество России постоянно пребывало в движении, вызванном социальными взрывами, решая вопросы борьбы за власть и совершенствования системы управления на территории казачеств Юга России. Революционная ситуация как раз и содействовала концентрации и моби-

лизации сил, улучшению работы аппарата управления казачьими войсками, появлению новых институтов в этой сфере - ими становились съезды казачества, казачьи круги, расширенная работы среди населения.

Революция породила новые партии и новые течения. Сбалансированными оценками отличается и период событий, связанных с Гражданской войной, в том числе в противостоящем лагере (А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов, А.П. Филимонов, В.Г. Науменко).

Генерал Деникин оценивает реальность возможной революции следующим образом: «Революция была неизбежной. Ее называют всенародной. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения». Им также высоко оцениваются лозунги революции, которые вызывали заинтересованность крестьянства, рабочих и либеральной буржуазии. Правда, он пока не спешит излагать свое отношение к вопросу роли этнических меньшинств в этих процессах.

Гражданской войной общество было разделено на разные направления: политическое (муниципальные общественные организации - кадеты), четко вырисовывавшийся революционный путь и альтернативный ему («красные» и «белые»). Но для Кубани был еще и третий путь. Его поиском было занято черноморское крестьянство. Оно избрало за образец меньшевистскую Грузию. Там в горах действовали отряды - «зеленые», выступавшие против службы в армии под командованием А. Деникина.

Гражданская война и без того обострила ситуацию в отношениях между «белыми» и «красными», ожесточалась между ними и борьба за власть, которая выявила лидеров из числа казаков - А.И. Деникина, генерала от кавалерии А.М. Каледина и др. Главной их опорой являлись помещики, землевладельческая и крупная торгово-промышленная буржуазия, связанная напрямую с иностранным капиталом.

И в условиях современности эта проблема остается актуальной. Необходим обстоятельный ответ на вопрос, каким образом протекали процессы межэтнических отношений в многонациональной России на разных этапах развития самой государственности, в том числе в ее конститутивный период и в обстановке Гражданской войны.

Обращение к многосословным и многоконфессиональным сообществам, включая и такую сложную систему, как межэтнические отношения, было необходимо, особенно в такой многонациональной стране, как Россия. В революционное движение за преобразование общества вовлекалось все больше представителей национально-освободительного движения. Его ресурс постепенно становился заметным и ощутимым по всей территории страны. Эти регионы также отличались своими сложившимися устоями, уровнем развития экономики, разного рода отсталостью и ограниченными возможностями.

Несомненно, привлекает внимание вопрос об отношениях между генералом А. Деникиным и казачеством. Оно не сразу уяснило свою роль в сложных процессах развития революции. Казачество стремилось постоянно уйти из подчинения А. Деникину. Не случайно казаками создавались свои областные правительства, что вызывало постоянное недовольство со стороны Деникина. В одном признавал Деникин казаков. По этому поводу он высказался в разделе «Крушение власти и армии» 1-го тома «Очерков русской смуты»: «Казачество, в противовес всем прочим составным частям армии, не знало дезертирства».

Длительное время продолжалось сопротивление кубанских казаков генералу Деникину. Казаки отстаивали как свои учреждения, так и собственность, особенно на землю. Отсюда, как замечал А. Деникин, «постепенная эволюция от областного самоуправления к автономии, федерации и конфедерации». Например, появление Кубанской казачьей республики - «равноправного, самоуправляющего члена федерации народов России». И формирование резкой позиции по вопросам об устройстве казачьего управления. По причине сепаратизма и проявлений самостийности со стороны казаков Деникин расправился и с ними.

События Гражданской войны - это и прямая связь позиций генералитета, казачьей бедноты, формирования в каждом из направлений своей концепции борьбы за власть. Кстати, в период войны это с особой наглядностью проявилось в походе А. Деникина на Москву. Вряд ли удалось сплотить всех в этой борьбе. Что касается казачества, то в его сознании сформировался определенный стереотип борьбы - «только на своей территории», остальное казака не интересовало.

В этом плане негативную роль сыграла шовинистическая политика А. Деникина, проводимая по отношению к горцам Северного Кавказа. Она способствовала их переходу на сторону советской власти и ослаблению тыла белых армий Юга России.

На Северном Кавказе чечено-ингушская беднота встретила советскую власть с чувством величайшего удовлетворения и благодарности. Слово «большевик» передавалось из уст в уста как образ заступника и спасителя бедных и обездоленных. Рабочие Грозного и чечено-ингушская беднота во главе с С.М. Кировым, Серго Орджоникидзе и Асламбеком Шериповым поднялись на защиту советской власти от оголтелых белогвардейцев генералов А. Деникина, Драценко, Бичерахова и др.

В этой неравной борьбе в 19181920-х годах беззаветно дрались и пали смертью храбрых многие представители чечено-ингушского народа. Известны случаи преступного поведения белогвардейцев А. Деникина, которые сожгли 23 чеченских села с населением от 5 до 10 тысяч душ в каждом за отказ выдать воинов Красной Армии и советских комиссаров. Даже по признанию наших злейших врагов, «Ингушетия была самой надежной опорой, являя собой неприступную крепость советских комиссаров».

В 1919 г. в докладе Совнаркому Г. Орджоникидзе писал про эти бои: «Верхи ингушей, ведшие переговоры с деникинским командованием, склонны были выполнить требования деникинцев, но ингушские массы заявили, что они никогда не были предателями и никогда ими не будут. Ингуш не может быть предателем» [РГАНИ, Ф.5. Оп.31. Д.56. Л.1-11].

После того, как деникинцы заняли весь Северный Кавказ, а многие аулы горцев были ими превращены в развалины, дух ингушей не был сломлен. Летом 1919 г., когда казалось, что деникинцы неудержимо катятся к Москве, «ингуши организовали несколько массовых восстаний против белогвардейцев» [РГАНИ, Ф.5. Оп.31. Д.56. Л.1-11].

Как бы ни относился главнокомандующий А.И. Деникин к этническим общностям на Северном Кавказе (чеченцы, кабардинцы, осетины и др.), но в своих воспоминаниях «Очерки русской смуты» в отношении, например, ингушей он признавал: «Ингуши, самый малочисленный, но наиболее сильный военной организацией народ, являлись фактическими вершителями судеб революции на Северном Кавказе. Ингуши природные большевики...» [РГАНИ, Ф.5. Оп.31. Д.56. Л.1-11].

С удивлением и дикой злобой замечал в 1919 г. на Терском войсковом круге палач ингушей, командующий деникинскими группировками на Северном Кавказе генерал Ляхов: «Не было случая сдачи ингуша в плен. Если у него оставалось только пять патронов, четыре пули он пускает в нас, пятую себе в лоб» [РГАНИ, Ф.5. Оп.31. Д.56. Л.1-11].

И.В. Сталин дал высокую оценку преданности чеченцев и ингушей революционной Советской России. Разоблачая узурпаторов и самозванцев из так называемых донского, северо-кавказского и других «правительств», Сталин писал в центральном печатном органе коммунистической партии газете «Правда» 1 июня 1918 г. № 108: «Пусть говорят теперь оклеветанные узурпаторами и их покровителями *чеченцы и ингуши*» (выделено И.В. Сталиным).

Тесный контакт имел с ингушами Г.К. Орджоникидзе. Это позволяло ему давать истинную оценку тому, как ингуши сражались за Советы в годы революции.

Поэтому, по нашему мнению, некорректны звучащие иногда необоснованные утверждения, что мусульмане якобы не сражались за власть, в том числе и Советов, не защищали ее. Это не так. Утверждение, что мусульмане боролись только за личную

свободу в силу своей специфики, не сопрягается также с действиями тех, кто возглавлял это движение, а это были представители национальной мусульманской элиты.

Конечно, во многих регионах ее прослойка была крайне узкой. Однако в своих практических действиях они отличались определенной последовательностью. Тот же Бетал Калмыков (кабардинец), Юсуф Настуев (балкарец), Таштемир Эльдарханов (чеченец), Саид Габиев (представитель народов Дагестана) и многие другие проявили себя не только в ходе революции и Гражданской войны, в том числе борьбы с деникинцами, но и в последующий период упрочения власти Советов. В 1919-1925 гг. они состояли назначенными членами окружных и местных ревкомов. В то же время многие из алимов были преподавателями в школах, создаваемых теми же революционными комитетами.

В идейном плане установка прежней российской политики в этом направлении сводилась к главным составляющим - это территории и человек. Что касается национальных регионов, то в планах царской империи этнический принцип мало учитывался на практике, он не выступал основой и при формировании управляемого многонационального сообщества.

Поэтому справедливо замечание, что в предшествующую Октябрю 1917 г. эпоху подданные русских царей не были формально «расписаны» по этническим общностям - государство интересовала прежде всего их сословная и религиозная принадлежность. По этому поводу Ю.И. Семенов замечает: «… в центре внимания имперской власти… были вовсе не этносы и не нации… В центре внимания центральной власти был регион, область. Политика, которая вырабатывалась центральной властью, была не национальной в точном смысле слова и даже не этнопротестной. Она была прежде всего управленческой и региональной, областной» [6, с. 68]. Именно на этих принципах в своей основе базировалась и национальная политика, выстраиваемая генералом А.И. Деникиным на захватываемых его армией территориях России в ходе борьбы с силами революции.

Зачастую исследователи, занимаясь разработкой вопросов национально-государственного строительства, системы межэтнических отношений в этот переходный период, мало уделяют внимания военной стороне жизни и анализу мер, предпринимавшихся по улучшению обстановки во взаимодействии народов в государстве. Об этом свидетельствует и экскурс в историографию, например, Северного Кавказа. Обращение к такой ценной во всех отношениях работе А.И. Деникина, как «Очерки русской смуты», трактовкам его положений, в том числе применительно к мусульманам, полностью отсутствует. В то же время было бы полезным в анализе обратиться к такому аспекты проблемы, как борьба в первую очередь за массы, а потом уже и за или против власти Советов.

В связи с обращением к практике А.И Деникина, следует сразу же отметить, что автор, несмотря на уважение к русскому генералу, как к человеку военному, придерживается той позиции, что вряд ли надо заниматься реабилитацией его имени, так же как и имен, подобных его статусу. Исхожу из того принципа, что общество должно жить без многочисленных и бесконечных войн, потрясений, с учетом временного фактора, быстротечности самой жизни. К сожалению, генералы призваны к исполнению других целей, это они выбирают смыслом своей жизни. Их бы усилия в разные периоды развития государственности направлять на достижение одной цели - отсутствие войн...

А. Деникин в данном случае обращает внимание на особенности реализации лозунгов революции в национальных регионах Северного Кавказа, в частности чеченцев, осетин, кабардинцев, ингушей, казачества, национальных анклавов Крымского полуострова, особенно крымских татар. Одной из важных задач, стоявших перед этими сообществами, выступало в первые годы после революции «поддержание правопорядка, мирное разрешение межнациональных столкновений, обеспечение прав национальных меньшинств в Учредительном собрании и т.п.».

А. Деникин полагает, что весна 1918 г. явилась своеобразным поворотным пунктом в жизни этнических общностей Северного Кавказа, хотя этот вывод оспаривался в

последующем Турцией. Именно в этот период, как констатировал Деникин, «они подпадают в большей или меньшей степени под влияние советской власти».

В Терской области, конечно же, это была внушительная сила. По данным А. Деникина, в общей массе населения – 1 450712 она включала русских: а) казаков – 20%; б) иногородних – 20%; [всего] – 40%; горцев: а) осетин – 17%; б) чеченцев – 16%; в) кабардинцев – 12%;г) ингушей – 4%; [всего] – 49%; кочевников – 4,5%; прочих (армян, грузин, персов, немцев и т. д.) – 6,5%. Однако участие этих народов в политической жизни края далеко не соответствовало их численному составу. Поэтому особо ценное значение приобретало участие представителей названных народов в политической жизни края. Особая роль (она могла быть и позитивной, и негативной) в этом плане отводилась ингушам, с учетом их организованности.

Осетины в этом отношении разделялись на несколько групп (поддерживали дружбу с казаками, ингушами, большевиками и ненавидящими большевиков). Кабардинцы признавали власть Советов, чеченцы то враждовали с казаками и большевиками, то контактировали с казаками против большевиков.

Особняком выступал многонациональный Дагестан, находившийся в ту пору под влиянием турецкой пропаганды, но тяготевший к Советам. В марте 1918 г. было ликвидировано Терско-Дагестанское правительство и установлена в этом регионе советская власть. В этой ситуации казачество пока «цепко держалось за свои привилегии, преимущественно экономического характера».

Насаждая и поддерживая национальные Советы, большевики проводили масштабную работу по вытравливанию остатков казачьего самоуправления. Находил активное применение и такой механизм управления, как принудительное выселение. С территории Сунженской линии были принудительно переселены первые 10 тыс. казаков. Как сообщается в источниках, они «с остатками своего добра, обезоруженные потянулись на север без каких-либо определенных перспектив; гибли и мерзли по дороге, подвергались нападению и ограблению со стороны горцев».

Терские власти и казачество пребывали в двойственном положении: с одной стороны, выдвигали требование о применении «более решительных военных мер против ингушей и чеченцев, угрожавших пределам области, а с другой - чтобы власть не вмешивалась в суверенное существование Терека». Умиротворение горских народов шло своим чередом, встречая на своем пути огромные трудности. Речи о федерации или конфедерации пока не велось. Терек объявлял себя неразрывной частью России.

Этим целям подчинялась также идея создания в сентябре 1918 г. Союза горцев Северного Кавказа Юго-Восточного союза народов.

Неоспорим тот факт, что Деникин постоянно заботился и об укреплении своей собственной власти это логично. Всеми делами на Юге России ведало специально созданное им Особое совещание при ставке Деникина (ОСВАГ). Ему напрямую подчинялись главноначальствующие и губернаторы. В его ведении действовали различные политические организации типа Совета государственного объединения России (СГОР). Их деятельность, естественно, служила устранению власти рабочих и крестьян, большевиков.

Решению этой задачи подчинялась и деятельность созданного осенью 1918 г. кадетского Национального центра. Меры названных органов власти вплоть до разгрома Красной Армией Добровольческой армии Деникина носили карательный характер [ГАРФ, Ф.36. Оп.1. Д.108. Л.5]. Любое выступление на стороне советской власти пресекалось избиениями, судами, расстрелами и пр. В этом плане система управления процессом была отработана четко, касалось ли это представителей русского народа или других национальностей непосредственно в районах дислокации Добровольческой армии.

Штаб армии, возглавляемый генералом Лукомским, ведал всеми организационными, административными и хозяйственными вопросами.

Действуя в многонациональных регионах России, и особенно на Северном Кавказе, Деникин отрабатывал в теории и на практике свою концепцию по взаимодействию с

национальными анклавами и их верхушкой. В первую очередь отрабатывался вопрос о *вооруженных силах* и представительстве в них воинских соединений от национальных регионов.

В связи с этим в создании армейских соединений предусматривалось и формирование национальных воинских частей, использование и привлечение ров - представителей местных национальностей. Сам Деникин придал особое значение этому вопросу и по поводу него замечал: «Война, во всяком случае, опрокинула всякие перегородки, а революция принесла и в порядке законодательном отмену всех вероисповеданий и национальных ограничений» [2, т. 1, с. 128]. Что касается вооруженных сил, то Деникин считал, что «национального вопроса в старой русской армии почти не существовало». Вся тягость службы была связана с незнанием или плохим знанием русского языка, на котором велось обучение. Не существовало и малорусского вопроса, не было проявлений ни русификации, ни национального шовинизма. Незаметным было и национальное расслоение в национальной среде. До революции была создана Кавказская туземная дивизия (командующий - князь Михаил Александрович), состоявшая из северокавказских горцев. Не удалась попытка и в конце 1917 г. расслоить войска по национальному признаку с целью удержания Румынского фронта. Против этой идеи выступало и правительство.

Именно в этом ключе привлекают внимание преобразования, проводимые одним из лидеров белого движения, русским генералом А.И. Деникиным. Его нововведения в этом плане предусматривали коренные изменения в сфере государственной национальной политики, и ее познание позволяет определиться в коренных отличиях самих направлений этой политики.

При этом А. Деникин верно подмечает, что с национальным вопросом пришлось столкнуться, когда руководимая им Добровольческая армия непосредственно соприкоснулась с представителями многих народов на Северном Кавказе, в Закавказье, Крыму, на Украине, где, как отмечает Деникин, «примиренное русской властью, но не изжившее еще психологически вековой розни и не забывшее старых взаимных обид разноплеменное население ... заволновалось» [2, т. 2. с. 177-178].

В освещения событий многонационального Крыма в 19181919 гг. А.И. Деникин обращается только к крымским татарам, вероятно, считая их самым многочисленным национальным меньшинством (2025% от всего населения), выступавшим, по его мнению, опорой Крымского правительства (премьер-министр, избранный немцами, генерал Сулашкин). Правительство подвергалось нападкам со стороны оппозиции.

Крымско-татарский народ, по мнению А. Деникина, постоянно возлагал большие надежды на помощь Германии, при этом «опираясь на сулящие мусульманским странам счастье исторически высокие цели его Величества Великого Государя Вильгельма». И в этой ситуации крымские татары не отказывались от своих «державных прав»: им была предоставлена культурно-религиозная автономия.

Тем не менее о крымских татарах Деникин пишет, что именно как составляющая сила революции в национально-освободительном движении России они первыми обозначились в конкретных действиях, заявив 25 марта 1918 г. на конгрессе о своей национально-гражданской автономии, и реквизировали вакуфные земли ... 8700 дес. и один миллион рублей [3, с. 135]. Но эти действия Деникин в последующем оценивает как «карикатурное отражение лишенных элементарности тех приемов и стремлений, которые присущи представителям многочисленных новообразований, возникших на развалинах России». 4 ноября 1918 г. генерал Сулашкин обратился к А. Деникину с известием, что «в Крыму нет опоры для обороны...».

Партия большевиков уже в начале 1920-х годов имела четкое представление о приоритетных задачах в сфере национальной политики в масштабе государства. В сложившейся ситуации ею было очерчено для практики решение такой задачи, как институциализация этого направления в 1918 г. Как известно, в числе первых наркоматов был сформирован Народный комиссариат по делам национальностей - Наркомнац (И. Сталин). Именно он выступал тем органом власти, который формировал многие со-

вершенно новые направления национальной политики нового государства рабочих и крестьян.

Первостепенные задачи получали четкую формулировку и сводились к следующему. Действительность была такова, что государство не могло не обращать внимания на состояние и эволюцию формировавшихся межэтнических отношений. Этим были озабочены и царское правительство, и Временное правительство, и советское - с октября 1917 г. Конечно, разными были как методы их работы, так и ее результаты.

Именно после Октября 1917 г. на практике большевиками планировалось решение главных стратегических задач:

во-первых, возрождение и развитие культуры российских народов, формирование их мировоззрения;

во-вторых, повышение экономического развития регионов проживания национальных анклавов до уровня центральной России.

Развитие событий в 1917-1922 гг. показало, что увлечение разными сторонами жизни этнических сообществ, организаций, связанных с их народным образованием, развитием культуры в целом, само по себе не было столь рачительным и требовало огромных затрат. С учетом возможностей самого государства (тяжелое экономическое положение) решение этой задачи представлялось затруднительным. Поэтому постепенно формировался новый подход, а именно нивелировка в системе конструирования государственной национальной политики, ее взаимосвязи и органичности с решением названных первостепенных задач: экономика и культура, взаимодействие культур, направленных на формирование самосознания и национального сознания граждан в новом государстве.

В обстановке начала 1920-х годов этот опыт был, конечно, приумножен революционными преобразованиями первой четверти XX в. По этому поводу писатель Ю. Поляков замечает: «При советской власти они (межэтнические отношения. - *Н.Б.*) считались решенными в ходе "революционного очищения", что верно лишь отчасти» [7, с. 1].

Правда, решение вопроса возрождения культуры протекало трудно. Не было в этом плане и единого понимания. Эти процессы широко, с полной аргументацией представлены в книге молодого ученого К.С. Дроздова, который вскрыл усилия в этом направлении деникинцев [4]. Рассматривая вопрос о проводимой Украиной в начале 1920-х годов политики украинизации территорий России, автор положительно отзывается о работе деникинцев в решении этой актуальной и в современных условиях проблемы. В частности, он пишет: «Согласно Временному положению "Об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией", которым определялся порядок администрирования в зоне деникинского контроля, русский язык был объявлен единственным государственным, при этом употребление "местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях" допускалось "в пределах, установленных законом"». И далее: «А поскольку законов таких не было, украинский язык наряду с другими местными языками фактически запрещался» [4, с. 102-103].

Это находит подтверждение и в научной работе В.В. Корнилова, который сообщает о том, что генерал В. Май-Маевский, безраздельно заправлявший в занятом деникинцами Харькове и на части территории Курской губернии, которая была очищена от большевиков, 3 августа 1919 г. издал приказ № 22 следующего содержания: «Все школы, в которых до появления "украинских" властей преподавание велось на русском языке, а затем, по распоряжению украинской власти, языком преподавания был сделан малорусский язык, должны вернуться вновь к преподаванию на русском языке» [5, с. 511-512]. Май-Маевский фактически запретил украинские школы, дотирующиеся государством или земствами, разрешив лишь частные учебные заведения. Этим же приказом был упразднен учебный предмет «украиноведение», учрежденный в гетманский период [5, с. 511-512].

В связи с этим К.С. Дроздов делает соответствующий вывод, что «окончательную точку в деле прекращения украинизации школ и культурных учреждений поставили де-

никинцы - сторонники общерусского проекта, выступавшие под лозунгом "единой, неделимой России"» [4, с. 103].

Таким образом, в условиях трансформации жизни народов Юга России, в итоге происходившего процесса объединения народов во имя сохранения целостности России, ликвидации какого бы то ни было подавления национальной жизни горцев, предоставления этническим общностям (горцам) достаточно широкого самоуправления в регионе их проживания, выбора администрации, невмешательства органов власти в вопросы религии, шариата, народного образования, выработки мер по дальнейшему примирению горцев и казаков, успокоения Северного Кавказа, оказания помощи из казны для достижения этих целей формировались и приоритетные задачи дальнейшей работы.

В плане территориального обустройства России, а также необходимости ответа на выдвигаемые в ее адрес другими государствами разного рода территориальных притязаний, несомненно, привлекает внимание постановка и рассмотрение А. Деникиным так называемого «сочинского вопроса». Сочинский округ до сих пор будоражит воображение некоторых бывших правителей Грузии (М. Саакашвили). В иных ее районах время от времени проходил сбор подписей в пользу «возвращения исконно грузинских земель».

В обращении заявлены претензии и на район Сочи - Красная Поляна - Адлер. Напомним, что еще в октябре 2006 г. тогдашний президент М. Саакашвили в ходе интернет-конференции в Тбилиси убеждал журналистов: «Мы не претендуем на Сочи и примыкающий к этому городу регион, входивший в состав независимой и даже советской Грузии, хотя Сочи - это "высокая сосна" по-грузински» [1].

Вероятно, президент проштудировал период истории Грузии 1918-1922 гг., когда в 1918 г. войска Грузинской Демократической Республики захватили Сочи и объявили о присоединении этих территорий к Грузии. Правда, господство это было недолгим. Армия генерала Деникина изгнала грузинские войска из округа Сочи. Как известно, 7 мая 1920 г. было подписано соглашение между Грузинской Демократической Республикой и РСФСР, установлена граница между двумя государствами.

Советская и российская историография внесла заметный вклад в изучение истории Великой российской революции и Гражданской войны. По ряду вопросов в свое время состоялись дискуссии, особенно о периодизации истории Гражданкой войны. Помнится, как доктор исторических наук, профессор Н. Азовцев (Институт военной истории Министерства обороны СССР) разделял ход Гражданской войны на пять самостоятельных этапов. С этой точкой зрения не был согласен доктор исторических наук П.Н. Соболев, замечавший по этому поводу, что не следует увлекаться нагромождением лишнего, дроблением процесса. В ходе войны он отчетливо прослеживал только три этапа, остальные расценивал как надуманные. По его мнению, победа над армиями генерала А. Деникина, а затем и барона Врангеля предопределили окончание Гражданской войны полностью. Активное участие в дискуссиях принимал в 1970-е годы и доктор исторических наук В.П. Наумов, известный историограф Гражданской войны.

Опыт, накопленный А. Деникиным в работе с национальными общностями, находил применение в последующем, в период действий армии на территории Украинской Народной Республики.

В январе 1919 г. румынскими войсками была захвачена Буковина, а летом еще и большую часть Галиции заняли польские, а южную часть - румынские войска. ЗУНР фактически перестала существовать. Ее войска - Украинская Галицкая армия - действовали с переменным успехом, то в составе деникинских вооруженных сил Юга России, то в составе Красной Армии.

Летом же 1919 г. на Украине состоялись выборы в Советы. Они проводились на территории, не занятой деникинской армией. К осени удается развернуть фронт советского строительства и в таких губерниях, как Екатеринославская, Черниговская, Полтавская. Заметно увеличивался и объем работы. Историческим событием на Украине стало учреждение ВЦИК и СНК УССР 1 декабря 1919 г. Всеукраинского революционно-

го комитета (Всеукрревком) как временного чрезвычайного органа власти, который возглавил Г.И. Петровский.

Весной 1920 г. получил подтверждение договор между Польшей и УНР, а 20 декабря лидеры галичан разорвали «акт» и восстановили ЗУНР, что фактически означало выход Директории УНР из договора.

Одним словом, русский генерал А.И. Деникин, признанный опытным военачальником и политическим деятелем, обстоятельно разбирался в процессах обустройства России как в царское время, так и в условиях революции и Гражданской войны. В его планах по преобразованию России большое внимание уделялось и комплексу вопросов, связанных с анализом состояния межэтнических отношений, ролью, которую выполняли этнические меньшинства в общей системе народов России, их перспективе.

А.И. Деникин в своих воспоминаниях сумел и передать состояние России, и отразить уровень жизни ее населения, положение вооруженных сил, сущность отношений между государствами, скорбь прошлой России и дух нарождавшегося нового российского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грузинские политики выступили с требованием предъявить претензии к России // Сегодня Ru. - 12 марта 2007 г.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты Т. 1. - Париж, 1922. - С. 128.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. - М.: Мысль, 1991. - С. 135 /Авт. предисл. Бугай Н.Ф.
4. Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923-1933 гг. - С. 102-103.
5. Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. - Харьков, 2011. - С. 511-512.
6. Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины / Сост., автор вступ. статьи Ю.И. Семенов. - М., 1997. - С. 68.
7. Поляков Ю. Лезгинка на Лобном месте // Литературная газета. - 2011, 2-8 февраля. - С. 1.

REFERENCES

1. Georgian politicians were demanding to make a complaint to the Russian. Today Ru. March 12, 2007.
2. Denikin A.I. Essays on Russian Troubles T. 1. Paris, 1922. 128 p.
3. Denikin A.I. Essays on Russian turmoil. M.: Mysl, 1991. 135 p. Auto. foreword. N.F. Bugay
4. Drozdov K.S. Ukrainization policy in the Central Black Earth, 1923-1933 gg. Pp. 102-103.
5. Kornilov V.V. Donetsk-Krivoy Rog republic. Dream shot. Kharkiv, 2011.Pp. 511-512.
6. National policy in imperial Russia. Civilized margin. Comp., Author of introd. Article Y.I. Semenov. M., 1997. P. 68.
7. Polyakov Yu. Lezghinka on Calvary. Literary newspaper. 2011 February 2-8. P. 1.

Информация об авторе:

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории, Российской академии наук,
г. Москва, России,
nikolay401@yandex.ru

Information about the author:

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
nikolay401@yandex.ru

Получена:07.02.2017

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Русский генерал А.И Деникин: вопросы национальной политики на Юге России. (1918-1921). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Received: 07.02.2017

For citation: Bugay N.F. Russian general A.I. Denikin: questions of national policy in the south OF Russia (1917-1920). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

УДК 94(470) "1917/1918 " DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ВАРТАНЬЯН Эгнара Гайковна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
vartaneg@yandex.ru

Egnara G. VARTANYAN
Kuban State University
Krasnodar, Russia
vartaneg@yandex.ru

НАЧАЛО РЕАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ С ИРАНОМ (1917-1918 гг.)

Статья подготовлена в рамках заочной конференции «1917 год: трагедия или триумф? Взгляд через столетие» и посвящена 100-летней годовщине Октябрьской революции 1917 г. В какой-то степени она является дополнением моей статьи «Первые шаги в формировании советско-персидских отношений (1917-1921)», опубликованной в первом номере журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» за 2017 г. (т. 9, № 1, часть 1, с. 45-49). На примере отношений с Ираном автор анализирует принципы внешней политики Советской России, основанные на равенстве, взаимном уважении народов, мирном сосуществовании, интернационализме, праве наций на самоопределение, показывает отказ Советской России от принципов царской дипломатии.

Отмечается, что Иран был поделен в 1907 г. на сферы влияния между царской Россией и Англией, а во время Первой мировой войны оккупирован войсками Англии, царской России, Турции. В 1917 г. все неравноправные соглашения царского правительства с Ираном (1907, 1915 гг.) были аннулированы. Автор указывает на то, что советское правительство уже в 1918 г. начало выводить свои войска, дислоцированные в северо-западном и западном Иране, а также с территории, расположенной вдоль границы Ирана и Афганистана (английские войска оккупировали юг страны от Персидского залива до юго-западной части Афганистана). Подчеркивается, что англичане старались завербовать на свою сторону контрреволюционно настроенных и неустойчивых казаков и офицеров. Рассматривается дезавуирование советским правительством старого дипломатического аппарата России за границей. Главы дипломатических представительств Советской России при иностранных правительствах стали называться полномочными представителями РСФСР, а основная масса царских дипломатов, отказавшаяся служить Советской власти, была уволена с дипломатической службы.

Делается вывод о том, что советско-иранские отношения первых лет советской истории демонстрируют реализацию новых принципов внешней политики России, основанных на равенстве, взаимном уважении народов, праве на самоопределение, отказе от концессий, неравноправных договоров, соглашений, заключенных царским правительством.

Ключевые слова: Советская Россия, Иран, внешняя политика, соглашение, нота, мирное сосуществование, интернационализм, самоопределение.

THE BEGINNING OF REALIZATION OF THE NEW FOREIGN POLICY PRINCIPLES OF THE SOVIET RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE AFFAIRS WITH IRAN (1917-1918)

Article is prepared within the correspondence conference "1917: tragedy or triumph? Looking through the century" it is also devoted to 100-year anniversary of the October revolution of 1917. To some extent it is addition of my article "The First Steps in Formation of the Soviet-Persian Relations (1917–1921)" published in the first issue of the magazine "Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl" (Historical and Social-Educational Idea) for 2017 (Vol. 9, No. 1, Part 1, pp. 45-49).On the example of the relations with Iran the author analyzes the principles of foreign policy of the Soviet Russia based on equality, mutual respect of the people, peaceful co-existence, an internationalism, the right of the nations to self-determination, shows refusal of the Soviet Russia of the principles of imperial diplomacy. It is noted that Iran was divided in 1907 into spheres of influence between imperial Russia and England, and during World War I it is occupied by troops of England, imperial Russia and Turkey. In 1917 all inequitable agreements of the imperial government with Iran (1907, 1915) were cancelled. The author specifies that the soviet government in 1918 began to disengage the troops deployed in northwest and western Iran and also from the territory located along border of Iran and Afghanistan (the English troops occupied the south of country from the Persian Gulf to a southwest part of Afghanistan). It is emphasized that British tried to enlist counter-revolutionarily adjusted and unstable Cossacks and officers on the party. Disavowal of old diplomatic staff of Russia by soviet government abroad is considered. Heads of diplomatic representations of the Soviet Russia in case of the foreign governments began to be called plenipotentiaries of RSFSR, and the bulk of imperial diplomats which refused to serve the Soviet power were dismissed from diplomatic service. The conclusion that the Soviet-Iranian relations of the first years of the Soviet history show implementation of the new principles of foreign policy of Russia based on equality, mutual respect of the people, a right to self-determination, refusal of concessions, inequitable agreements, the agreements signed by the imperial government is drawn.

Keywords: Soviet Russia, Iran, foreign policy, agreement, note, peaceful co-existence, internationalism, self-determination

Цель данной статьи - показать основные принципы внешней политики Советской России и их реализацию на примере отношений с Ираном в первые годы советской власти. События Октября 1917 г. и его последствия для отечественной истории поразному оцениваются в литературе: для одних - это трагедия, для других - триумф, третьи дают им менее однозначную оценку. Несомненно одно: события 1917 г. и их уроки необходимо подвергнуть тщательному анализу на документальной основе и объективному исследованию.

История внешней политики СССР богата событиями и фактами. Советская Россия прошла путь от полного игнорирования, изоляции и блокады со стороны капитали-

стических государств до всеобщего признания Советского Союза и его ведущей роли на международной арене.

Советское правительство с первых же дней существования стало проводить внешнюю политику, отличавшуюся от политики царской России. Второй Всероссийский съезд Советов принял «Декрет о мире», а также решение об отмене тайной дипломатии и тайных договоров, заключенных царской Россией с другими державами; было также декларировано равенство народов, их право на самоопределение [1]. Эти первые международные акты советского правительства имели непосредственное отношение к Ирану, территория которого во время Первой мировой войны была оккупирована армиями Англии, Турции, царской России. Фактически Иран был поделен на сферы влияния (соглашение 1907 г. между Англией и Россией). Нейтральной оставалась лишь небольшая территория в центре страны.

Царская Россия в период Первой мировой войны держала в Иране значительное количество войск с целью создания фронта против Турции и предотвращения возможного выступления Ирана на стороне германского блока. В основном войска были дислоцированы в северо-западном и западном Иране. Кроме того, русские войска занимали территорию, расположенную вдоль границы Ирана и Афганистана. Английские войска оккупировали в соответствии с соглашением 1907 г. юг страны от Персидского залива до юго-западной части Афганистана.

В 1917 г. советское правительство аннулировало англо-русские соглашения 1907 и 1915 гг. о разделе Ирана и положило в основу своей внешней политики принципы пролетарского интернационализма, равенства и взаимного уважения народов, мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Правда, вплоть до середины 1920-х годов высшее политическое руководство Советского Союза продолжало верить в идеалы мировой пролетарской революции, что вступало в некое противоречие с принципом мирного сосуществования. В целом же внешняя политика Советского государства, сохранив преемственность с политикой царской России в реализации главных геополитических задач, отличалась от нее новым характером и методами проведения. Ей была присуща предельная идеологизация внешнеполитического курса, основанная на принципах пролетарского интернационализма и мирного сосуществования Советского государства с мировой капиталистической системой.

На основе новых внешнеполитических принципов Советская Россия стала строить свои взаимоотношения с Ираном. В «Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 1917 г., подписанном В.И. Лениным, были слова, непосредственно относящиеся к Ирану: «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы » [2].

Уполномоченный Народного комиссариата по иностранным делам (НКИД) РСФСР Е.Д. Поливанов официальной нотой от 19 декабря 1917 г. сообщил поверенному в делах Ирана в Петрограде Асад-хану о том, что Совет Народных Комиссаров выражает свое согласие на немедленное начало переговоров с Персией о выводе своих войск с иранской территории [3]. Так, во время переговоров в Брест-Литовске, советское правительство потребовало вывода всех иностранных войск с персидской территории, в частности эвакуации турецких войск из Ирана [4]. В окончательном тексте мирного договора между Россией с одной стороны и Германий, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией - с другой советская делегация настояла на внесении в договор статьи 7, которая гласила: «Исходя из факта, что Персия и Афганистан являются свободными и независимыми государствами, договаривающиеся стороны обязуются уважать политическую и экономическую независимость и территориальную неприкосновенность Персии и Афганистана» [5].

Сообщение о намерении вывести русские войска было встречено в Иране с большой радостью. Иранское правительство немедленно дало указание своему поверенному в делах в Петрограде сообщить советскому правительству о том, что оно со-

гласно на ведение переговоров как с Россией, так и с Турцией и что поверенный в делах Ирана в Петрограде Асад-хан уполномочивается шахским правительством вступить в переговоры с советским правительством о выводе русских войск из Ирана [6]. Одновременно указывалось на необходимость назначения в состав русских войск в Иране специальных комиссаров, которые разъясняли бы солдатам политическое положение в России и смысл новой, советской международной политики.

В осуществление плана Народный Комиссариат по военным делам РСФСР отдал приказ главному командованию Кавказского фронта эвакуировать русские войска из Ирана. Но военные начальники, состоявшие из царских офицеров, саботировали его выполнение. Тогда эвакуацию русских войск из северо-западного Ирана взяли на себя Советы солдатских депутатов и созданный Военно-революционный комитет персидского фронта [7]. Вывод русских войск из Ирана начался в январе и завершился в марте 1918 г. [8]. Иранские демократические организации старались помогать выводу русских войск из страны.

Англичане стремились завербовать на свою сторону контрреволюционно настроенных и неустойчивых казаков и офицеров, которые отказывались эвакуироваться на родину и перешли на службу к англичанам. Отказались возвращаться на родину также русские офицеры, составлявшие командный состав Персидской казачьей бригады [9]. После захвата иранского порта Энзели в южном Каспии, англичане арестовали ряд руководящих деятелей Военно-революционного комитета персидского фронта.

Отказавшись от принципов царской дипломатии, советское правительство дезавуировало старый дипломатический аппарат России за границей. 22 ноября 1917 г. НКИД РСФСР сообщил циркулярной телеграммой послам, членам посольств и миссий, что все дипломатические служащие царской России за границей, не согласные проводить международную политику, которая была одобрена на II Всероссийском съезде Советов, должны немедленно устраниться от работы, сдав дела [10]. Главы дипломатических представительств Советской России при иностранных правительствах стали называться полномочными представителями РСФСР. Основная масса царских дипломатов ответила отказом на предложение служить советской власти, был издан приказ НКИД от 26 ноября 1917 г. об их увольнении с дипломатической службы Советской России, и большинство посольств и миссий России за границей прекратило свое существование. Своих постов лишились сотрудники царской дипломатической миссии в Тегеране, так как отказались проводить политику советского правительства. Но миссия продолжала свою деятельность. Возглавлял ее посланник фон Эттер, не признававший советскую власть. Средства на содержание миссии давала Англия. Англичане хотели создать видимость того, что русское политическое представительство в Иране поддерживает их военную интервенцию в Советском Закавказье и Средней Азии. Благодаря помощи англичан, царскую миссию в Тегеране продолжали признавать шахское правительство и дипломатические представители других стран.

Внешняя политика Советского государства до конца 1920-х годов носила противоречивый характер, поскольку, с одной стороны, советский дипломатический корпус вынужден был принять «правила игры», существовавшие во всем мире, с другой - политическое руководство страны вынуждено было постоянно уделять внимание проблемам Коминтерна, что вступало в прямое противоречие с доктриной мирного сосуществования держав с различным общественным строем. Этот дуализм советской внешнеполитической доктрины в начале 1930-х годов частично трансформировался, когда, оказавшись перед реальной угрозой возникновения новой мировой войны, советское руководство отдало явное предпочтение традиционной дипломатии.

Правительство Советской России не порывало дипломатических отношений с Ираном. Иранская дипломатическая миссия после октября 1917 г. продолжала находиться в Петрограде. В декабре 1917 г. иранское правительство официально признало советское правительство, однако оно продолжало поддерживать отношения и с царской миссией в Тегеране, что вынудило сообщить в апреле 1918 г. в ноте пове-

ренному в делах Ирана в Петрограде о том, что все дипломатические и консульские чины в Персии, бывшие пограничные комиссары отрешены от должности и рассматриваются как государственные преступники [11]. Несмотря на второе предупреждение, персидское правительство продолжало поддерживать отношения с царской миссией в Тегеране и бывшими царскими консулами в других городах. Советское правительство продолжало добиваться от Ирана не только признания де-юре, но и установления конкретных деловых отношений между странами. С этой целью оно решило направить в Тегеран своего представителя, который сменил бы царского посланника. Англия старалась не допустить заключения советско-иранского договора и чинила этому всякие препятствия. В частности, в Иран была направлена в 1918 г. миссия под руководством Н.З. Бравина, которая закончилась неудачно, затем миссия И.О. Коломийцева (дважды побывавшая в Иране) [12]. Так в 1918 г. трагически закончилась попытка установления дипломатических отношений Советской России с Ираном через Закавказье. Со стороны Средней Азии в Иран была отправлена другая дипломатическая миссия под руководством Е.А. Бабушкина. Миссия Бабушкина также закончилась неудачно: члены миссии были арестованы и высланы в Индию и только в 1920 г. освобождены [13]. Однако англичанам не удалось сорвать заключение советско-иранского договора. В немалой степени это было связано с изменениями в международной обстановке, победой советской власти в России, а также широким народным движением в Иране. Советско-иранский договор был подписан в Москве 26 февраля 1921 г. Он положил начало новому этапу в отношениях между Россией и Персией [14].

Таким образом, советско-иранские отношения, несмотря на сложности, связанные с противодействием и интригами англичан, не желающих установления договорных отношений между Советской Россией и Персией, окончательно сформировались в 1921 г. заключением первого равноправного договора между двумя государствами. В договоре был оформлен отказ Советской России от всех концессий, неравноправных договоров, соглашений, заключенных царским правительством. Советско-иранские отношения первых лет советской истории демонстрируют реализацию новых принципов внешней политики России, основанных на равенстве, взаимном уважении народов, их праве на самоопределение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Документы внешней политики СССР (далее - ДВП). Т. 1. - М., 1967. - С. 12.
2. Там же. - С. 34-35.
3. Там же. - С. 22.
4. Там же. - С. 51.
5. Там же. - С. 123.
6. Там же. - С. 73.
7. Там же.
8. Там же. - С. 712.
9. Там же. - С. 716.
10. Там же. - С. 41.
11. Там же. - С. 243.
12. Вартаньян Э.Г. Первые шаги в формировании советско-персидских отношений (1917-1921) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т.9. - 2017. - № 1. Часть 1. - С. 47.
13. Попов М.В. Миссия Е.А. Бабушкина в Иране. - М., 1974. - С. 95.
14. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. - М., 1946. - С. 74-79; Вартаньян Э.Г. Указ. соч. - С. 48.

REFERENCES

1. Dokumenti vnechnej politiki SSSR (dalee - DVP). [Documents of foreign policy of the USSR.] T. 1. M., 1967. P. 12.
2. Tam zhe. S. 34-35 (Ibid. Pp. 34-35).
3. Tam zhe. S. 22 (Ibid. P. 22).
4. Tam zhe. S. 51(Ibid. P. 51).
5. Tam zhe. S. 123 (Ibid. P. 123).
6. Tam zhe. S. 73 (Ibid. P. 73).

7. Tam zhe. (Ibid).
8. Tam zhe. S. 712. (Ibid. P. 712).
9. Tam zhe. S. 716. (Ibid. P. 716).
10. Tam zhe. S. 41. (Ibid. P. 41).
11. Tam zhe. S. 243 (Ibid. P. 243).
12. Vartanyan E.G. Pervie shagi v formirovanii sovetsko-persidskix otnoshenij (1917-1921). [The first steps in formation of the Soviet-Persian relations (1917-1921)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* T.9. No. 1. Part 1. 2017. P. 47).
13. Popov M.V. Missia Babuskina v Irane. [Missiya's E. A. Babushkin in Iran]. M., 1974. P. 95.
14. Sovetsko-iranskie otnoshenia v dogovorah, konventsijah i soglasheniah. [The Soviet-Iranian relations in conventions and agreements]. M., 1946. Pp. 74-79.

Информация об авторе:

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
vartaneg@yandex.ru

Information about the author:

Egnara G. Vartanyan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
vartaneg@yandex.ru

Получена: 05.02.2017

Для цитирования: Вартаньян Э.Г., Начало реализации новых внешнеполитических принципов советской России на примере отношений с Ираном (1917–1918 ГГ.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Received: 05.02.2017

For citation: Vartanyan E. G., The beginning of realization of the new foreign policy principles of the soviet Russia on the example of the affairs with Iran (1917-1918). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 304.2 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ПЕТРИЧЕНКО Евгений Анатольевич
Современная гуманитарная академия
г. Москва, Россия
evgeniy-ksb@mail.ru

Evgeny A. PETRICHENKO
Modern University For Humanities
Moscow, Russia
evgeniy-ksb@mail.ru

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. «ЛЕД СЛОМАН, ПУТЬ ОТКРЫТ, ДОРОГА ПОКАЗАНА»

THE 100TH ANNIVERSARY OF THE GREAT OCTOBER REVOLUTION. «THE ICE IS BROKEN, THE PATH IS OPEN, THE ROAD IS SHOWN»

В данной работе в контексте празднования столетней годовщины Октябрьской революции 1917 года рассматривается ее специфика, влияние на Россию и на весь мир в целом. Также раскрывается вопрос о том, в каком ключе вероятнее всего будет отмечаться это памятное событие в нашей стране. В настоящее время проявляются два основных взгляда на события Октября - это или трагедия, совершенная партией большевиков, или историческая необходимость и закономерность. Но какой из них более объективен и соответствует реальности? Мы полагаем, что ответить на этот вопрос можно лишь при условии четкого представления о сущности Октябрьской революции, которая, на наш взгляд, заключается в так называемой «борьбе классов». Заметим также, что те теоретики, которые рассматривают Октябрьскую революцию как трагедию, в своих объяснениях тщательно избегают понятия «классовая борьба». Такой же подход к «классовой борьбе» на праздновании столетия революции, вероятнее всего, будет официальным. Уже сейчас четко прослеживается линия на «примирение всех эпох». Однако в данной статье мы отметили, что классовая борьба возникла объективно и существовала задолго до событий Октября, проявляясь в различных исторических формах. Оказалось, что во всех предыдущих общественно-экономических формациях неизменным оставалось классовое разделение людей, менялись формы, но суть эксплуатации и угнетения одних другими оставалась неизменной, и только Октябрьская революция впервые изменила такое положение в общественной жизни людей. Пример Советского Союза показал возможность принципиального переустройства жизни людей, доказал реальность и указал путь построения государства нового типа. Поэтому, на наш взгляд, ни переписывание истории, ни борьба с коммунистической идеологией уже не могут остановить движение человечества к справедливому общественному устройству.

In this article, in the context of the celebration of the centennial anniversary of the October Revolution of 1917, it considered its specificity, the impact on Russia and all over the world as a whole. Also disclosed is a question of how, in what way is likely to be celebrated this memorable event in our country. Currently manifest two basic views on the events of October - a tragedy or, done by the Bolshevik Party, or historical necessity and regularity. But which one is more objective and correspond to reality? We believe that the answer to this question can only be subject to a clear understanding of the essence of the October Revolution, which, in our opinion, is the so-called «class struggle». Note as well that those theorists who see the October Revolution as a tragedy, in his explanations carefully avoided the concept of «class struggle». The same approach to the «class struggle» in celebration of the century of revolution, is likely to be an official. Already, the line can clearly be seen on the reconciliation of all ages. However, in this article we noted that the «class struggle» is objectively there existed long before the events of October, manifesting itself in various historical forms. It turned out that in all the preceding socio-economic formations remained unchanged class division of people, changed the form, but the essence of exploitation and oppression of some by others remained unchanged, and only the first time the October Revolution changed this state of people in public life. An example of the Soviet Union showed the possibility of a fundamental transformation of the lives of people, proved the reality and pointed the way to build a new type of state. Therefore, no rewriting of history, nor the struggle against communism can no longer stop the movement of humanity for a just social order.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Февральская революция, Россия, 100 лет, советы, Ленин, эпоха, классовая борьба, марксизм, пролетариат, единство, примирение.

Keywords: October Revolution, February Revolution, Russia,100 years, Soviets, Lenin, class struggle, Marxism, proletariat, unity and reconciliation

Близится 7 ноября 2017 года, и чем ближе эта дата, тем ожесточеннее становятся споры, тем шире спектр мнений и оценок событий столетней давности. Как правило, участники таких споров немедленно занимают две противоположные позиции. Одни приводят доказательства, указывающие на историческое значение Октябрьской революции 1917 года, другие стремятся аргументированно показать, что ничего особенного с исторической точки зрения не происходило и это событие можно поставить в ряд с другими вооруженными восстаниями и переворотами, которых история человечества насчитывает не один десяток. Нередко можно услышать мнение, что Октябрь - это «бесчеловечная трагедия», ответственность за которую лежит на большевиках. Гораздо реже высказывается мнение об исторической необходимости и объективной закономерности событий столетней давности. Следует отметить, что практически во всех диспутах явно или неявно присутствует вопрос: в каком ключе будет отмечаться это памятное событие в нашей стране, не пройдет ли оно так же «незамеченным», как в последние десятилетия? Почему «спорщики» постоянно выдвигают противоположные мнения, из которых практически невозможно определиться с этим вопросом?

Действительно, постоянные споры, казалось бы, доказывают, что определиться в этой сложной проблеме практически невозможно. Мы же придерживаемся другой точки зрения. Мы полагаем, что проблема решаема при условии, прежде всего, четкого представления сущности Октябрьской революции. Безусловно, в данной статье мы не сможем остановится на всех аспектах сущности данного исторического события. Но некоторые, влияние которых ощутило все человечество, мы постараемся осветить в данной работе.

Также мы не будем углубляться во все политические события того времени - это просто невозможно в краткой статье, и приведем лишь общую характеристику.

После Февральской революции и свержения Николая II власть в Российской Империи перешла к временному правительству во главе с Керенским. В стране возникла неопределенность. На фабриках и заводах, в армии начали стихийно образовываться Советы, которые впоследствии сыграли ключевую роль. Эту роль первым обозначил В.И. Ленин в известных «апрельских тезисах»: «Создание республики Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху. Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней зарплаты хорошего рабочего. Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов. Переход к контролю со стороны Советов рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов» [1].

Именно эти тезисы после событий Октября 1917 года стали фундаментом для возведения в России нового типа государства, основанного на социалистическом владении собственностью и ведущей роли пролетариата (угнетаемые слои общества), который сам создает и контролирует власть. На политической карте мира появились буквы РСФСР, а позже - СССР. Следует не «забывать», как это присуще практически всем «спорщикам», что построением нового типа общества руководила партия большевиков, опиравшаяся на революционную теорию, известную под названием «марксистская теория». Новое государство - Страна Советов - выдержало беспрецедентно жестокую схватку с внутренними врагами, вступившими в сговор с интервентами стран Антанты (Гражданская война). «Коммунистические идеи» стали распространяться по всему миру, коммунистические партии были образованы в большинстве стран.

Даже в сердце капиталистической Америки известный писатель Джон Рид, свидетель и участник Октябрьской революции 1917 года, организовал Коммунистическую рабочую партию. В своей книге об Октябрьской революции - «Десять дней, что потрясли мир» - писатель отразил «изумительное чувство свободы» и понимания со стороны обычных людей, отметил, что мир полностью изменился и люди сами изменились. Результаты этой революции превзошли ожидания всего мирового сообщества [2].

Гигантский шаг в развитии России от «лапотной» до «сверхдержавы» сегодня никто не подвергает сомнению. Однако в вопросах влияния Октября на события в жизни народов всего мира по-прежнему можно встретить самые разные суждения.

Американский режиссер Оливер Стоун, специализирующийся на съемках документальных фильмов о важных исторических событиях в мире и создавший известный фильм «Украина в огне», о событиях 1917 года высказывается следующим образом: «После революции 1917 года в России американцы были напуганы, опасались влияния идей большевиков на рабочий класс в США. Во власти и деловых кругах отношение к революции было негативным с самого начала, и это никогда не менялось. В годы правления президента Вудро Вильсона США направляли войска в Россию, чтобы разгромить революционеров. Америка признала СССР только в 1933 году при Франклине Рузвельте» [3].

О влиянии Октябрьской революции на последующее мироустройство пишет и главный печатный орган британских коммунистов - газета «Morning Star»: «Вклад коммунистов стал ключевым, они были на передовой в освободительной борьбе в Китае, Вьетнаме, на Кубе, в Южной Африке и многих других странах. Под влиянием социали-

стического лагеря прошли антиколониальные движения во всем мире. Соцлагерь их обеспечивал всем - от дипломатической поддержки в ООН, до финансирования и поставок оружия, когда это было необходимо» [4].

В настоящее время некоторые политики и философы пытаются объяснить факт Социалистической революции не как закономерное развитие общественных отношений, а как исключительное, сугубо российское явление, как результат заговора кучки большевиков. В своих объяснениях такие теоретики тщательно избегают понятия «классовая борьба» (общественная категория). Естественно, в данной статье мы не имеем возможности подробно остановиться на этом понятии, однако заметим, что классовая борьба возникла объективно и существует издавна, проявляясь в различных исторических формах. Достаточно вспомнить восстание итальянских рабов, руководимое Спартаком, которое в античные времена было, как утверждают историки, самым мощным организованным выступлением угнетенных и нанесло сильнейший удар по господствовавшему рабовладельческому строю. Историки могут перечислить десятки крупных крестьянских восстаний в Российской Империи, множество буржуазных революций в других странах. Конечно, большинство этих восстаний и революций терпели поражение, но идеи «свободы, равенства, братства» никуда не исчезали и приносили новые плоды. Действительно, казалось бы, что надо людям? Человечество развивалось и двигалось вперед, все шло своим чередом - а «бунты» не прекращались. Мыслители прошлых веков не раз искали этому причину. Нашли. Оказалось, что во всех предыдущих общественно-экономических формациях неизменным оставалось классовое разделение людей, менялись формы, но суть эксплуатации и угнетения одних другими оставалась неизменной. Рабовладельцы сменялись феодалами, феодалы - помещиками и капиталистами.

Октябрьская революция существенно изменила такое положение в общественной жизни людей. Впервые в революционной борьбе масс была поставлена задача построения нового, бесклассового общества. Руководство решением такой задачи взяла на себя партия большевиков, опираясь на определенную революционную теорию. В данной статье мы не имеем возможности остановиться подробно на этой теории, отметим только, что эта теория опирается на немецкую философию, английскую политическую экономию и французский социализм.

Таким образом, далеко не полный и не углубленный обзор исторических событий, связанных с Октябрем 1917 года, подтверждает положение: Октябрьская революция - это событие мирового масштаба. Это также означает, что 100-летие этого события будет отмечаться народами всего мира.

Безусловно, политическая власть в России в настоящий момент стоит перед проблемой - как отметить 100-летие Октябрьской революции в нашей стране. Не секрет, что за последние десятилетия было предпринято немало попыток исказить сущность и значение Октября. Кроме того, достаточно широко распространялись негативные оценки пути Страны Советов. Сегодня многим становится понятно, что нерационально продолжать такую практику в современных исторических условиях. Также постепенно также становится ясно, что полностью замолчать эту важнейшую дату в мировой истории не получится.

Судя по последним данным, в России разрабатываются два, дополняющих друг друга, подхода к решению проблемы. Сначала вниманию общественности, особенно молодежи, будет предложено другое событие. Так, уже принято решение, что Россия будет проводить в конце октября 2017 г. XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Фестиваль пройдет под девизом «За мир, солидарность и социальную справедливость, мы боремся против империализма - уважая наше прошлое, мы строим наше будущее!» [5].

Другой подход к событиям Октября уже сейчас проявляет свою суть - это идея «примирения всех эпох». «Уроки истории нужны нам для примирения», - отметил Президент РФ В.В. Путин, а также подчеркнул, что никто не может запретить людям сво-

бодно мыслить и открыто высказывать свою позицию в политике, экономике, средствах массовой информации, и призвал к укреплению единства российского народа [6].

Такой же взгляд, но в более развернутом виде был сформулирован на круглом столе «100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации». Автор - министр культуры России Владимир Мединский. Этот взгляд состоит из пяти тезисов, указывающих, каким образом российский народ может достигнуть «национального примирения»:

- признание преемственности исторического развития от Российской империи через СССР к современной Российской Федерации;
- осознание трагизма общественного раскола;
- уважение к памяти героев обеих сторон, искренне отстаивавших свои идеалы и невиновных в массовых репрессиях и военных преступлениях;
- осуждение идеологии революционного или контрреволюционного террора;
- понимание ошибочности ставки на помощь зарубежных «союзников» во внутриполитической борьбе [7].

Свое осмысление Октябрьской революции высказали и представители церкви, главным посылом которых была также «идея примирения на основе религии»: «Когда-то разрушение храмов, массовые убийства верующих стали ужаснейшей страницей национального разделения, теперь мир вокруг возвращенных церквей должен стать олицетворением согласия и взаимного прощения - белых с красными, верующих с неверующими, богатых с бедными», - сказал патриарх на заседании Высшего церковного совета РПЦ в храме Христа Спасителя [8].

Совсем неожиданную идею выдвинул лидер Коммунистической партии РФ Геннадий Зюганов: «Если мы будем опираться на все лучшее в этой эпохе (советской.- *Е.П.*), мы много добьемся. Наша задача - соединить все три эпохи: имперскую, советскую и нынешнюю» [9].

Таким образом, мы видим действительное «примирение и единство» власти, РПЦ и крупнейшей оппозиционной партии.

Теперь дело за массами - «признать», «осознать», «уважать», «осудить» или «понимать» - и «примирение и единство» будет достигнуто.

Вполне очевидно, что ближайший результат от практического применения перечисленных выше принципов можно ожидать от деятельности недавно созданного оргкомитета по празднованию столетия революции 1917 года, первое заседание которого состоялось 23 января этого года в Музее современной истории России [10].

При обсуждении темы празднования столетия Октябрьской революции все чаще выдвигается мысль, что Октябрьские события столетней давности и советскую эпоху просто невозможно искусственно отделить от известных событий 90-х годов прошлого века.

Нередко в последние годы мы слышим, что силы (ранее они назывались «элитой», «демократами», сегодня чаще их называют «либералы»), пришедшие к власти в 90-е годы, стремятся шаг за шагом урезать или полностью лишить людей социальных завоеваний советского периода, а также все настойчивее нарушают принципы социальной справедливости. Каждый год в нашей стране проходит Гайдаровский форум - «форум сторонников идеологии, с которой рушилась вся система социальных завоеваний Октябрьской революции и советского периода, и сами эти люди стояли в авангарде процесса разрушения» [11].

Безусловно, можно ожидать, что подобные настроения в российском обществе также определенным образом скорректируют среди масс характер отношения к событиям Октября.

На наш взгляд, следует признать, что ни собрание различных либеральных форумов, ни отмена социальных завоеваний в России и даже ни искажение истории и отрицание коммунистической идеологии не могут остановить движение человечества к справедливому общественному устройству.

Опираясь на такое признание, мы предельно ясно понимаем, что Октябрьская революция и Страна Советов показали возможность принципиального переустройства жизни людей, доказали реальность и представили путь построения государства нового типа.

Можно ожидать, что празднование юбилея этого исторического события затронет практически весь мир. Уже сейчас во многих странах создаются комитеты, которые будут руководить мероприятиями, связанными с этой датой. Компартии Китая, Индии, некоторых стран Латинской Америки, Испании, Англии, Греции официально заявили о своих планах достойно отметить столетие Октябрьской революции.

В заключение приведем фрагмент выступления В.И. Ленина на праздновании 4-й годовщины Октябрьской революции: «Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца - вопрос несущественный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана» [12].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - М., 1962. - Т. 31. - С. 113-118.
2. Рид Д. Десять дней, что потрясли мир. - М.: Политиздат, 1959. - 352 с.
3. Стоун О. «Ядерная зима» сегодня не исключена. 2017. [Электронный ресурс] - URL:https://rg.ru/2014/09/22/oliver-stone-site.html. (Дата обращения: 24.02.2017).
4. Бирюков А. Негаснущий свет Великого Октября. 2017. [Электронный ресурс] - URL:http://gazeta-pravda.ru/archive/issue/11-30508-2-fevralya-2017-goda/negasnushchiy-svet-velikogo-oktyabrya/. (Дата обращения: 20.02.2017).
5. Сайт Всемирного фестиваля молодежи и студентов. 2017. [Электронный ресурс] - URL:http://www.russia2017.com/#. (Дата обращения: 15.02.2017).
6. Путин В.В. Недопустимо тащить раскол в сегодняшнюю жизнь. 2017. [Электронный ресурс] - URL:http://www.vesti.ru/doc.html?id=2827906. (Дата обращения: 23.02.2017).
7. Мухаматулин Т. Минкульт предлагает новое осмысление революции 1917-го года. 2017. [Электронный ресурс] - URL:https://www.gazeta.ru/science/2015/05/20_a_6695345.shtml#comments. (Дата обращения: 17.02.2017).
8. Гундяев В.М. Передача Исаакия в годовщину революции - символ примирения. 2017. [Электронный ресурс] - URL: https://ria.ru/religion/20170217/1488214825.html. (Дата обращения: 16.02.2017).
9. Зюганов Г.А. Используем победный опыт Великого Октября. 2017. [Электронный ресурс] - URL:https://kprf.ru/pravda/issues/2017/2/article-57194/. (Дата обращения: 20.02.2017).
10. Сайт Государственного центрального музея современной истории России. 2017. [Электронный ресурс] - URL:https://www.sovrhistory.ru/events/action/588608d1f917f15f4ac9e0eb. (Дата обращения: 24.02.2017).
11. Митина Д. О заявлениях на Гайдаровском форуме. 2017. [Электронный ресурс] - URL:http://rospisatel.ru/novosti2017/7.htm. (Дата обращения: 25.02.2017).
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - М., 1962. - Т. 44. - С. 144-152.

REFERENCES

1. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineniy. [Complete works]. M., 1962. V. 31. Pp. 113-118. (in Russ.).
2. Rid D. Desyat dnej, chto potryasli mir. [Ten days that shook the world]. M., Politizdat, 1959. 352 p. (in Russ.).
3. Stoun O. «Yadernaya zima» segodnya ne isklyuchena. ["Nuclear winter," today is not excluded]. 2017. Available at: https://rg.ru/2014/09/22/oliver-stone-site.html. (in Russ.).
4. Biryukov A. Negasnushhij svet Velikogo Oktyabrya. [Unfading light of the Great October revolution]. 2017. Available at: http://gazeta-pravda.ru/archive/issue/11- 30508-2-fevralya-2017-goda/negasnushchiy-svet-velikogo-oktyabrya/. (in Russ.).
5. Sajt Vsemirnogo festivalya molodezhi i studentov. [The website of the world festival of youth and students]. 2017. Available at: http://www.russia2017.com/#. (in Russ.).
6. Putin V. V. Nedopustimo tashhit raskol v segodnyashnyuyu zhizn. [It is unacceptable to drag the split in today's life]. 2017. Available at: http://www.vesti.ru/doc.htmlid=2827906. (in Russ.).
7. Muhamatulin T. Minkult predlagaet novoe osmyslenie revolyucii 1917-go goda. [The Ministry of culture offers a new interpretation of the revolution of 1917 year]. 2017. Available at: https://www.gazeta.ru/science/2015/05/20_a_6695345.shtml#comments. (in Russ.).
8. Gundyaev V. M. Peredacha Isaakiya v godovshhinu revolyucii simvol primireniya. [The transfer of the Cathedral of Saint Isaac on the anniversary of the revolution, the symbol of reconciliation]. 2017. Available at: https://ria.ru/religion/20170217/1488214825.html. (in Russ.).
9. Zyuganov G. A. Ispolzuem pobednyj opyt Velikogo Oktyabrya. [Use the bitter experience of the Great October revolution]. 2017. Available at: https://kprf.ru/pravda/issues/2017/2/article-57194/. (in Russ.).

10. Sajt gosudarstvennogo centralnogo muzeya sovremennoj istorii Rossii. [The website of the state Central Museum of contemporary history of Russia]. 2017. Available at: https://www.sovrhistory.ru/events/action/588608d1f917f15f4ac9e0eb. (in Russ.).
11. Mitina D. O zayavleniyah na Gajdarovskom forume. [Declarations at the Gaidar forum]. 2017. Available at: http://rospisatel.ru/novosti2017/7.htm. (in Russ.).
12. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineniy. [Complete works]. M., 1962. V. 44. Pp. 144-152. (in Russ.).

Информация об авторе

Петриченко Евгений Анатольевич, аспирант, кафедра философии, Современная гуманитарная академия,
г. Москва, Россия
evgeniy-ksb@mail.ru

Получена: 01.02.2017

Для цитирования: Петриченко Е. А., К 100-летию Великой Октябрьской Революции. «Лёд сломан, путь открыт, дорога показана». Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author

Evgeny A. Petrichenko, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Modern University For Humanities,
Moscow, Russia
evgeniy-ksb@mail.ru

Received: 01.02.2017

For citation: Petrichenko E.A., The 100 th anniversary of the Great October Revolution. «the ice is broken, the path is open, the road is shown». *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК 94 (470.67) DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

БАКАШОВ Абу Вахаевич
Институт филологии, истории и права
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный, Россия
abushka_79@mail.ru

Abu V. BAKASHOV
Institute of Philology, History and Law
Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia
abushka_79@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЧНИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

ECONOMICAL DEVELOPMENT OF CHECHNYA REGION IN THE POST-REFORM PERIOD (SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)

В статье рассматривается развитие экономики Чечни в пореформенный период XIX века. Для этого периода характерны вовлечение региона в общероссийский рынок, рост производительности сельского хозяйства, развитие специализации ремесел, строительства Владикавказской железной дороги, соединившей Чечню с центральной Россией и Бакинским нефтеносным регионом, а также бурный рост экономики и городского населения, вызванный нефтяной лихорадкой 1890-х годов. В аграрном секторе экономики стали активно применяться сельскохозяйственные машины и улучшенные инструменты фабричного производства. Само сельское хозяйство переориентировалось с внутреннего потребления и натурального обмена на производство товарных культур, их сбыт в близлежащих городах, а отчасти и экспорт в близлежащее зарубежье. Как показывает автор статьи, в результате реформ второй половины XIX в. Чечня втягивалась в сферу развития российского капитализма, что являлось прогрессивным фактором. Постепенно складывался единый хозяйственный организм, уничтожалась национальная замкнутость. Народы Терской области приобщались к передовой русской культуре. Достаточно сильное влияние на социально-экономическое развитие Чечни оказали возникновение и рост с конца XIX в. нефтяной промышленности. Несмотря на ущерб, нанесенный традиционным патриархальным устоям, изменения, происходившие в указанный период, повысили уровень жизни, а также способствовали росту образования и культуры населения.

Ключевые слова: реформы, Чечня, Грозный, торговля, нефтяная лихорадка, капитализм.

The article covers development of Chechnya in the post-reform period in the XIX century, which is characterized by region's starting connections to Russian markets, increasing agricultural efficiency and craftsmanship specializations, by construction of the Vladikavkaz railway which connected Chechnya with central Russia and Baku oil fields. Those times are also marked by impetuous economical growth and population increase caused by the oil rush of the 1890th. New machinery and production tools were introduced in the agrarian sector. Agricultural activity turned from internal consumption and natural barter to trading goods production and their distribution in the nearest settlements and even to the closest foreign lands. As the author points out, due to the reforms of the second half of the 19-th century Chechnya was steadily drawn under the influence of Russia's developing at the time capitalistic system, which obviously was a progressive factor. Unified economic "body" was formed and the national insularity destroyed. The people of Terek Oblast joining advanced Russian cultural space. Along the way, quite strong influence on Chechnya's socio-economic life was that of the emerging and developing oil industry in the end of the XIX century. In spite of the harm caused to the traditional patriarchal social norms the changes led to increased living standards, as well as people's educational and cultural upgrade.

Keywords: reform, Chechnya, Grozny, reform, trade, oil rush, capitalism

Реформы, проведенные правительством Александра II во второй половине XIX в., положили начало бурному развитию капиталистических отношений в России и имели большое значение, в частности, для социально-экономического развития чеченского общества. Они способствовали разрушению патриархально-феодальных отношений в экономике и быту горцев, создавали определенные предпосылки для проникновения и развития в Чечне капиталистических отношений. Под их влиянием происходила хозяйственная специализация, развивались торговое земледелие и скотоводство, шло классовое расслоение чеченского крестьянства. Появились новые социальные слои: сельская буржуазия, сельский пролетариат.

Социально-экономическому развитию Чечни способствовало строительство грунтовых дорог, мостов, проведение по территории Чечни Владикавказской железной дороги, соединившей Терскую область с Центральной Россией, - все это содействовало интенсивному развитию торговли. Железная дорога обеспечила массовое поступление в Чечню товаров, производимых промышленностью России.

Проникновение русских промышленных товаров в горские районы наблюдалось еще до присоединения Кавказа. На пограничной линии завязывались торговые сношения между русскими купцами и горским населением. Предметами торговли с русской стороны были красный товар (ситец, нанка, парча) и железо, из которого горцы выделывали оружие. Горцы же продавали продукты своих изделий, например бурки, ковры, вещи из кожи и т.д. [1, с. 185]. Однако после окончания Кавказской войны чеченцы ста-

ли принимать активное участие в ярмарках, проводившихся в русских городах. Самой крупной была ярмарка в Георгиевске [12, д. 127, лл. 45-46].

Для дальнейшего развития промышленности и торговли в крае большое значение имело завершение в 1893 г. постройки железнодорожной магистрали Беслан-Грозный-Петровск. Статус городов получили Грозный и Шали, Гудермес и Аргун, ставшие центрами развития торговли, ремесел и промышленности. Развитию товарно-денежных отношений в Чечне способствовала также деятельность местных отделений крупнейших русских банков [6, с. 20]. Доминирующее положение в Терской области занимал Азовско-Донский коммерческий банк. Его отделения имелись в Грозном и Владикавказе и оперировали десятками миллионов рублей [7, с. 114].

Вовлечение в общероссийскую экономику привело к производственной специализации населения чеченских округов. Например, Аргунский и Веденский округа специализировались на изготовлении бондарных тростей и ободьев для винодельческих и маслобойных предприятий Сунженского и Кизлярского отделов. Жители близлежащих к Грозному селений Малой Чечни специализировались в бурочном и, шире, суконном производстве, продукты которого сбывались в Грозном на весенних и осенних базарах [5, с. 81].

Стремительно развивалось в регионе производство стройматериалов. Связано это было с быстрым ростом населения Грозного. Уже к концу XIX столетия в Чечне насчитывалось до 90 лесопилен и 17 кирпично-черепичных заводов [5, с. 84].

Терская область по урожайности стояла несколько выше внутренних российских губерний. По общему безусловному количеству зерна на душу, считая только рожь, ячмень, просо, кукурузу и пшеницу, Терская область, где на одного человека приходилось 2,5 четвертей зерна, стояла наравне с хлебородными губерниями европейской России (Киевская - 2,53; Владимирская - 2,47; Воронежская - 2,57). Аргунский округ можно было приравнять к Петербургской губернии, где на одного человека приходилось 1,01 четвертей зерна. В Грозненском округе и Сунженском отделе посевные площади увеличивались с каждым годом. Так, в Сунженском отделе в конце XIX в. под пашней находилось 34 тыс. десятин, а в первое десятилетие XX в. пахотных земель насчитывалось уже 69 тыс. десятин, то есть за 20-25 лет пахотные земли Сунженского отдела увеличились в два раза [8, с. 145].

Чеченская равнина являлась житницей не только для местного населения, но и для соседних народов. Более того, зерно из Чечни вывозили даже за границу. Как писал Н.А. Вроцкий, «Чечня давно слывет житницей Дагестана. Расположенная у лесных предгорий, на значительной площади доброкачественною почвою, она.. в 1872 и 1873 годах кормила не только Дагестан, но и Персию. В эти годы тавлинцы вывозили десятки тысяч ароб кукурузы из аулов Шали и Урус-Мартана, главных торговых пунктов Чечни» [4, с. 271-272].

Еще более, нежели торговля пшеницей, об усилении в сельском хозяйстве капиталистических элементов свидетельствует рост посевных площадей наиболее товарной на Северном Кавказе из всех зерновых культур - кукурузы. В 1890 г. ее доля от общего сбора зерна на территории республики возросла до 78%. Селения Шали и Урус-Мартан становились наиболее крупными центрами производства и сбыта кукурузы. К началу 1890-х годов урожай кукурузы в Чечне перевалил за 2,5 млн пудов [11, с. 120].

Вышеназванные селения Шали и Урус-Мартан расположены на равнине. Иная картина была в нагорной полосе Чечни, где земледелие развивалось слабо из-за малоземелья и неблагоприятных климатических условий. В результате этого значительная часть горцев горной полосы уходили на заработки, что было одной из черт пореформенного развития.

Разорявшиеся крестьяне чеченской деревни уходили на заработки не только в Грозный. В прошениях о разрешении выезда, которые ежегодно в большом количестве поступали от крестьян в адрес властей, указывались также Баку, Тифлис, Харьков, Владикавказ, Ростов-на-Дону, Москва, Петербург и другие города. Особенно много чеченцев и ингушей отправлялись на заработки по губерниям и областям Кавказа, а также во внутренние губернии России осенью, во время уборки урожая. Домой они обыч-

но возвращались к концу весны следующего года, но некоторые оставались в городах. Объективным последствием этого факта являлось дальнейшее сближение трудящихся масс чеченцев с русским народом.

В пореформенный период на Северный Кавказ активно проникают сельскохозяйственные машины и усовершенствованные орудия труда. В 80-х годах здесь уже знали о существовании заграничных плугов, обыкновенных и кукурузных сеялок, сенокосилок, сложных молотилок с 5-сильным локомобилем, веялок, сеялок-сортировок, соломорезок, сенных прессов и т.п. Количество этих орудий труда с каждым годом увеличивалось, в первую очередь они появлялись в богатых чеченских семьях. Железный плуг, совершивший, если можно так выразиться, революцию в земледелии, косалитовка, черепица, оконные стекла, керосиновая лампа, позволившая выполнять некоторые работы и ночью, самовар, гармоника, фабричное сукно, сахар, картофель, стеклянная и фарфоровая посуда, металлические вилки и ложки и многое другое значительно улучшили быт вайнахов.

В результате реформ второй половины XIX в. Чечня втягивалась в сферу развития российского капитализма, что являлось прогрессивным фактором. Постепенно складывался единый хозяйственный организм, уничтожалась национальная замкнутость. Сближались и объединялись народы Терской области, приобщаясь к передовой русской культуре. При этом достаточно сильное влияние на социально-экономическое развитие Чечни оказали возникновение и рост с конца XIX в. нефтяной промышленности.

В 1890-е годы, в связи с отменой откупной системы, началась настоящая «лихорадка» в грозненской нефтяной промышленности. В 1892-1893 годах были заложены первые в Грозненском районе буровые скважины и обозначился поворот к утверждению монополий в нефтяной промышленности. 1893-1901 гг. можно рассматривать как переломные годы в истории экономического развития не только Терека, но и всего Предкавказья. Залежи высококачественной нефти в недрах Чечни давали возможность извлекать баснословные прибыли. Сюда устремились английские, бельгийские, французские, немецкие капиталисты [8, с. 160]. Если за шесть десятилетий - с 1833 по 1892 г. - на территории Чечни было добыто около 3,5 млн пудов нефти, то лишь за один 1893 г. - 8 млн пудов, в 1904 г. - 40 млн пудов, а в 1914 г. - 98,4 млн пудов [8, с. 161, 218].

О нефтяной лихорадке тех лет в изданной в указанном 1914 г. книге «Весь Кавказ и его окрестности» не без юмора и иронии сказано: «Дикие чеченцы, мирно сеявшие кукурузу, по мановению волшебного жезла превращаются в нефтепромышленников. Шейхи занимаются геологическими исследованиями. Организуются нефтепромышленные товарищества на вере. Темный чеченский народ в кой-каких аулах весь во власти нефтяной лихорадки. Общества мечтают и надеются, что права на недра земли, которой владеют аулы, будут закреплены за ними и все сельчане окажутся на положении миллионеров. Нефтепромышленных чеченских товариществ на вере расплодилось в Грозном великое множество» [3, с. 104].

В пореформенный период происходило быстрое разложение феодально-патриархального уклада жизни горцев, их вовлечение в сферу товарного обращения, зарождение и развитие буржуазных производственных отношений. Из среды горцев постепенно выделялись первые предприниматели. Новые рыночные связи возникали в аграрном обществе, где преобладала продукция земледелия и скотоводства, но они оказали воздействие и на домашние промыслы, товарный характер которых все больше усиливался. Среди горцев в пореформенный период появлялись семьи, которые полностью оторвались от сельскохозяйственного производства и занимались только ремеслом, однако большинство продолжало ремесло совмещать с сельским хозяйством [11, с. 43-44]. И все же бурно развивающиеся товарно-денежные отношения вторгались в жизнь сельских общин, окончательно расшатывали патриархально-родовые устои. Очевидец этого процесса Н.А. Харузин еще в 1888 г. писал о «развале большего дома», большой семьи: «За последнее время среди чеченцев и ингушей все чаще и чаще происходят семейные разделы. Прежние, большие семьи распадаются

все более и более на несколько самостоятельных небольших семей, получающих каждая новый наследственный надел от общества» [2, д. 7, л. 2]. Малая семья уже являлась выразительницей интересов нового, частно-собственнического начала, становилась основной ячейкой классового общества [12, д. 738. лл. 6-7].

Осуществление комплекса взаимосвязанных реформ на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, направленных на «устройство гражданского быта населения», ускорило процесс приобщения горских народов к более прогрессивной административно-судебной системе. Этому способствовала, прежде всего, аграрно-крестьянская реформа, а также меры, которые вели к пробуждению новых буржуазных понятий и явлений общественной жизни. Реформы уменьшили пестроту административного устройства, ликвидировали политическую и экономическую раздробленность и разобщенность народов и вели к сближению горских и русских крестьян и казаков. Реформы Александра II сформировали более благоприятные, нежели прежде, условия для экономического, политического и культурного развития. Одним из ярких свидетельств этому является статистика о численности чеченцев и ингушей, свидетельствовавшая о неуклонном росте населения. Особенно заметным был этот рост во второй половине XIX в.: если в 1867 г. чеченцев и ингушей, без учета переселившихся в Турцию, насчитывалось всего 132 449 человек, то уже через восемь лет их численность увеличилась до 172,5 тыс., а к 1914 г. возросла до 320 тыс. человек [10, с. 6-7].

Реформы открыли широкие возможности для роста и развития в регионе капиталистических отношений, и Северный Кавказ превратился, наконец, в регион, укрепляющий Россию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акты кавказской археологической комиссии. - Тифлис, 1904. - Т. XII. - 1588 с.
2. Архив Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Ф.13. Оп.45. Д.7.
3. Весь Грозный и его окрестности. - Владикавказ, 1914. - 176 с.
4. Вроцкий Н.А. Чечня как хлебный оазис //Сборник сведений о Терской области. Вып.2. - Владикавказ, 1878. - С. 271-272.
5. Горчханова Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - начало XX века). - Грозный, 1986. - С. 77-86.
6. Кокурхаев К.С. А.К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая пол. XIX - начало XX в.). - Грозный, 1989. - 109 с.
7. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. - Нальчик, 1962.
8. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. - Грозный, 1967. - Т.1. - 316 с.
9. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.1. - Тифлис, 1868. - 411 с.
10. Хасбулатов А.И. Вовлечение сельского хозяйства Чечено-Ингушетии в капиталистическое развитие России (II половина XIX - начало XX) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - начало XX века). - Грозный, 1986. - С. 115-134.
11. Центральный государственный архив Северной Осетии. Ф.12. Оп.2.
12. Центральный государственный архив - Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований. Ф.20. Оп.1.

REFERENCES

1. Akty kavkazskoy arheograficheskoy komissii. [Akty Caucasian Archaeological Commission], Tiflis, 1904. T. XII. 1588 p. (In Rus.)
2. Arhiv Checheno-Ingushskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya. [Archive of the Chechen-Ingush republican museum of local lore]. F.13. Op.45. D.7. (In Rus.)
3. Ves Groznyiy i ego okrestnosti [All Grozny and its surroundings]. Vladikavkaz, 1914. - 176 p. (In Rus.)
4. Vrotskiy N.A. Chechnya kak hlebnyiy oasis. [Chechnya as an oasis of bread]. Sbornik svedeniy o Terskoy oblasti= Collection of information about the Terek region. Vyip.2. Vladikavkaz, 1878. Pp. 271-272. (In Rus.)
5. Gorchhanova G.A. K sostoyaniyu kustarnyih promyislov i obrabatyivayuschey promyishlennosti v poreformenoy Checheno-Ingushetii. [K sostoyaniyu kustarnyh promyslov i obrabatyvayushchej promyshlennosti v poreformenoy Checheno-Ingushetii]. Voprosyi politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya Checheno-Ingushetii (XVIII -nachalo XX veka) = Questions of political and economic development of the Chechen-Ingush Republic (XVIII-early XX century). Groznyiy, 1986. Groznyiy, 1986. Pp. 77-86
6. Kokurhaev K.S. A.K. Obschestvenno-politicheskiy stroy i pravo Chechentsev i Ingushey (vtoraya pol. XIX- nachalo XX v.). [Socio-political system and the right of the Chechens and Ingush (second half of the 19th century - the beginning of the 20th century)]. Groznyiy, 1989. 109 p. (In Rus.)

7. Kumyikov T.H. Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vserossiyskiy ryinok. [Involvement of the North Caucasus in the all-Russian market]. Nalchik, 1962 (In Rus.)
8. Ocherki istorii Checheno-Ingushskoy ASSR. [Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR]. Groznyiy, 1967. T.1. 316 p. (In Rus.)
9. Sbornik svedeniy o kavkazskih gortsah. [10, c. 6-7]. Vyip.1. Tiflis, 1868. 411 p. (In Rus.)
10. Hasbulatov A.I. Vovlechenie selskogo hozyaystva Checheno-Ingushetii v kapitalisticheskoe razvitie Rossii (II polovina XIX - nachalo XX v.). Voprosyi politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya Checheno-Ingushetii (XVIII - nachalo XX veka) [Involvement of Agriculture Chechen-Ingushetia in the capitalist development of Russia (II half of XIX - early XX c.)]. Groznyiy, 1986. Pp. 115-134 (In Rus.)
11. TsGA SO. [Central State Archive of North Ossetia]. F.12. Op. 2. (In Rus.)
12. TsGA SOIGISI. [Central State Archive of North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social]. F.20. Op. 1. (In Rus.)

Информация об авторе

Бакашов Абу Вахаевич, Институт филологии, истории и права, Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный, Россия
abushka_79@mail.ru

Получена: 06.02.2017

Для цитирования: Бакашов А. В., Экономические развитие Чечни в пореформенный период (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author

Abu V. Bakashov, Institute of Philology, History and Law, Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia
abushka_79@mail.ru

Received: 06.02.2017

For citation: Bakashov A. V., Economical development of Chechnya region in the post-reform period (second half of the XIX century). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 327 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ГАВРИЛА Андрэа
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия
aspirans@mail.ru

Andrea GAVRILA
RUDN University
Moscow, Russia
aspirans@mail.ru

РОЛЬ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

ROLE OF THE BLACK SEA REGION IN THE REGIONAL AND GLOBAL CONTEXT

Настоящая «заварушка», которая происходит сегодня между Европой, Малой Азией и Россией, поставила Черноморский регион в центр внимания мирового сообщества. Вот что говорит в своей работе «Histoire de la Mer Noire», напечатанной во Франции, Георг Константин Брэтиану, великий историк и профессор: «Театр, представленный на берегу Черного моря, утверждает соображения, превышающие региональные вопросы. <...> Благодаря своим морским путям и портам Черное море заслуживает звания великого порта международных перевозок и торговли» [1, с. 25]. В настоящее время геополитическая и экономическая ситуация в Черноморском регионе значительно усложнилась, особенно после принятия решения о расширении НАТО в 2002 г. Новое геополитическое устройство Черноморского региона было объявлено еще в 90-х годах прошлого века, когда были предложены первые проекты трубопроводов для поставки энергетических ресурсов с Востока на Запад. Сегодня Черноморский регион постепенно начинает занимать центральное место на Западе, предпринимает попытки по защите и продвижению своих интересов на Кавказе и на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Черное море, «холодные» конфликты, геополитика, безопасность, энергетика, геостратегия, НАТО, ЕС.

The present "entanglement" that is happening today between Europe, Asia Minor and Russia, placed the Black Sea region in the center of world attention. As he speaks in his work "Histoire de la Mer Noire", published in France, Gheorghe Constantin Bratianu, the great historian and professor: "Theater presented at the Black Sea coast, argues for considerations exceeding the regional issues. (...) Due to its sea routes and ports, the Black Sea deserves the title of the great port of international traffic and trade" [1, p. 25]. Currently the geopolitical and economic situation in the Black Sea region has become more complex, particularly after the decision on NATO enlargement in 2002. A new geopolitical apparatus, was announced in the Black Sea region back in the 90's of the last century, when there were proposed the first projects for the pipelines of energy supply from the East to the West. Today, the Black Sea region is gradually beginning to occupy a central place in the western efforts to protect and promote its interests in the Caucasus and the Middle East.

Keywords: Black Sea, "cold" conflicts, geopolitics, security, energy, geostrategy, NATO and EU

С чисто геополитической точки зрения Черноморский регион является относительно небольшой и закрытой зоной, которая сталкивается с интересами Северо-Востока (России, Украины, Грузии, Южной Турции) и Запада (Румынии, Болгарии и европейских держав, таких как Франция, Германия, Австрия и Великобритания) на протяжении всей своей истории. «Великое соленое озеро», Черное море, на протяжении веков являлось точкой противостояния между Россией (православным миром), Турцией (мусульманским миром) и западными странами (католическими и протестантскими мирами) [3].

Черное море расположено географически на пересечении Европы, Евразии и Ближнего Востока, что приводит к сложной политической, дипломатической, экономической и военной ситуации. Регион является важным источником нефти и природного газа и потенциально может стать связующим звеном между богатой ресурсами Центральной Азией и мировым энергетическим рынком. Таким образом, разные интересы стран в Черноморском регионе постоянно сталкиваются между собой и ведут борьбу, но не при помощи обычного оружия, а в первую очередь при помощи экономического давления и санкций, а также стран ЕС и США, для того чтобы завоевать доминирующее положение. Наиболее важным элементом в этой войне двух геополитических концепций - морских и континентальных держав - является энергия.

Во время холодной войны Турция была единственной прозападной страной, которая следила за южными берегами Черного моря, в то время как Румыния, Украина и Грузия были под контролем СССР. После же неопределенности 1990-х годов, в начале XXI века, ситуация сильно переменилась, поскольку в 2002 г. Грузия резко изменила свою ориентацию в сторону США, а Румыния и Болгария вступили в 2004 г. в НАТО и в 2007 - в ЕС [4]. Таким образом, произошли большие перемены, последствия которых нельзя недооценивать.

Черноморский регион прошел за последних два десятилетия через трудные времена, многочисленные войны, изменения границ, межнациональные конфликты, политический и экономический кризисы. Все основные игроки на международной арене - США, ЕС, Россия - преследуют одну и ту же цель по расширению и укреплению

своего влияния и обеспечению экономического присутствия в регионе, хоть они и используют различные геостратегические средства.

США и ЕС убеждены в историческом превосходстве своих политических и экономических моделей. На этот счет в западном мире есть мнение, что то, что является эффективным для Европы и США, является эффективным и для остальной части мира, в том числе для Черноморского региона в целом. Это убеждение подкрепляется падением советского коммунизма, которое дало западным лидерам чувство триумфа. Тем не менее ситуация в мире не складывается полностью так, как этого ожидал Запад. Резкое увеличение геополитической конкуренции, с некоторых точек зрения, гораздо опаснее, чем конфронтационная стабильность биполярного мира во времена холодной войны. С другой стороны, Россия и США используют все более конкурентоспособные способы повышения своего влияния.

В начале XXI века Большой Причерноморский регион (BSWR - Black Sea Wider Region) все больше и больше оказывается в эпицентре внимания Запада, имеющего целью достичь своих интересов на Кавказе и Ближнем Востоке, и, таким образом, он становится одним из ключевых направлений на новой «конфликтной» арене. Все значимые геополитические события этого региона в определенной степени исходят из глобальной геополитической ситуации в мире.

Эти события определяются главным образом границами региона по отношению к Центральной Азии, в которых можно выделить две крупные геополитические оси: с одной стороны Северо-Южная ось (Россия - Армения - Иран), а с другой - Восточно-Западная ось, которая включает в себя энергетические ресурсы Каспийского моря, идущие через Кавказ и Черное море в Западную Европу. Обе оси, которые пересекаются в Азербайджане, призваны сделать регион основой фундаментальной безопасности. Эти две оси стали очевидны особенно после 2000 г., когда, после становления Владимира Путина президентом России, начался процесс возрождения российской власти.

Находящийся в непосредственной близости с Европейским союзом и являющийся своеобразным стержнем безопасности, складывающимся в геополитических и геостратегических реалиях Большого Ближнего Востока, Черноморский регион имеет важное стратегическое значение для ЕС и евроатлантического сообщества в целом. Исторический процесс региона не завершился, он все еще должен устранить наследие холодной войны и установить стабильность и демократию в Европе. Этот процесс начался изначально в Центральной Европе, в районе Балтийского моря и Восточной Европы, а затем включил в себя регион Черного моря. Поворотным моментом, который привел к изменению отношения западных государств к этой области, стали террористические атаки 11 сентября 2001 г. В этом контексте Черноморский регион, ввиду его географического положения относительно Ближнего Востока, стал центром внимания Запада.

Большой Черноморский регион представлен большим количеством стран, а именно: Турцией, Болгарией и Румынией (все три государства - Турция с 1952 г., Болгария и Румыния с 2004 г. - являются членами НАТО с полными правами в организации, а также состоят в ЕС: Болгария и Румыния с 2007 г., а Турция является кандидатом на членство в ЕС); Россией, Украиной, Молдовой, являющимися представителями стран СНГ и бывшими в прошлом в СССР; Кавказом, в том числе Грузией, Арменией и Азербайджаном, которые пытаются установить демократию, но политические проблемы ставят под угрозу «строительство» института демократии и гражданского общества.

По мнению Европейской комиссии, Черноморский регион представляет собой особый район, объединяющий десять государств: шесть, имеющих непосредственный выход к морю, такие как Болгария, Румыния, Украина, Россия, Грузия и Турция, и четыре государства, расположенные близко к Черному морю - Азербайджан, Армения, Республика Молдова и Греция.

После тесного сотрудничества ЕС с НАТО европейское определение Черноморского региона стало попадать под те же линии Черноморского региона, каким его определяет НАТО. Если в географическом плане эти два понятия чем-то схожи, то на международной арене они разнятся. У НАТО существует насчет этого региона концепция «Мост/Барьер», которая рассматривает Большой Черноморский регион либо как свое-

образный мост к богатой энергетическими ресурсами области Каспийского моря, либо же как барьер для Ближнего Востока. Для Европейского союза Черноморский регион отличается в плане реализации Европейской политики соседства (ЕПС), которая призвана устанавливать дружеские отношения с соседними странами в рамках принципов, ценностей и уважения.

Запад постоянно утверждает, что надо отказаться от пассивного способа мышления, что нужно адаптироваться к беспроигрышной модели мышления. Это можно объяснить тем, что региональные организации, которые Запад поощрял в Черноморском регионе с конца 1990-х годов, на самом деле созданы для поиска альтернативных путей транспортировки энергии. Неудивительно, что основным инструментом для этого Запад выбрал НАТО, а не ЕС. НАТО является военно-политической организацией, цель которой состоит в защите стран блока от общего врага, а не распространения благосостояния и демократии во всем мире. Таким образом, ключевым игроком в Большом Черноморском регионе является не ЕС, а США и НАТО. В регионе нет никакого идеологического понимания между Россией и США, однако присутствует хорошо организованная геополитическая конкуренция.

Импорт энергетических ресурсов всегда был необходимой составляющей для Западной Европы с начала индустриальной эры, и информационная эпоха не изменила этого [2]. В Евразийском регионе прямыми поставщиками этих ресурсов являются Российская Федерация, страны Каспийского бассейна и Персидского залива. Отношения между Западом и Россией отмечаются моментами стабильности, однако тем не менее в них присутствует некая напряженность.

Учитывая эти не всегда стабильные и напряженные отношения с Россией, европейские евро-атлантические партнеры искали альтернативы.

Была поставлена цель - попытаться уменьшить зависимость от российских ресурсов, впоследствии начались поиски новых энергетических транспортных систем, ориентированных на Восток-Запад. Однако, учитывая ключевое значение энергии, эти энергетические транспортные системы в целях привлечения инвестиций требуют гарантий безопасности и долговечности. Устойчивость этих проектов зависит от региональной стабильности, на которую, в свою очередь, влияют «холодные конфликты» и региональные проблемы между странами. Поэтому естественно, что возможность построения стабильного коридора для транспортировки энергетических ресурсов с Каспийского региона и Ближнего Востока определила Черноморский регион как стратегически приоритетный для ЕС и НАТО [5].

В настоящее время ситуация безопасности в Черноморском регионе и на Кавказе является чрезвычайно сложной, так как она характеризуется, с одной стороны, становлением процесса построения региональной безопасности в рамках евро-атлантического сотрудничества, а с другой - существованием важных противоречивых проблем, вызванных внутренними и межгосударственными конфликтами в СНГ, а также усилением асимметричных угроз, незаконного оборота наркотиков, транспортного сообщения, миграции и, что играет не последнюю роль, усилением терроризма.

Потенциальный способ решения проблем региона может быть реализован только в более широкой концепции безопасности, которая включает в себя региональную интеграцию, демократизацию, экономический рост и переосмысление политики и стратегии в отношении Черного моря.

Стратегическое значение Черноморского региона будет продолжать расти по мере реального осознания его важности всеми политическими субъектами с интересами в области, будь они глобальными или локальными [5]. Еще не раз будет предпринята попытка определить и применить определенные конкретные стратегии для этого пространства. Партнерство ради мира и спокойной обстановки, заключенное на двусторонней основе на инициативе сотрудничества, способствовало выгодному сближению государств, эффективному и реальному сотрудничеству, основанному на новых методах для того, чтобы защищать и поощрять национальные интересы на региональном и глобальном уровнях.

Усилия по защите региона также предполагают усиление роли регионального сотрудничества организаций (ОЧЭС, Блэксифор, ЮВЕБРИГ, ГУАМ), которые в сотрудничестве с международными субъектами (ЕС, ОБСЕ, НАТО) могут обеспечить реализацию эффективной и реальной региональной безопасности при активном участии всех политических факторов, задействованных в рамках европейской и глобальной системы

безопасности. Регион станет платформой для наблюдения и раннего предупреждения опасности в целях защиты стратегических интересов как России, так и Запада. В этом контексте обеспечение свободы передвижения в бассейне Черного моря будет означать существенное расширение этого пространства, что облегчит проведение военных операций и увеличит военный потенциал региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Bratianu, Gheorghe I. Marea Neagra - de la origini pana la cucerirea otomana (La Mer Noire des ses origines jusqu'a la domination otomane). Editie de: Spinei, Victor. Iasi, Ed. Polirom, 1999. - 25 p.
2. География топливно-энергетической промышленности мира / [Электронный ресурс] - https://geographyofrussia.com/geografiya-toplivno-energeticheskoj-promyshlennosti-mira/.
3. Горячее Чёрное море/ [Электронный ресурс] - https://topwar.ru/98574-goryachee-chernoe-more.html.
4. Лушников О.Е. Румыния в Евросоюзе: итоги первой "пятилетки"/ [Электронный ресурс] - https://riss.ru/images/pdf/journal/2012/5/05_.pdf.
5. Проигрывая энергетическую битву: как и почему США и ЕС необходимо осваивать черноморский регион/ [Электронный ресурс] - http://www.wprr.ru/archives/1614.

REFERENCES

1. Bratianu, Gheorghe I. Marea Neagra - de la origini pana la cucerirea otomana (La Mer Noire des ses origines jusqu'a la domination otomane). Editie de: Spinei, Victor. Iasi, Ed. Polirom, 1999, 25 p.
2. 2.Geografija toplivno-jenergeticheskoj promyshlennosti mira. [Geography of the world's fuel and energy industry], Available at: https://geographyofrussia.com/geografiya-toplivno-energeticheskoj-promyshlennosti-mira/.
3. Gorjachee Chjornoe more. [Hot Black Sea], Available at: https://topwar.ru/98574-goryachee-chernoe-more.html.
4. Lushnikov Oleg Evgen'evich, Rumynija v Evrosojuze itogi pervoj "pjatiletki", [Romania in the European Union: results First "five-year plan"]. Available at: https://riss.ru/images/pdf/journal/2012/5/05_.pdf.
5. Proigryvaja jenergeticheskuju bitvu: kak i pochemu SShA i ES neobhodimo osvaivat' chernomorskij region. [Losing the energy battle: how and why the US and the EU need to develop the Black Sea region], Available at: http://www.wprr.ru/archives/1614.

Информация об авторе:

Гаврила Андрэа, аспирант, кафедра теории и истории международных отношений, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский Университет Дружбы Народов,
г. Москва, Россия

Information about the author:

Andrea Gavrila, Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University,
Moscow, Russia

Получена: 11.01.2017

Received: 11.01.2017

Для цитирования: Гаврила Андрэа, Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

For citation: Gavrila A., Role of the Black sea region in the regional and global context. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ДУШКОВА Наталия Александровна
Воронежский государственный технический университет
г. Воронеж, Россия

Natalia A. DUSHKOVA
Voronezh State Technical University
Voronezh, Russia

ГРИГОРОВА Виктория Александровна
Воронежский государственный технический университет
г. Воронеж, Россия
vagrigorova@rambler.ru

Victoria A. GRIGOROVA
Voronezh State Technical University
Voronezh, Russia
vagrigorova@rambler.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА КРЕСТЬЯН ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КУСТАРНОЙ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

EVOLUTION OF THE SOCIAL IMAGE OF PEASANTS OF CHERNOZEM CENTER OF RUSSIA UNDER THE INFLUENCE OF ARTISANAL ACTIVITIES IN THE POST-REFORM PERIOD

Актуальность исследования процесса эволюции социального облика крестьян под воздействием кустарной промысловой деятельности объясняется практической ценностью опыта развития кустарных промыслов в прошлом. В условиях развития современного предпринимательства данный опыт является полезным как при разработке законов и программ по поддержке малого и среднего бизнеса, так и для достижения экономической самоорганизации и самозанятости населения страны. К тому же в историографии до сих пор существует пробел в его изучении. Многие аспекты развития промысловой деятельности крестьян остаются малоисследованными. К их числу относится вопрос, связанный с выявлением положительных и отрицательных аспектов влияния местных и отхожих промыслов кустарей на формирование их социального облика. В статье авторы проанализировали процесс влияния промысловой деятельности крестьян на формирование их социального облика. На примере черноземных губерний были раскрыты как положительные, так и отрицательные стороны воздействия местных и отхожих промыслов на изменение нравственности и грамотности кустарей. На основе сведений, предоставленных губернскими статистическими комитетами и земскими управами различных губерний Черноземного центра, была подсчитана численность промыслового населения региона и выявлена динамика его роста в пореформенный период.

The relevance of the study of the evolution of the social image of the peasants under the influence of artisanal activity is due to the practical value of experience in the development of crafts in the past. With the development of modern business this experience is useful both in the development of laws and to support small and medium-sized business programs, and to achieve economic self-organization and self-employment of the population. In addition to the historiography still exists a gap in it study. Many aspects of the fishing activities of the peasants are scarcely explored. Among them is the issue of the identification of the positive and negative aspects of the impact of local and migratory fisheries artisans on the formation of their social image. The authors analyzed the impact of the process of fishing activities of the peasants on the formation of their social image. For example, black-earth provinces were revealed both positive and negative aspects of the impact of local and seasonal work to change the morality and literacy artisans. Based on information provided by the Regional Committee and the local district council different provinces of Chernozem center has calculated the number of people fishing in the region and identified the dynamics of its growth in the post-reform period.

Ключевые слова: кустарная промысловая деятельность, кустари, крестьяне, местные и отхожие промыслы, ремесленные школы, учебные ремесленные мастерские, пореформенный период, Черноземный центр, предпринимательство.

Keywords: artisanal fishing activities, artisans, farmers, local and seasonal work, handicraft school, educational craft shops, post-reform period, Chernozem center, entrepreneurship

Сегодня, в условиях поиска вариантов преодоления трудностей в развитии современного предпринимательства, важен опыт развития кустарных промыслов. Именно на их базе ранее обеспечивалось формирование предпринимательского слоя и осуществлялось становление капиталистической промышленности. Они оказывали влияние не только на укрепление хозяйства крестьян, но и обусловливали воздействие на грамотность, нравственность и семейные отношения непосредственных производителей, которые обеспечивали самоорганизацию и самозанятость населения государства в целом. Несмотря на практическую ценность данного опыта, стоит отметить, что многие вопросы развития мелкотоварного производства до сих пор остаются неисследованными. К их числу следует отнести выявление положительных и отрицательных аспектов влияния местных и отхожих промыслов кустарей на формирование их социального облика.

На территории Черноземного центра кустарные промыслы развивались издавна. Первоначально они имели мелкотоварный характер. Практически повсеместно местные жители в качестве источника второстепенного заработка обращались к различным промысловым занятиям. Они ткали полотно, шили обувь, изготавливали хозяйственные изделия, необходимые для обслуживания бытовых потребностей односельчан.

В период проведения буржуазных реформ интенсивность промысловой деятельности в регионе усилилась. К этому подталкивала социально-экономическая ситуация, сложившаяся в государстве после отмены крепостного права. Отсутствие решения аграрного вопроса, частые неурожаи, несоответствие доходов и расходов крестьян, а также действовавшая система выкупных платежей подталкивали местное население заниматься местными и отхожими промыслами.

Подтверждением являются сведения губернских статистических комитетов и земских обследований различных губерний Черноземного центра. Так, согласно данным за 1880-е годы, здесь удельный вес промыслового населения от общей численности местных жителей варьировался от 1,3 до 19 % [1, с. 35; 2, с. 172-174, 176-178, 184-219, 229-235, 237-243; 3, с. 220-230; 4, с. 1-29; 5, с. 198-210; 6, с. XLIII, XLIV, XXXV, XXXVI, XXXVII].

Позже, в 1890-е годы, в регионе продолжался рост численности промыслового населения. В различных губерниях он варьировался от 1.4 до 13 раз. [2, с. 172-174, 176-178, 184-219, 229-235, 237-243; 5, с. 198-210; 7, с. 177; 6, с. XLIII, XLIV, XXXV, XXXVI, XXXVII; 3, с. 220-230; 8, с. 216-219; 9, с. 222-230]. Данное увеличение сопровождалось эволюцией имущественного положения кустарей. Мелкие товаропроизводители, пытаясь адаптироваться к новым условиям капиталистического развития страны, все больше втягивались в процессы «купли-продажи» рабочей силы. Часть кустарей, расширяя свое производство, постепенно превращалась во владельцев мелких и средних промышленных предприятий. Некоторые из них разорялись, не выдержав конкуренции с крупным фабричным производством. Они превращалась в отходников или наемных рабочих, обслуживающих нужды сельского хозяйства и строительства.

Несмотря на социальную дифференциацию, в среднем материальная обеспеченность кустарей оставалась невысокой. Анализ архивных источников указывает на незначительный доход мелких товаропроизводителей, который с трудом покрывал все расходы на содержание семьи и уплату налогов.

Пропорционально доходу были и запросы кустарей, уровень которых также являлся низким. Непосредственные товаропроизводители стремились к удовлетворению минимальных потребностей в питании и обслуживании быта. Материалы санитарных обследований крестьянских дворов Воронежского уезда свидетельствуют о наличии в семьях примитивной посуды из железа, дерева или глины. Наблюдалось преимущественное отсутствие кроватей, в основном их заменяли узкие лавки, установленные вдоль стен избы. Вместо постельных принадлежностей крестьяне использовали солому или верхнюю одежду, которой укрывались вместо одеял. Предметы интерьера встречались редко. В материалах санитарного обследования лишь иногда упоминались скатерти, которыми застилали обеденный стол в праздничные дни.

Довольно скромный образ жизни был обусловлен тем, что крестьяне старались больше средств выделять не на повседневные нужды, а на образование.

Помимо эволюции имущественного положения, которая приводила к социальной дифференциации кустарей, промысловая деятельность крестьян обусловливала повышение уровня образования непосредственных товаропроизводителей. Занимаясь местными или отхожими промыслами, они всегда стремились к повышению своей квалификации. Первоначально обучение ремеслу и усовершенствование профессиональных навыков осуществлялось под руководством близких родственников. Все секреты производственного процесса передавались от отца к сыну. Действовало дворцовое обучение, когда при государственных учреждениях создали своеобразные курсы по обучению конкретному мастерству.

В пореформенный период появилась целая сеть различных учебных заведений, в которых кустари получали не только профессиональную подготовку, но и основное образование, повышая уровень своей грамотности. В то время существовали ремесленные школы, ремесленные отделения, учебные ремесленные мастерские и классы ручного руда. Все они отличались уровнем предоставляемого образования.

Так, ремесленные школы как низшие профессиональные учебные заведения готовили квалифицированных рабочих по одной узкой специальности. Иногда допуска-

лось обучение двум смежным специальностям, например слесарно-кузнечной специальности.

Ремесленные отделения и классы ручного труда при начальных школах не являлись самостоятельными училищами с какой-либо специализацией в подготовке учеников. Их создавали с целью обучения ремеслу на бытовом уровне.

Ремесленные учебные мастерские представляли собой особый тип профессиональных учебных заведений. Они открывались для подготовки рабочих в сфере изготовления и обслуживания сельскохозяйственных машин.

Подобные учебные заведения, в которых обучались кустари, создавались на территории Черноземного центра практически повсеместно. Например, только в одной Воронежской губернии, в начале XX в. их насчитывалось 37. В соответствии с данными Воронежской губернской земской управы, среди них было 14 ремесленных отделений, 12 учебных ремесленных мастерских, 9 ремесленных школ и 2 класса ручного труда. В них успешно готовили младший технический персонал, рабочих для различных отраслей хозяйства, уровень грамотности и профессионализма которых являлся достаточным для обслуживания возникающих крупных предприятий. Так, например, по свидетельствам Губземуправы, выпускники ремесленных учебных учреждений могли соответствовать категории старших служащих фабрик и заводов. Они отличались не только профессиональной подготовкой, но и владели основами счета, письма и чтения.

В пореформенный период повышался уровень образования не только тех кустарей, которые занимались местными кустарными промыслами. Подобная тенденция отмечалась и среди отхожей промысловой деятельности непосредственных товаропроизводителей. Отход на заработки втягивал сельское население в современную тому времени общественную жизнь, обогащал его жизненный опыт, способствовал повышению грамотности, расширению кругозора, знакомству с новыми районами, людьми, порядками, обычаями.

По свидетельствам местных земств различных губерний Черноземного центра, процент грамотных среди отходников был выше по сравнению с домоседами. В частности, в Курской губернии он составлял практически двукратное превосходство. Так, по отхожим плотничьим промыслам, которыми занимались семь общин Дмитриевского уезда Курской губернии, процент грамотных составлял 10,7%, а по всему уезду - всего лишь 6,3%. [12, с. 59].

Помимо положительного воздействия промысловой деятельности кустарей, которое выражалось в возможности поддержать экономическую устойчивость крестьянского хозяйства и в повышении уровня грамотности среди населения, были и негативные следствия, связанные с ухудшением здоровья и с понижением нравственности непосредственных товаропроизводителей. Наиболее отчетливо это проявлялось среди отходников. Они были обусловлены условиями их найма и работы.

До рынков найма отходники добирались в основном пешком. В дорогу они отправлялись в одиночку или группами от двух до тридцати человек. Обедневшие не имели средств, чтобы нанять подводу, поэтому все свои вещи и припасы они несли на своих плечах. В дороге питались размоченными сухарями.

Несколько в лучшем положении находились отходники, сравнительно обеспеченные, которые совместно нанимали подводу, куда складывали провизию, белье и косы. Сами крестьяне все равно передвигались пешком.

Не менее тяжелыми были условия работы и жизни отходников. Ярким свидетельством являются места проживания крестьян, которые нанимались в качестве сельскохозяйственных рабочих на бурачных полях в Харьковской губернии. Здесь отходники с семьями проживали в соломенных шалашах (куренях), устроенных на полях. Подобные жилища отличались низким уровнем санитарных требований. Они были невысокими, поэтому войти можно было только нагнувшись или ползком. Кроме того, в них было холодно, так как постройки не защищали от дождя и ветра. Не было кроватей для сна, поэтому отходники спали прямо на земле, используя лишь подстилки из соломы. Иногда местом жительства, а также хранения всех семейных запасов служили повозки, с которыми крестьяне приезжали на работу.

С питанием тоже были сложности. Рабочие стремились накопать как можно больше свеклы, поэтому приготовлением пищи практически не занимались. Питались всухомятку.

Кроме того, особую опасность для отходников, занятых в сельскохозяйственных промыслах, составляли климатические условия и особенности работы. Они работали при любых погодных условиях. Зачастую в дождь, во время сырой и холодной погоды им приходилось выполнять различные земледельческие работы в коленно-локтевом положении.

Важно пояснить, что в совокупности негативные условия жизни и работы отходников, а также неполноценное, скудное питание ослабляли их организм, повышая восприимчивость к различным заболеваниям. По свидетельствам врачебных санитарных хроник, местные жители, занятые в отхожих промыслах, зачастую являлись переносчиками всяких инфекционных и конституциональных болезней, таких как холерная зараза, сыпной тиф и оспа.

Обмен заболеваниями между рабочими различных губерний происходил преимущественно в местах найма и работы (шахты, заводы) в силу низкого уровня организации медицинской помощи и отсутствия надлежащего санитарного надзора.

Вспышки эпидемий сопровождались большими человеческими жертвами и значительными денежными тратами. Особенно часто расходы на лекарства от лихорадки и ревматизма резко увеличивались после дождей. Ночуя под открытым небом, отходники не всегда могли укрыться от холода в ненастную погоду. Они находились на улице во время дождей и ветра. Иногда, чтобы согреться сбивались в кучи, сидя прямо на земле, в грязи [13, с. 6].

Отрицательное воздействие отхожей промысловой деятельности непосредственных товаропроизводителей также было связано с разрушением крестьянских хозяйств, а иногда и с переездом в другие районы, где крестьяне находили применение своему труду. Основной причиной выступало нарушение оптимальных факторов, обусловленных неудобными сроками отхожей деятельности, которые совпадали с временем обработки личного хозяйства. В случае наличия в семье одного взрослого мужчины, который отправлялся на заработки в сезон сельскохозяйственных работ, оставшиеся дома женщины и дети не всегда справлялись с посевом и сбором урожая, что в итоге приводило к постепенному запустению крестьянского хозяйства.

Отрицательное воздействие было связано не только с разрушением крестьянских хозяйств, но и с радикальным изменением половозрастной структуры местного населения региона в целом. Прежде всего она менялась в местах выхода и найма на работу, так как происходило значительное сокращение лиц рабочего возраста, особенно мужского пола. Причем в местах выхода на отходничество наблюдалось сильное сокращение мужской части населения, а в районах найма - увеличение. Само длительное пребывание вне семей, крестьянских общин оказывало разлагающее моральное влияние на часть отходников. Оно способствовало усвоению ими дурных привычек и элементов псевдокультуры.

Таким образом, в заключение можно констатировать комплексное воздействие промысловой деятельности кустарей на их хозяйство, условия жизни и формирование социального облика. С одной стороны, занятость местными и отхожими промыслами обеспечивала кустарю получение дополнительного дохода, позволяющего поддерживать собственное земледельческое или кустарное хозяйство. Эволюция имущественного положения и социальной дифференциации среди кустарей обусловливала стремление к обучению и повышению своего профессионализма. Мастера считали необходимым обучить своих детей, что в совокупности приводило к повышению грамотности среди крестьянского населения. С другой стороны, промысловая деятельность крестьян приводила к деморализации нравственности, выражавшейся в приобретении непосредственными производителями различных пороков в процессе отхода на заработки. Это приводило к ухудшению семейных отношений и здоровья кустарей, что составляло угрозу жизни членам семьи и всем односельчанам в целом. В результате комплексного

воздействия обозначенных последствий отхожие промыслы оказывали влияние на изменение демографических показателей страны, корректируя рождение и смертность.

Важно признать, что изучение опыта воздействия промысловой деятельности на формирование социального облика крестьян сегодня будет полезным при разработке законов и программ, направленных на поддержку малого и среднего бизнеса, а также для достижения экономической самоорганизации и самозанятости населения страны. Его учет позволит воссоздать социокультурную атмосферу жизни кустарей, расширив знания о социальном аспекте кустарного производства в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Борщик Н.Д. Население Курской губернии по материалам Всероссийской переписи 1897 г. // Известия Алтайского государственного университета. - 2008. - № 4-5. - С. 35 (с. 35-37).
2. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. - Воронеж, 1897. - С. 172-174, 176-178, 184-219, 229-235, 237-243.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. IX. Воронежская губерния. Тетрадь 2. - СПб., 1904. - С. 220-230.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. I. Население Империи по переписи 28 января 1897 г. по уездам / Сост. Центр. стат. ком. на основании местных подсчетных ведомостей. - СПб., 1897. - С. 1-29.
5. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. XIV. - Тамбов, 1890. - С. 198-210.
6. Свод данных о числе кустарей и ремесленников в волостях и уездах Орловской губернии по отдельным производствам в 1913 году. - Орел: Типография С.А. Зайцевой, 1913. - С. XLIII, XLIV, XXXV, XXXVI. XXXVII.
7. Курская губерния. Итоги статистических исследований. - Курск: Типография Губернского Земства, 1887 г. - С. 177.
8. Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. - С. 216-219.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская ния. - СПб., 1904. - С. 222-230.
10. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян центрального района Курской губернии. - Курск, 1885. - С. 59.
11. Шаховский К.Н. Сельскохозяйственные отхожие промыслы. - М.: Типография Высочайше утвержденного товарищества И.Д. Сытина, 1896. - С. 6.
12. Душкова Н.А., Григорова В.А. Система обучения ремесленников в XIX в. как основа для дальнейшего развития разнообразных форм подготовки квалифицированных рабочих кадров в России / Н.А. Душкова, В.А. Григорова // Российский научный журнал. - 2015. - № 6(49). - С. 46-51.
13. Душкова Н.А. Российская государственность: история зарождения и современность / Н.А. Душкова // Вестник Воронежского государственного технического университета. - 2011. - Т. 7. - № 12-3. - С. 49-52.
14. Григорова В.А. Исторический опыт эволюции налоговой системы России и развитие кустарных промыслов Черноземного юга в условиях модернизационного процесса (XIX в.) / В.А. Григорова // Современная научная мысль. - 2015. - № 6. - С. 20-25.

REFERENCES

1. Borshhik N.D. Naselenie Kurskoj gubernii po materialam Vserossijskoj perepisi 1897 g..[The population of Kursk province at the all-Russian census 1897]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 4-5, 2008. p. 35 (p. 35-37).
2. Svodnyj sbornik po 12 uezdam Voronezhskoj gubernii.[Consolidated collection in 12 districts of the Voronezh province]. Voronezh, 1897. p. 172-174, 176-178, 184-219, 229-235, 237-243.
3. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii, 1897 g. IX. Voronezhskaja gubernija. Tetrad' 2. [The first General census of the Russian Empire, 1897. IX. Voronezh province. Notebook 2]. SPb., 1904. p. 220-230.
4. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj Imperii 1897 g. Vyp. I. Naselenie Imperii po perepisi 28 janvarja 1897 g. po uezdam. Sost. Centr. stat. kom. na osnovanii mestnyh podschetnyh vedomostej.[The first General census of the Russian Empire in 1897.Vol. I. the population of the Empire according to the census of January 28, 1897, by counties. Comp. Center. stat. com. based on local estimation of the statements.]. SPb. 1897. p. 1-29.

5. Sbornik statisticheskih svedenij po Tambovskoj gubernii. T. XIV. [Collection of statistical information on the Tambov province. T. XIV].Tambov, 1890. p. 198-210.
6. Svod dannyh o chisle kustarej i remeslennikov v volostjah i uezdah Orlovskoj gubernii po otdel'nym proizvodstvam v 1913 godu. [The compilation of data on the number of craftsmen and artisans in the townships and counties in the province of Orel in separate productions in 1913]. Orel: Tipografija S.A. Zajcevoj, 1913. p. XLIII. XLIV. XXXV. XXXVI. XXXVII.
7. Kurskaja gubernija. Itogi statisticheskih issledovanij. [Kursk province. The results of statistical studies]. Kursk: Tipografija Gubernskogo Zemstva, 1887 g., p. 177.
8. Materialy Komissii 1901 g. [he Commission's 1901]. Part 1. p. 216-219.
9. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii, 1897 g. XLII. Tambovskaja gubernija. [The first General census of the Russian Empire, 1897, XLII. Tambov province]. SPb., 1904. pp. 222-230.
10. Promysly i vnezemledel'cheskie zanjatija krest'jan central'nogo rajona Kurskoj gubernii.[Vnezikliceskie trades and occupations of the peasants of the Central district of Kursk province]. Kursk, 1885. p. 59.
11. Shahovskij K.N. Sel'skohozjajstvennye othozhie promysly.[K. N. Shahovsky. Agricultural seasonal work]. M.: Tipografija Vysochajshe utverzhdennogo tovarishhestva I.D. Sytina, 1896. p. 6.
12. Dushkova N.A., Grigorova V.A. Sistema obuchenija remeslennikov v XIX v. kak osnova dlja dal'nejshego razvitija raznoobraznyh form podgotovki kvalificirovannyh rabochih kadrov v Rossii. N.A. Dushkova, V.A. Grigorova . [System of training of artisans in the XIX century as a basis for further development of various forms of training skilled workers in Russia. N.. Dushkova, A. Grigorov, V.]. Rossijskij nauchnyj zhurnal, 2015. No. 6(49). P. 46-51.
13. Dushkova N.A. Rossijskaja gosudarstvennost': istorija zarozhdenija i sovremennost'. N.A. Dushkova . [Dushkova N.. Russian statehood: history and modernity. N.. Dushkova]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta, 2011. T. 7. No.12-3. p. 49-52.
14. Grigorova V.A. Istoricheskij opyt jevoljucii nalogovoj sistemy Rossii i razvitie kustarnyh promyslov Chernozemnogo juga v uslovijah modernizacionnogo processa (XIX v.). V.A. Grigorova. [Grigorova, V. A. Historical experience of the evolution of the Russian tax system and development of Handicrafts of the southern Chernozem in conditions of the modernization process (nineteenth century). A. Grigorov, V.]. Sovremennaja nauchnaja mysl', 2015.no.6. P. 20-25.

Информация об авторе:

Душкова Наталия Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и политологии Воронежского государственного технического университета,
г. Воронеж, Россия

Григорова Виктория Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Воронежского государственного технического университета,
г. Воронеж, Россия
vagrigorova@rambler.ru

Получена: 27.01.2017

Для цитирования: Душкова Н.А., Григорова В.А., Эволюция социального облика крестьян Черноземного центра России под влиянием кустарной промысловой деятельности в пореформенный период. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author:

Natalia A. Dushkova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History and Political Sciences,
Voronezh State Technical University,
Voronezh, Russia

Victoria A. Grigorova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Political Science,
Voronezh State Technical University,
Voronezh, Russia
vagrigorova@rambler.ru

Received: 27.01.2017

For citation: Dushkova N.A., Grigorova V.A., Evolution of the social image of peasants of Chernozem center of Russia under the influence of artisanal activities in the post-reform period. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

УДК: 94(477) DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

КАРАИЧЕВ Дмитрий Николаевич
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
dima@tssi.ru

Dmitry N. KARAICHEV
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
dima@tssi.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РАЙОНОВ ГОРОДСКОГО ОКРУГА СЕВАСТОПОЛЯ В 1950-1970-Х гг.

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL CONVERSION OF DISTRICTS SUBDUED TO THE MUNICIPALITY OF SEVASTOPOL WITHIN THE PERIOD BETWEEN 1950 AND 1970

Опираясь как на опубликованные правовые акты, так и на архивные источники, в данной работе автор предпринял попытку исследовать малоизученный в российской историографии вопрос об административно-территориальном преобразовании районов Севастополя во второй половине прошлого века. В 1950-1970-х годах территория Севастополя претерпела самые масштабные преобразования за всю историю существования городского округа. Вместо прежних трех районов: Северного, Корабельного и Сталинского - к середине 1970-х годов в составе города насчитывалось уже четыре района с совершенно иными названиями: Нахимовский, Балаклавский, Гагаринский и Ленинский. При этом территория городского округа была увеличена в два с половиной раза за счет соседних районов Крымской области - Балаклавского и Бахчисарайского. Увеличение площади города позволило ему избежать лишения статуса города республиканского подчинения по реформе 1958 г., в результате которой в соседней РСФСР из 14 городов подобный статус удалось сохранить только за Москвой и Ленинградом. Остальные 10 российских городов республиканского подчинения по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1958 г. были переведены в областное и два (Красноярск и Сочи) - в краевое подчинение. Что же касается Севастополя, то за год до этой реформы, в 1957 г., его территория была увеличена более чем в два раза, что позволило сохранить за городом особый статус территории с финансированием в одном ряду с другими административно-территориальными единицами республики.

Ключевые слова: Севастополь, город республиканского подчинения, административные районы, указы, постановления, переименование.

Being guided both by the published legal acts, and archival sources, this issue has attempted the investigation of a poorly studied subject in the Russian historiography as for the administrative-territorial conversion of Sevastopol districts, related to the second half of the last century. Within 1950-1970 the territory of Sevastopol underwent the most large-scale reformation, established for the whole historical period of this municipality. Instead of initially defined three districts such as Northern, Marine and Stalinist, to the middle of the 1970th the municipality comprised four parts, being named absolutely different - Nakhimov's, Balaklava's, Gagarin's and Leninist. Moreover, the urban district was increased by two and a half times by merging the neighboring areas subject to the Crimean region – Balaklava's and Bakhchsarai's. According to the reform, implemented in the neighboring RSFSR for the deprivation of status 'the city of the republican subordination' among 14 cities in1958, and followed by securing that status by Moscow and Leningrad only, Sevastopol retained that title due to the increase of its metropolitan area. Under the Decree of Presidium of the Supreme Council of RSFSR dated on June 3, 1958, remained 10 Russian cities of republican subordination were charged into the regional subordination and 2 cities (Krasnoyarsk and Sochi) received the territorial affiliation. As for Sevastopol, one year prior to this reform, in 1957 its area was enhanced for more than twice, permitting the city to keep a special status with financing requirements alongside to other administrative and territorial units of republic.

Keywords: Sevastopol, city of republican subordination, administrative districts, decrees, resolutions, redesignation

Вопросы, связанные административно-территориальным переустройством городского округа Севастополя во второй половине прошлого века, незаслуженно обойдены внимание в российской историографии. Порою даже складывается впечатление, что авторы сознательно обходят эти довольно запутанные сюжеты в ущерб созданию полной картины о жизни послевоенного Севастополя. К примеру, в своей источниковедческой работе о промышленных предприятиях города в 1930-1990-х годах А.В. Кузьмина, касаясь вопросов административно-территориального деления, допустила две фактические ошибки в одном предложении. По ее словам, «29 октября 1948 г. Севастополь был выведен из состава Крымской АССР и стал городом республиканского подчинения РСФСР» [1, с. 19], что не соответствует действительности, поскольку задолго до указанной даты, 30 июня 1945 г., Крымская АССР была преобразована в Крымскую область. Так или иначе, далее автор упоминает количество севастопольских промышленных предприятий «к середине 1970-х годов». И буквально в следующем абзаце утверждает, что «административно-территориальное устройство Севастополя не изменилось по сей день и включает четыре района» [1, с. 20]. Таким образом, при рассмотрении работы А.В. Кузьминой у читателя может сформироваться превратное впечатление, что якобы и в 1948 г. в составе Севастополя насчитывалось четыре современных района, что не соответствует действительности. Как раз в указанный год рай-

онное деление Севастополя было упразднено и ликвидированы три района: Центральный, Корабельный и Северный.

Что же касается упомянутой «середины 1970-х годов», то в 1975 г. был образован последний, четвертый по счету район Севастополя - Гагаринский. Более того, полностью изменились названия районов города, и теперь вместо Северного, Корабельного, Центрального (впоследствии Сталинского) в черте городского округа значились Нахимовский, Балаклавский, Гагаринский и Ленинский. Таким образом, действительно, начиная с середины 1970-х гг. количество севастопольских районов не изменялось, чего нельзя сказать об «административно-территориальном устройстве», которое и позднее подвергалось изменениям. В частности, 11 октября 1991 г. к городскому округу Севастополя была добавлена территория Терновского сельсовета, включавшая в себя два села: Терновку и Родное [2]. Упоминание присоединения к Севастополю значительной части бывшего Балаклавского района Крымской области могло бы существенно дополнить картину состояния промышленности Севастополя, отображенную в работе А.В. Кузьминой, поскольку так тщательно исследованный ею Севастопольский винодельческий завод использовал сырье с виноградников именно этого расформированного района.

Как уже отмечено выше, изначально, начиная с 25 февраля 1938 г., Севастополь делился на три района: Центральный, Корабельный и Северный [3, л. 9], однако с 1 июля 1948 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1948 г., данное районное деление было упразднено [4]. Тем не менее, уже начиная с 26 ноября 1949 г., по соответствующему Указу Президиума Верховного Совета РСФСР, в составе городского округа Севастополя были вновь воссозданы три района, на этот раз Северный, Корабельный и Сталинский [5].

Говоря о дальнейшем административно-территориальном преобразовании Севастополя, следует упомянуть, что Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. город был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом и отнесен к категории городов республиканского (РСФСР) подчинения [6]. Справедливости ради стоит заметить, что в этом Указе не сообщалось о выходе города из состава Крымской области, как это зачастую трактуют многие исследователи. Последнее обстоятельство немаловажно для данного исследования, поскольку Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. Крымская область была передана из состава РСФСР в состав Украинской ССР [7]. Передача области была юридически оформлена «Законом о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР», принятом 26 апреля 1954 г. Верховным Советом СССР [8].

Вопрос же о том, передавался ли Севастополь вместе с Крымской областью в состав Украинской ССР или же он оставался некоторое время в составе РСФСР, как утверждают некоторые исследователи, в данной работе не будет рассматриваться, поскольку его объяснение требует отдельного исследования с изучением всех сопутствующих факторов. Так или иначе, необходимо зафиксировать, что первое после передачи Крымской области российское издание справочника об административно-территориальном делении РСФСР по состоянию на 1 января 1955 г. зафиксировало отсутствие не только Крымской области, но и города Севастополя в составе РСФСР [9]. В составе же Украинской ССР Севастополь впервые упоминался в официальном справочнике «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 марта 1954 г.» [10, с. 209].

Произошло ли это «чисто механически, бездумно», в результате «ошибки», которая стала возможной благодаря «халатности и некомпетентности» «мелких клерков», как настаивает В.В. Похлебкин [11, с. 112], или же действительно город был передан вместе с областью, - как уже отмечено выше, изучение данных обстоятельств требует отдельного исследования. Тем не менее стоит отметить как факт, что дальнейшие административно-территориальные преобразования, касающиеся городского округа Севастополя, нередко утверждались решениями высших органов Украинской ССР.

Одним из первых решений в этом ряду является Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 14 октября 1954 г., по которому Корабельный район был переименован в Нахимовский [12]. Данное событие было приурочено к 100-летию начала обороны Севастополя во время Крымской войны. По поводу этого переименования заведующий Информационно-статистическим отделом Президиума Верховного Совета СССР П. Туманов обращался к заместителю Секретаря Президиума А.Ф. Горкину с просьбой опубликовать соответствующее сообщение в «Ведомостях Верховного Совета СССР» [13]. Данное сообщение было опубликовано 18 ноября 1954 г. в 22-м выпуске «Ведомостей» [14].

Переименование Сталинского района в Ленинский произошло 31 октября 1961 г. решением Севастопольского горисполкома [15]. Появление же последнего, четвертого, Гагаринского района в составе города Севастополя было осуществлено по Указу Президиума Верховного Совета УССР № 361 от 13 ноября 1975 г., [16] по которому он был выделен из части территории Ленинского района. Одновременно с этим был упразднен Камышовобухтинский поселковый Совет Ленинского райсовета Севастополя и поселок городского типа Камышовая бухта включен в черту города Севастополя.

Принимаемые в отношении административно-территориального устройства Севастополя решения касались не только переименования или преобразовании существующих районов, но и изменения территории городского округа, причем в сторону увеличения его площади. Так, Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 24 апреля 1957 г. в состав Севастопольского городского округа были включены город Балаклава и территория Пригородненского сельского Совета с поселком Пригородное, образовав, таким образом, Балаклавский район в составе Севастополя [17]. Этим же указом территория Корабельного и Нахимовского районов были объединены в один Нахимовский район. Позднее Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 4 января 1965 г. территория городского округа Севастополя была расширена за счет Орлиновского сельсовета Бахчисарайского района, переданного в состав Балаклавского района [18]. Дальнейший прирост территории Севастополя имел место только в 1991 г., в связи с упомянутой выше передачей сел Терновки и Родное из состава Бахчисарайского района.

Подобное увеличение площади городского округа Севастополя в дальнейшем сказалось на изменении статуса города в качестве отдельной административно-территориальной единицы. Дело в том, что в конце 1950-х годов была проведена масштабная административно-территориальная реформа, сократившая общее число городов со статусом республиканского подчинения. До этого, в начале 1950-х годов, в РСФСР насчитывалось 15 городов республиканского подчинения, чье финансирование велось непосредственно из бюджета союзных республик. Их общее число - немаловажная деталь, поскольку упоминавшийся В.В. Похлебкин утверждал, что якобы в 1948 г. только три города в РСФСР имели статус «республиканского подчинения» [11, с. 111], что не соответствует действительности. В Законе о государственном бюджете на 1949 г., в графе «Наименование краев, областей, городов республиканского подчинения и автономных республик», перечислялись 14 городов: Горький, Куйбышев, Ленинград, Молотов, Москва, Новосибирск, Омск, Ростов-на-Дону, Саратов, Свердловск, Сталинград, Челябинск, Сочи и Севастополь [19, с. 31-32]. И вопреки утверждению В.В. Похлебкина о том, что после 1948 г. «индивидуального присвоения ранга города республиканского подчинения не производилось вообще», тем не менее Указом Президиум Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1951 г. к этому «рангу» был отнесен также и Красноярск [20, с. 99].

При этом далеко не все города республиканского подчинения имели сходные признаки отдельной административно-территориальной единицы. Среди названных 15 российских городов выделялись Москва и Ленинград, которые имели крупные партийные организации, не подчинявшиеся областному руководству, что нельзя было сказать в отношении остальных городов республиканского подчинения. То же самое можно сказать и об избирательных округах: на выборах различного уровня округа Москвы и Московской области, равно как Ленинграда и Ленинградской области, перечислялись

отдельно. В конечном счете это и предопределило реформу сокращения числа городов республиканского подчинения.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1958 г. 10 из 14 оставшихся в составе РСФСР городов республиканского подчинения были переведены обратно в областное и два (Красноярск и Сочи) - в краевое подчинение [21]. Оставшиеся два города республиканского подчинения Москва и Ленинград впервые были зафиксированы в ст.71 Конституции РСФСР в связи с принятием 12 апреля 1978 г. текста новой Конституции (Основного Закона) [22]. Что же касается Севастополя, который в составе РСФСР наряду с вышеописанными 14 городами имел статус республиканского подчинения, то он де-факто был передан в 1954 г. вместе с Крымской областью в состав Украинской ССР. Подобное положение вещей было юридически закреплено с изданием нового текста Конституции Украинской ССР 1978 г., в ст.77 которой впервые были упомянуты два города республиканского подчинения - Киев и Севастополь [23, с. 27].

Таким образом, в короткий период 1950-1970-х годов территория городского округа была радикально увеличена за счет соседних районов Крымской области - Балаклавского и Бахчисарайского. И если, согласно официально опубликованным сведениям на 1 января 1956 г., общая площадь городского округа Севастополя составляла 325 км^2 [24, с. 19], то, согласно сведениям за 2014 г., она составляет 863,6 км^2 [25, с. 10]. То, что Севастополь избежал переведения в областное подчинение в 1958 г., как 12 российских городов республиканского подчинения, возможно, объясняется тем обстоятельством, что за год до указанной реформы, в 1957 г., его территория была увеличена примерно в два с половиной раза за счет территории Крымской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кузьмина А.В. Промышленные предприятия г. Севастополя (1930е-1990е годы). Источники и методы изучения: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. [Место защиты: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2014. - 236 с.
2. Ведомости Верховного Совета Украины. - 1991. - № 51.
3. Государственный архив автономной республики Крым. Ф.Р-663 Оп.3 Д.16 Л.9.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф.А-385 Оп.47 Д.125 Л.1.
5. ГАРФ. Ф.А-385 Оп.47 Д.125 Л.3.
6. ГАРФ. Ф.А-385 Оп.47 Д.125 Л.2.
7. ГАРФ. Ф.7523 Оп.57 Д.963 Л.3.
8. Закон о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР // Известия. - 28 апреля 1954. - № 100 (11479). - С. 3.
9. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1955 г. - М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР. - 1955. - 440 с.
10. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 марта 1954 г. - Изд. 8-е. - М.: Известия, 1954. - 488 с.
11. Похлебкин В.В. К Истории административно-правового государственного статуса города, порта и военно-морской базы Севастополя (1783-1996 гг.) // Московский журнал международного ва. - 1997. - № 1. - С. 105-117.
12. ГАРФ. Ф. Р7523 Оп. 58 Д.1328 Л.49.
13. ГАРФ. Ф. Р7523 Оп. 58 Д.1328 Л.48.
14. Ведомости Верховного Совета СССР, - 1954, - № 22.
15. Государственный архив города Севастополя, Ф.Р-79 Оп. 2 Д.726 Л.308.
16. Ведомости Верховного Совета Украинской ССР, - 1975, - № 47.
17. Ведомости Верховного Совета Украинской ССР, - 1957, - № 3.
18. Ведомости Верховного Совета Украинской ССР, - 1965, - № 3.
19. О государственном бюджете РСФСР на 1949 г. и об исполнении госбюджета РСФСР за 1947 и 1948 гг. - М.: Госполитиздат, 1949. - 39 с.
20. Об отнесении города Красноярска к категории городов республиканского (РСФСР) ния - Указ от 31 августа 1951 г. // Сборник законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1946-1954 гг. - М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР. - 1955. - 108 с.
21. Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1958. - № 7.

22. Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1978. - № 15.
23. Свод законов Украинской ССР. Т.1. - Киев: Политиздат Украины, 1983. - 523 с.
24. Народное хозяйство Крымской области. Статистический сборник. - Симферополь: Крымиздат, 1957. - 272 с.
25. Севастополь в цифрах 2014: Стат.сб./ Севастопольстат. - Севастополь, - 2015. - 74 с.

REFERENCES

1. Kuz'mina A.V. Promyshlennye predpriyatiya g. Sevastopolya (1930e-1990e gody). [Anna Kuzmina. Industrial enterprises of Sevastopol (1930s-1990s)]. Dissertation of the candidate of historical sciences, Lomonosov MSU. Moscow, 2014. 236 p. (in Russ.).
2. Vedomosti Verkhovnogo Soveta Ukrainy. [Bulletin of the Supreme Council of Ukraine]. 1991, N51. (in Russ.).
3. Gosudarstvennyy arkhiv avtonomnoy respubliki Krym (Gosudarstvennyy arkhiv respubliki Krym). [State Archives of the Autonomous Republic of Crimea (State Archives of the Republic of Crimea)], F.R-663 Op.3 D.16 L.9. (in Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F.A-385 Op.47 D.125 L.1. (in Russ.).
5. GARF. F.A-385 Op.47 D.125 L.3. (in Russ.).
6. GARF. F.A-385 Op.47 D.125 L.2. (in Russ.).
7. GARF. F.7523 Op.57 D.963 L.3. (in Russ.).
8. Zakon o peredache Krymskoy oblasti iz sostava RSFSR v sostav USSR. [The law on the transfer of the Crimean region of the RSFSR in the Ukrainian SSR]. Izvestia. April 28th 1954, N100 (11479) - P.3. (in Russ.).
9. RSFSR. Administrativno-territorial'noe delenie na 1 yanvarya 1955 g. [RSFSR. Administrative-territorial division as of January 1]. Moscow, Izvestiya, 1955. 440 p. (in Russ.).
10. SSSR. Administrativno-territorial'noe delenie soyuznykh respublik na 1 marta 1954 g. Izd. 8-e. [USSR. Administrative-territorial division of the Union republics on March 1, 1954 Edition 8th.]. Moscow, Izvestiya, 1954. 488 p. (in Russ.).
11. Pokhlebkin V.V. K Istorii administrativno-pravovogo gosudarstvennogo statusa goroda, porta i voenno-morskoy bazy Sevastopolya (1783-1996 gg.). [Pohlebkin VV To History of administrative and legal status of the state of the city, the port and naval base of Sevastopol (1783-1996 gg.)]. The Moscow magazine of international law,1997, N1, P.105-117. (in Russ.).
12. GARF. F. R7523 Op. 58 D.1328 L.49. (in Russ.).
13. GARF. F. R7523 Op. 58 D.1328 L.48. (in Russ.).
14. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1954, N22. (in Russ.).
15. Gosudarstvennyy arkhiv goroda Sevastopolya (Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie «Arkhiv goroda Sevastopolya»). [State archive of the city of Sevastopol (state-owned Public Institution "Archive of Sevastopol")], F.R-79 Op. 2 D.726 L.308. (in Russ.).
16. Vedomosti Verkhovnogo Soveta Ukrainskoy SSR. [Bulletin of the Supreme Soviet of the Ukrainian SSR]. Kiev, 1975, N47. (in Russ.).
17. Vedomosti Verkhovnogo Soveta Ukrainskoy SSR SSR. [Bulletin of the Supreme Soviet of the Ukrainian SSR]. Kiev, 1957, N3. (in Russ.).
18. Vedomosti Verkhovnogo Soveta Ukrainskoy SSR SSR. [Bulletin of the Supreme Soviet of the Ukrainian SSR]. Kiev, 1965, N3. (in Russ.).
19. gosudarstvennom byudzhete RSFSR na 1949 g. i ob ispolnenii gosbyudzheta RSFSR za 1947 i 1948 gg. [On the State Budget of the RSFSR on the 1949 and the RSFSR on the execution of the state budget for 1947 and 1948.]. Moscow, Gospolitizdat, 1949 - 39 p. (in Russ.).
20. Ob otnesenii goroda Krasnoyarska k kategorii gorodov respublikanskogo (RSFSR) podchineniya - Ukaz ot 31 avgusta 1951 g. Sbornik zakonov RSFSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR 1946-1954 gg. [Collection of the RSFSR and the Decrees of the Presidium of the Supreme Council of 1946-1954 years.]. Moscow, Izvestiya. 1955. 108 p. (in Russ.).
21. Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR .[Bulletin of the Supreme Council]. 1958, N7. (in Russ.).
22. Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR. [Bulletin of the Supreme Council]. 1978, N15. (in Russ.).
23. Svod zakonov Ukrainskoy SSR. T.1. [Code of Laws of the Ukrainian SSR. V.1.]. Kiev, Ukraine Politizdat, 1983. 523 p. (in Russ.).
24. Narodnoe khozyaystvo Krymskoy oblasti. Statisticheskiy sbornik. [The national economy of the Crimean region. Statistical Yearbook.]. Simferopol, Krymizdat, 1957. 272 p. (in Russ.).

25. Sevastopol' v tsifrakh 2014: Stat.sb. [Sevastopol in numbers 2014: Statistical Yearbook]. Sevastopol, 2015. 74 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Караичев Дмитрий Николаевич, магистр истории, соискатель, кафедра отечественной истории XX–XXI вв., исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
dima@tssi.ru

Получена: 25.01.2017

Для цитирования: Караичев Д.Н., Административно-территориальное преобразование районов городского округа Севастополя
в 1950-1970-х гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author

Dmitry N. Karaichev, Master of History, Competitor, Department of Russian History of the XX-XXI centuries, Historical Faculty, M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
dima@tssi.ru

Received: 25.01.2017

For citation: Karaichev D.N., Administrative-territorial conversion of districts subdued to the municipality of Sevastopol within the period between 1950 and 1970. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ПОПОВ Михаил Юрьевич
г. Краснодар, Россия
popov-52@mail.ru

Mikhail Yu. POPOV
Krasnodar, Russia
popov-52@mail.ru

УПОРОВ Иван Владимирович
Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар, Россия
uporov@list.ru

Ivan V. UPOROV
Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar, Russia
uporov@list.ru

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА МЕЖДУ КОНСТИТУЦИЯМИ СССР 1924 И 1936 гг. (ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

LOCAL COUNCILS OF THE SOVIET STATE BETWEEN THE CONSTITUTION OF THE USSR IN 1924 AND 1936 (LEGAL ASPECT)

В статье рассматриваются особенности развития института местных Советов в период между двумя Конституциями СССР (1924 и 1936 гг.). Авторы анализируют тексты Основных законов СССР (1924 г.) и РСФСР (1925 г.), а также других правовых актов, регулировавших различные аспекты формирования и деятельности местных Советов. Отмечается, что в эти годы продолжался и был закреплен принцип централизации в деятельности местных Советов, тогда же все чаще стал проявляться формализм в их деятельности, который, к тому же, фактически закреплялся в различных решениях высших органов советской власти, в частности в Постановлении ВЦИК СНК РСФСР «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных задач и планов» от 28 июня 1929 г., которым местным Советам фактически предписывалось лишь выполнять установки сверху, в данном случае при заготовке сельхозпродукции самостоятельность местных Советов все чаще стала сводиться к показухе. В целом такой подход соответствовал периоду укрепления административно-командной системы в СССР (со второй половины 1920-х гг.). Эти изменения нашли отражение в новых законах о местных Советах. Так, в принятом в 1933 г. «Положении о городском Совете» горсоветы определяются как «органы диктатуры пролетариата, призванные проводить политику центра на местах». К концу указанного периода местные Советы окончательно вписались в сложившуюся партийно-советскую властную вертикаль, что нашло закрепление в Конституции СССР 1936 г.

The article discusses the features of the development of the institute of local Councils in the period between the Constitution of the USSR (1924 and 1936). The authors analyze the texts of the Fundamental Laws of the USSR (1924) and the RSFSR (1925), as well as other legal acts regulating various aspects of the formation and activity of the local councils. It is noted that in the years went on and established the principle of centralization in the activities of local councils at the same time increasingly became apparent formalism in their work, which, moreover, is actually fixed in the various decisions of the higher organs of the Soviet government, particularly in the Central Executive Committee Ruling SNK of the RSFSR "on the empowerment of local Councils in relation to promoting the implementation of national goals and plans" of 28 June 1929., which is actually the local Councils were prescribed only to perform the installation from above, in the in the procurement of agricultural independence of local Soviets has become increasingly reduced to window dressing. In general, this approach is consistent with the period of strengthening the administrative-command system in the USSR (the second half of the 1920s.). These changes were reflected in new laws on local councils. Thus, the adopted in 1933 Regulation on the city council, "city councils are defined as" organs of the proletarian dictatorship, designed to hold the center of policy in the months-minute". By the end of this period, the local Soviets finally entered in the current in the party and the Soviet power structure, which was enshrined in the Constitution of the USSR in 1936.

Ключевые слова: местные Советы, конституция, съезды Советов, исполнительные комитеты, центральные органы.

Keywords: local councils, constitution, congress, executive committee, central authorities

После образования СССР в 1922 г. институт местных Советов начал получать свою законодательную основу на конституционном уровне. Однако в первой союзной Конституции СССР 1924 г. [1] этот вопрос оказался не отрегулированным (акцент был сделан на разделении полномочий между Союзом ССР и союзными республиками, и органы местной власти лишь упоминались в этом контексте). В принятой на основе союзной конституции Конституции РСФСР 1925 г. [2] ситуация существенно изменилась, и данный вопрос нашел довольно подробное отражение. Так, согласно ст. 49 российской Конституции «высшей в пределах данной территории - края, области, губернии, округа, уезда, района и волости - властью в границах своего ведения является съезд советов» [2]. Порядок формирования съездов Советов был довольно громоздким, и при этом городские избиратели имели привилегии, то есть действовал классовый признак - как и в предшествующей конституции. Съезды Советов избирали свои исполнительные органы - исполнительные комитеты, число членов которых для съездов Советов каждой административной территориальной единицы определялось, как

указывалось выше, постановлениями ВЦИК или его Президиума. Депутаты Советов обязаны были регулярно давать отчеты своим избирателям (ст. 60-63).

Важным представляется то обстоятельство, что конституционно были закреплены предметы ведения Советов, в том числе местных. Так, в соответствии со ст. 64 Конституции РСФСР 1925 г. краевые, областные, губернские, окружные, уездные, районные и волостные органы Советской власти - исполнительные комитеты и их президиумы, а также Советы депутатов имели своей задачей: «а) принятие мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях; б) составление и утверждение местных бюджетов; в) проведение в жизнь постановлений соответствующих высших органов Советской власти; г) разрешение вопросов, имеющих местное для данной территории значение; д) объединение Советской деятельности в пределах данной территории; е) обеспечение, в пределах данной территории, революционной законности и охрана государственного порядка и общественной безопасности; ж) обсуждение вопросов общегосударственного значения как по собственному почину, так и по предложению вышестоящих исполнительных комитетов» [2]. Это свидетельствует о придании местным Советам вполне определенного значения в системе управления обществом.

В этой Конституции в ст. 65 сохранялось положение о том, что «съезды советов и их исполнительные комитеты осуществляют контроль над деятельностью нижестоящих местных советов и их исполнительных органов. Постановления местных съездов могут быть отменяемы лишь вышестоящими съездами и их исполнительными комитетами…» [2]. Как видно, вертикаль власти налицо. Вместе с тем согласно ст. 67 окружные и уездные исполнительные комитеты могли приостанавливать проведение в жизнь распоряжений отделов или соответствующих им органов краевого, областного или губернского исполнительного комитета в исключительных случаях - при явном несоответствии данного распоряжения постановлениям ВЦИК и других высших органов власти.

В целом же Конституция РСФСР 1925 года сохранила общие принципы построения системы Советов, несколько изменив структуру согласно новому административно-территориальному делению. Советы депутатов образовывались также в городах и селениях. А к съездам Советов добавились краевые, которые не были предусмотрены Конституцией РСФСР 1918 г., а согласно Конституции РСФСР 1925 г. вставали на один уровень с областными. Самостоятельными стали губернские и окружные съезды, которые ранее находились на одном уровне. Районные съезды, ранее приравненные к уездным, теперь встали на один уровень с волостными.

В развитие конституционных положений в середине 1920-х гг. вышел ряд документов, определяющих деятельность местных Советов. Заметным из них являлось Положение о городских Советах [3, с. 95], объявлявшее, в частности, эти органы высшей властью в пределах подведомственной территории. Однако к этому времени деятельность местных Советов уже была заражена вирусом бюрократизма, который, по всей видимости, передался от местных органов власти Российской империи. Так, в постановлении «О советском строительстве» III Всесоюзного съезда Советов, принятом на основе доклада председателя ЦИК СССР М.И. Калинина [4], указывалось, в частности, на следующие недостатки в деятельности Советов: «умаление роли Советов как коллективной организации и вытекающая отсюда замена сельского Совета - его председателем, волостного, уездного и губернского исполкомов - их президиумами, городского Совета - президиумами уездного или губернского исполкома; отсутствие должной связи выборных должностных лиц Советской власти с самими избирателями, том числе отсутствие должной отчетности перед избирателями; недостаточно внимательное удовлетворение запросов и потребностей рабочего и крестьянина; громоздкая и технически нерациональная постановка работы советских учреждений, в том числе в низовых, взывающая волокиту, раздражающую население, раздутую бумажную переписку, излишнюю дороговизну аппарата» [4] и т.д.

По сути дела, было констатировано, что Советы как власть масс еще не состоялись. В такого рода документах (постановлениях ВЦИК) сначала обычно говорилось о

достигнутых успехах, результатах - в данном случае об этом не было сказано ни слова. К тому же выборы в Советы тогда уже проходили на основе установившейся однопартийной системы, в роли единой политической организации выступала ВКП (б), решения центральных органов которой к тому времени были уже руководящими и направляющими.

После указанного постановления III Всесоюзного съезда Советов активность местных Советов некоторым образом повысилась, и это было, на наш взгляд, связано прежде всего с тем, что стал практически решаться вопрос о местных сах - например, сессия ВЦИК в начале 1926 г. рассмотрела и утвердила новый закон о местных финансах, в котором предусматривалась децентрализация и дифференциация местных бюджетов. Все это активизировало деятельность низшего звена власти [5, с. 95]. Так, в отчетном докладе на пленуме «О работе Президиума Калужского горсовета» (1926 г.) отмечалось, в частности, что «горбюджет впервые в этом году был составлен без дефицита как в расходной, так и в доходной своей части… Выполнен бюджет на 43 процента во втором полугодии. Было собрано 510 000 рублей. Доходы не превышают расходы» [6]. В литературе в этой связи отмечается, что центральная власть явно чувствовала потребность компромисса с низовыми звеньями, где наиболее сильно сохранялись потребности местного самоуправления и по факту решались важные проблемы на местах [7, с. 11]. В целом же, как отмечается в литературе, пусть на короткое время, но коммуны были «собраны», а Советы становились хозяевами подведомственных территорий [8, с. 77]. При этом без внимания не оставались и вопросы устройства управления и самоуправления в поселках разных видов.

При таком подходе не удивительно, что местным Советам предоставлялись и существенные имущественные полномочия. Так, в ноябре 1923 г. ЦИК СССР утвердил Положение об имуществах местных Советов [9, с. 367-368] и отнес к ним: а) государственные имущества, находящиеся на территории местных Советов, не подведомственные центральным органам Союза ССР и союзных республик и не вошедшие в состав предприятий общегосударственного значения; б) имущества, поступающие в ведение местных Советов на основании особых распоряжений.

К этому времени относится и внимание законодателя к регулированию института общественного самоуправления. Так, 14 марта 1927 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было утверждено Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях [10]. В ст. 1 Положения указывалось, что общие собрания (сходы) граждан созываются в сельских поселениях для обсуждения и рассмотрения вопросов, касающихся жизни села, а также для обсуждения общих вопросов государственного, краевого, областного, губернского, окружного, уездного и волостного значения. Одна только эта норма дает основание говорить о том, что данный институт имеет несомненное сходство с современными публичными слушаниями. Следует отметить, что рассмотренное Положение отличалось не только демократизмом в обсуждении и принятии решений, но и наделяло эти решения статусом обязательности исполнения для органов государственной власти. Последнее в дальнейшем не будет встречаться, и это вполне объяснимо - дело в том, что если решениям собраний граждан придать статус обязательных для исполнения, то они (собрания) тем самым будут конкурировать и создавать по существу параллельный орган власти - наряду с сельскими Советами. Однако тогда такой опасности не было, поскольку указанное Положение претворялось в минимальной степени.

Вместе с тем такое положение с активизацией общественности на местах не следует переоценивать. Дело в том, что уже в апреле 1927 г. XIV партконференция провозгласила курс на централизацию власти и управления. С 1928 г. закрываются коммунхозы и ГУКХ. Принимается новый закон о финансах местных Советов, который вводил остаточный принцип финансирования местного хозяйства после затрат на индустриализацию. Сельское население, по команде сверху, втягивалось в полосу чрезвычайных кампаний. К примеру, в начале 1929 г. заготовительная политика стала проводиться по так называемому урало-сибирскому методу, выдаваемому пропагандой за почин масс [11], а ВЦИК и СНК РСФСР зафиксировали затем новую находку в заготовительной политике в постановлении «О расширении прав местных Советов в отноше-

нии содействия выполнению общегосударственных задач и планов» от 28 июня 1929 г. Иначе говоря, самостоятельность местных Советов все чаще стала сводиться к показухе. В целом такой подход соответствовал периоду укрепления административно-командной системы в СССР (со второй половины 1920-х гг.). Отражая это явление, один из советских работников того времени говорил: «Практически эта централизация сводится к тому, что мы сейчас... не можем израсходовать ни одной картошки, ни дюйма леса, не можем кирпича израсходовать - все планируется из Москвы» [12, с. 103]. И уже к началу 1930-х гг. становится ясно, что местная власть не соответствует ни центральной системе власти, ни вновь восстановленной после нэпа государственной собственности. Именно поэтому в 1933 г. принимается новое «Положение о городском Совете» [13], в котором горсоветы вновь выступают «органами диктатуры пролетариата, призванным проводить политику центра на местах».

Представляется, что в этот период происходит окончательное огосударствление местной власти в смысле отдаления воли жителей населенных пунктов от принятия решений по вопросам местного значения - местные органы включаются в механизм реализации постановлений вышестоящих органов власти: именно такой приоритет становится все явственнее. Это явление вызвало резкую критику и неприятие в нелегальной политической литературе. Так, ставшим оппозиционером к советской власти М.Н. Рютин при изложении платформы «Союза марксистов-ленинцев» в 1932 г. специальный раздел посвятил «кризису Советов и приводных ремней пролетарской диктатуры». Он отмечал, что «выборность Советов в огромной, подавляющей степени заменена, по существу, назначенством. В Советах ныне сидят люди, прислушивающиеся не к голосу масс, а только к голосу начальства, смотрящие не вниз, а вверх, люди, готовые по приказанию начальства учинить какой угодно произвол и насилие над массами, прикрываясь именем и волей этих масс» [14, с. 430]. В качестве вывода было сформулировано следующее положение: «Советы из органов, в которых выражалась воля, настроения и подлинные желания широчайших партийных и беспартийных рабочих масс и бедняцко-середняцкой части деревни, <...> превратились в органы подавления воли этих масс» [14, с. 431].

Здесь еще следует заметить, что к концу 1933 г. в РСФСР закончился переход к областному (краевому), окружному, районному делению. Вместо старых губерний, уездов, волостей были образованы новые территориальные единицы. Затем были упразднены и округа. Центр тяжести всей работы переместился в низовое звено. Районным Советам передавались все права и обязанности, ранее принадлежащие округам, их финансово-материальная база. Такое состояние института местных Советов было в своей основе закреплено в Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г., определившим дальнейшее развитие местных Советов на последующие десятилетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. - М.: Проспект, 1997. - С. 36-58.
2. Конституция РСФСР 1925 г. // СУ РСФСР. - 1925. - № 30. - Ст. 18.
3. Муниципальная власть. - 1997. - № 2. - С. 95-99.
4. Постановление III Всесоюзного съезда Советов «О советском строительстве» от 26.05.1925 г. // СЗ СССР. - 1925. - № 35. - Ст. 247.
5. Муниципальная власть. - 1997. - № 2. - С. 92-97.
6. Коммуна (газета). - 1926. - 26 мая (№ 104).
7. Советское строительство. - 1927. - № 8/9. - С. 11-16.
8. Говоренкова Т.М. Кто в городе хозяин? // Коммунист. - 1989. - № 16. - С. 76-80.
9. Лепешкин А.И., Ким А.И. и др. Курс советского государственного права. Т. 2. - М., 1962.
10. Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях (утверждено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 марта 1927 г.) // СУ РСФСР. - 1927. - № 51. - Ст. 333.
11. Правда. - 1930. - 30 марта.
12. Стенографический отчет пятой Сибирской партийной конференции. - Новосибирск, 1930.
13. Положение о городском Совете от 20 января 1933 г. // СУ РСФСР. - 1933. - № 29. - Ст. 103.
14. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. - М., 1991.

REFERENCES

1. Readings on the history of state and law of Russia. Ed. Y.P. Titov. M .: Prospekt, 1997. Pp. 36-58.
2. The Constitution of the RSFSR in 1925. SU RSFSR. 1925. No. 30. Art. 18.
3. The municipal authority. 1997. No. 2. Pp 95-99.
4. Resolution of III All-Union Congress of Soviets "On the Soviet construction" from 05.26.1925, the. SZ the USSR. 1925. No. 35. Art. 247.
5. The municipal authority. 1997. No. 2. Pp. 92-97.
6. The Municipality (the newspaper). May 26, 1926. (no. 104).
7. Soviet construction. 1927. No. 8-9. Pp. 11-16.
8. Govorenkova T.M. Who's the host city? Communist. 1989. no. 16. Pp. 76-80.
9. Lepeshkin A.I., Kim A.I. and others. The course of the Soviet state law. T. 2. M., 1962.
10. Provisions on general meetings (gatherings) of citizens in rural settlements (endorsed by the Central Executive Committee and SNK of the RSFSR of March 14, 1927). SU RSFSR. 1927. No. 51. Art. 333.
11. Pravda. 1930. March 30th.
12. Verbatim record fifth Siberian party conference. Novosibirsk, 1930.
13. The position of the City Council from January 20, 1933. SU RSFSR. 1933. No. 29. Art. 103.
14. Rehabilitation: Political processes 30-50-ies. Under total. ed. A.N. Yakovlev. M., 1991.

Информация об авторе:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор,
г. Краснодар, Россия
popov-52@mail.ru

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России,
г. Краснодар, Россия
uporov@list.ru

Получена: 26.01.2017

Для цитирования: Попов М.Ю., Упоров И.В., Местные Советы Советского государства между Конституциями СССР 1924 и 1936 гг. (организационно-правовой аспект). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author:

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Krasnodar, Russia
popov-52@mail.ru

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Krasnodar, Russia
uporov@list.ru

Received: 26.01.2017

For citation: Popov M.Yu., Uporov I.V., Local Councils of the Soviet State between the Constitution of the USSR in 1924 and 1936 (legal aspect). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

СОН Жанна Григорьевна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия
jannason@mail.ru

Zhanna G. SON
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
jannason@mail.ru

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СССР СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ (1946-1948)

Автор обратилась к слабо разработанной в российской и зарубежной историографии теме о сотрудничестве СССР и КНДР в области образования в 1946-1950 гг. В 1946 г., до создания государства КНДР (1948), было положено начало тесному сотрудничеству этих стран. После освобождения Корейского полуострова из СССР в Северную Корею с целью оказания помощи в восстановлении экономики страны были направлены советские специалисты корейской национальности, а из Северной Кореи в Союз ССР на учебу прибыла корейская молодежь. На базе архивных материалов ГАРФ, РГАСПИ, опубликованных работ в статье предпринята попытка проследить этапы сотрудничества в области образования, подготовки специалистов в разных областях промышленности, культуры и науки. В 1946 г. несколько сот студентов из Северной Кореи были приняты в советские вузы. Уделено внимание целям и задачам проводимой политики советского государства в отношении образованного нового государства - КНДР. СССР оказывал интернациональную помощь, зачастую безвозмездную, в значительной степени нанесшую материальный ущерб советскому народу. Изучение представленного аспекта важно в плане четкого понимания политики двух государств и формирования главных направлений в отношениях между двумя странами в настоящее время, так органично связанных прошлым.

Ключевые слова: советско-северокорейские отношения, корейцы, образование, СССР, КНДР.

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE USSR AND NORTH KOREA IN THE FIELD OF EDUCATION (1946 - 1948)

The author addresses the subject of cooperation between the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) and North Korea in the field of education in 1946-1950, which is a subject that has been poorly studied in the Russian and foreign historiography. Close cooperation between these countries began in 1946, prior to the establishment of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) in 1948. After the liberation of the Korean Peninsula, Soviet specialists of the Korean nationality were sent from the Soviet Union to North Korea to help recover its economy, and the Korean youth arrived from North Korea to the USSR for education. The article attempts to trace the stages of cooperation in the field of education and training of specialists in various fields of industry, culture, and science based on the archival materials from the State Archive of the Russian Federation (GARF), the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), and the published papers. The study of the above aspects is important for obtaining a clear understanding of policies of the two states that currently define main directions in the relations between the two countries, which are organically connected by the past.

Keywords: Soviet-North Korean relations, Koreans, education, USSR, DPRK

Современное состояние отечественного кореееведения характеризуется тем, что процесс осмысления пройденного пути, пересмотра устоявшихся концепций и оценок прошлого имеет односторонний характер. В период строительства социализма в Советском Союзе и КНДР, особенно после заключения Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и КНДР в 1949 г., изучение двусторонних взаимоотношений в советском кореееведении имело большую идеологическую значимость.

Победа СССР во Второй мировой войне предзнаменовала создание социалистического лагеря на освобожденных территориях Европы и Кореи. Для восстановления разрушенных городов и строительства социализма СССР оказывал не только военную, но и экономическую помощь, в том числе советскими специалистами разного профиля, обеспечивал кадрами в области образования и науки, принимал иностранных студентов для обучения в советских вузах.

Необходимость комплексного анализа советско-северокорейского сотрудничества в области образования и науки в период с 1946 г. до подписания Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве как одного из составляющих звеньев в этих отношениях диктуется трансформирующимися межгосударственными отношениями Российской Федерации с азиатскими странами.

В разное время тему участия советских корейцев в восстановлении и строительстве КНДР затрагивали исследователи Хо Ун Бэ [4], А. Ланьков [3], Тян Хак Пон [10], Д. Мен [5], Н.Ф. Бугай [1], Ж.Г. Сон [9], И.Н. Селиванов [8].

Согласно исследованиям российских (советских) кореееведов, после установления советско-корейских дипломатических отношений (1948) считается, что товарооборот между двумя государствами осуществлялся в двустороннем порядке. Однако, что касается образования, то в этом направлении осуществлялась фактически односторонняя помощь со стороны Союза ССР. В статье вводятся в оборот новые архивные документы и материалы, убедительно доказывающие о вкладе СССР в развитие образования и науки в КНДР.

В целях укрепления единого социалистического лагеря Москва принимает решение обучать студентов из братских социалистических стран в вузах Союза ССР. В Министерстве высшего образования решением СНК СССР от 1 октября 1945 г. № 14461 был образован Иностранный отдел для организации обучения иностранных студентов в вузах СССР. Свою деятельность иностранный отдел, в штате которого работало восемь человек, развернул по существу только в начале 1946 г. Задачи иностранного отдела определялись в «Положении об иностранном отделе» и сводились в основном к организации обучения студентов-иностранцев в вузах СССР, развитию культурных связей с учеными зарубежных стран, обмену учебной и методической литературой и учету опыта работы высшей школы за границей [7, л. 112-121].

В 1946 г. впервые в Союзе ССР 93 вуза в 17 городах - Москве, Ленинграде (Санкт-Петербург), Свердловске (Екатеринбург), Томске, Иркутске, Киеве, Горьком (Нижний Новгород), Красноярске, Саратове, Харькове, Казани, Одессе, Новочеркасске, Краснодаре, Мичуринске, Ташкенте, Тбилиси - приняли на обучение иностранных студентов [7, л. 66].

Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 1633-72с [7, л. 62] от 27.07.1946 г. в вузы СССР было разрешено принять 300 граждан Северной Кореи. По Постановлению Совета Министров СССР от 17.08.1946г. №1817-784с в вузы СССР было разрешено принять 500 студентов и аспирантов из стран: Югославии - 250 чел., Болгарии - 125, Албании - 50, Румынии - 20, Чехословакии - 20, Польши - 20, Венгрии - 15 человек. Всего было принято 898 человек [7, л. 45].

Иностранным студентам была назначена стипендия в размере 500 руб. в месяц, аспирантам - 900 руб. в месяц. Помимо этого, несмотря на тяжелое послевоенное время в Союзе ССР, кризис продовольствия, студентам-иностранцам наравне с советскими гражданами выдавались продовольственные карточки Р-2 и Р-4 [7, л. 112].

В процессе обучения недостаток питания сказался на здоровье студентов, в связи с чем с 1 сентября 1947 г. по постановлению Совета Министров СССР № 2311-644с от 3 июля 1947 г. всем студентам и аспирантам усилили питание за счет хлебной карточки под литером «Б».

В отношении снабжения промышленными товарами студенты и аспиранты-иностранцы также были приравнены к советским студентам. Они были освобождены от платы за обучение, а также для них во всех столовых вузов было организовано 2-3-разовое питание. Далее в постановлении указывалось, что все студенты и аспиранты-иностранцы живут в студенческих общежитиях вместе с советскими студентами и аспирантами и полностью обеспечиваются постельными принадлежностями [7, *там же*].

В результате всех этих льгот по обучению и материальных благ, предоставляемых студентам и аспирантам-иностранцам, советское правительство ежегодно расходовало, кроме продовольственных, промтоварных и иных фондовых товаров, большие денежные средства. Обучение в течение года одного студента-иностранца обходилось в среднем в 13 310 руб., а одного аспиранта - 23 510 рублей (См.: табл. 1).

Таблица1 Справка о стоимости обучения студентов и аспирантов-иностранцев в вузах СССР. Стоимость обучения 1 студента и 1 аспиранта в год

Table 1 Information about the cost of education of students and postgraduates of foreign universities in the USSR. The cost of training one student and one postgraduate student per year

	Статьи основных затрат	**Затраты в течение 1 года (в рублях)**	
		Студент (стипендия 580 руб. в месяц)	**Аспирант (стипендия 980 руб. в месяц)**
1	Стипендия, включая хлебную надбавку	6 960	11 760
2	Освобождение от оплаты за обучение	400	-
3	Административно-хозяйственные расходы (персонал, общежитие, бесплатное пользование учебными пособиями и др.)	800	800
4	Расходы на оплату профессорско-преподавательского состава (из расчета 1 профессор на 10 студентов и 1 профессор на 5 аспирантов при средней зарплате 4 000 руб. в месяц)	4 800	9 600
5	Санаторное лечение и различные денежные пособия (в среднем)	350	350
6	Выдача денег на приобретение литературы	-	1 000
	Итого:	**13 310**	**23 510**

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 223. Л. 58.
Source: RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 223. L. 58.

Финансовые затраты на 1946/47 учебный год определились следующим образом: студенты (811 чел.) - 10 794 410 руб.; аспиранты (87 чел.) - 2 045 370 руб., всего (898 чел.) - 12 839 780 руб. в год (включая 35 больных, выехавших на родину). Расходы, понесенные Советским Союзом по обучению студентов и аспирантов отдельных стран, констатируется в документе, достигли за истекший учебный год весьма крупных сумм: по Югославии - 3 582 500; Албании - 918 390; Болгарии - 1 969 750; Венгрии - 332 250; Румынии - 317 200; Чехословакии - 368 200; Польше - 220 750; Монгольской Народной Республике - 1 151 750 и Северной Корее - 3 979 690 рублей [7, л. 62].

Согласно договоренностям с этими государствами, 50% стоимости учебы должны были возмещать правительства, отправившие студентов, однако за исключением Монгольской Народной Республики эти суммы не были возмещены.

Таким образом, в сентябре 1946 г. 300 корейцев прибыли учиться в 12 советских вузов в разных городах СССР. Фактически задолго до официального образования Корейской народной демократической республики (КНДР) советским руководством принимается решение обучать корейских студентов различным специальностям в СССР. Как и все иностранные студенты, корейцы были поставлены на полное довольствие, обеспечены жильем в общежитиях, учебной литературой и т.д.

299 человек были распределены по 11 городам, в 20 вузах Союза ССР (См.: табл. 2). Самые большие группы находились в Свердловске - 145 чел.: в Уральском индустриальном институте - 96, Горном институте - 32, Юридическом институте - 8, Государственном университете - 5, Сельскохозяйственном институте - 3, Консерватории - 1 человек. В Томск прибыло 87 человек, из них в Педагогический институт было зачислено - 39, в Медицинский институт - 25 и в Электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта - 23 корейца. В Иркутске приступили к учебе в Финансово-экономическом институте 20 человек. Остальные студенты были распределены в Москву, Ленинград, Казань, Одессу, Киев, Ташкент, Алма-Ату, Днепропетровск [7, л. 53-57].

Таблица 2 По состоянию на 27.08.1947 г. Распределение студентов и аспирантов из Северной Кореи набора 1946/47 учебного года по городам и вузам СССР

Table 2 As at 08.27.1947. Distribution of undergraduate and postgraduate students from North Korea set 1946/47 academic year at the cities and universities of the USSR

№№	Наименование вузов	Корейцы	Всего
	Москва		3
1	Государственный университет	2	
2	Государственный педагогический институт им. Ленина	1	
	Ленинград		1
3	Государственный университет	1	
	Свердловск		145
4	Уральский индустриальный институт	96	
5	Государственный университет	5	
6	Юридический институт	8	
7	Сельскохозяйственный институт	3	
8	Горный институт	32	
9	Консерватория	1	
	Казань		6
10	Юридический институт	4	
11	Авиационный институт	2	
	Одесса		1
12	Институт связи	1	
	Киев		2
13	Политехнический институт	2	
	Ташкент		16
14	Сельскохозяйственный институт	16	
	Алма-Ата		4
15	Зооветеринарный институт	4	
	Томск		87
16	Медицинский институт	25	
17	Педагогический институт	39	
18	Электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта	23	
	Днепропетровск		16
19	Институт инженеров железнодорожного транспорта	16	
	Иркутск		20
20	Финансово-экономический институт	20	
	Всего:		**299**

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 223. Л. 53-57.
Source: RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 223. L. 53-57.

В 1947/48 учебном году в вузы СССР по постановлению Совета Министров СССР № 2626-811сс от 21 июля 1947 г. принято 140 студентов (120) и аспирантов (20) из Северной Кореи и по постановлению № 3253 от 13 сентября 1947 г. планировалось принять 650 студентов из следующих стран: Югославии - 250, Болгарии - 150, нии - 80, Чехословакии - 60, Румынии - 30, Польши - 30, Монголии - 30 и Венгрии - 20 человек. Таким образом, за два учебных года в Союз ССР прибыло 1 688 студентов-иностранцев [7, л. 112-121].

Следует отметить, что иностранные студенты находились под неусыпным контролем высших органов власти Союза ССР. Любые решения, постановления в отношении них обсуждались сначала в Политбюро, а затем спускались в Совет Министров ССР на исполнение. По указанию ЦК ВКП(б) (решение от 25 апреля 1947 г.) ВЦСПС предоставил студентам и аспирантам-иностранцам летом 1947 г. 500 бесплатных путевок в санатории, дома отдыха и турбазы, а 300 студентов и аспирантов-иностранцев выехали на летние каникулы в свои страны.

С началом нового учебного года (1947/48 уч. год) в Союз ССР корейцев прибыло в два раза меньше, чем в предыдущем: несомненно, на уменьшение числа студентов повлияли финансовые затраты, понесенные советским государством, а также трудно-

сти в организации и обустройстве иностранцев. В связи с этим принимается решение о квотировании количества иностранных студентов, в том числе и корейцев из Северной Кореи.

По опыту прошлого года список городов и университетов был сокращен с 11 до 6 городов и с 20 до 12 вузов (См.: табл. 3). Однозначно, в Пхеньяне также пришлось пересмотреть многие вопросы, связанные не только с размещением корейских студентов в разных городах СССР, но и с профилем институтов, выявились самые востребованные профессии. Среди городов Союза ССР были выбраны большие города с развитой промышленностью и высоким уровнем образования, транспортной доступностью с другими городами, прежде всего со столицей - Москвой. В списке институтов появились два вуза - это Московский государственный институт кинематографии (6 студентов) и Московский институт киноинженеров (4 студента), свидетельствующие о заинтересованности Пхеньяна в развитии культуры, в частности кинематографии в КНДР.

Таблица 3 Список высших учебных заведений (1947/48 учебный год), где предоставлялись места для студентов и аспирантов из Северной Кореи

Table 3 List of higher education institutions (1947/48 academic year), which provided educational places for undergraduate and postgraduate students from North Korea

№№ п/п	**Наименование вуза**	**Количество**	
		Студенты	**Аспиранты**
1	Московский текстильный институт	10	2
2	Казанский химико-технологический институт	20	-
3	Уральский индустриальный институт	20	2
4	Свердловский горный институт	10	-
5	Томский институт инженеров железнодорожного транспорта	20	-
6	Ленинградский педагогический институт им. Герцена	-	2
7	Казанский государственный университет	10	-
8	Ленинградский государственный университет	-	12
9	Ташкентский сельскохозяйственный институт	10	2
10	Московский государственный институт кинематографии	6	
11	Московский институт киноинженеров	4	-
12	Ленинградский институт связи	10	-
	Итого:	**120**	**20**

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1023. Л. 88.
Source: RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 1023. L. 88.

И только 2 июня 1948 г., согласно постановлению № 1891-742с от 2 июня 1948 г. за подписью И. Сталина, было подписано Соглашение между Министерством высшего образования СССР и Народным Комитетом Северной Кореи об обучении корейских студентов и аспирантов в высших гражданских учебных заведениях СССР. На основании этого соглашения Министерством высшего образования СССР предоставлялась ежегодная квота (120 мест) для обучения студентов Северной Кореи (отдельной статьей квота для аспирантов - 20 мест) [6, л. 87].

Обращает на себя внимание Статья 4, где зафиксировано, что Министерство высшего образования Союза Советских Социалистических Республик принимает на себя обеспечение на все время обучения студентов Северной Кореи стипендией в размере 500 руб. в месяц каждому и обеспечение жилой площадью на одинаковых условиях со студентами - гражданами СССР. В Статье 5 отмечено, что студенты Северной Кореи после окончания учебного заведения получают диплом установленного в СССР образца с указанием полученной специальности и квалификации [2, л. 18-21].

Что касается возмещения расходов на обучение, то в Статье 6 указывается, что Народный Комитет Северной Кореи возмещает Министерству высшего образования Союза ССР 50% фактических расходов на обучение, включая расходы на стипендию, а

причитающаяся с Народного Комитета Северной Кореи сумма платежей за текущий учебный год уплачивается равными частями два раза в год - 1 сентября и 1 февраля. И, наконец, все платежи, предусмотренные настоящим Соглашением, производятся Народным Комитетом Северной Кореи в корейской валюте путем внесения соответствующих сумм в Северо-Корейский банк на текущий счет банка для внешней торговли СССР [2, *там же*].

Согласно отчетам горкомов комсомола, курировавших иностранных студентов, было немало проблем в учебном и организационном процессах. Прежде всего, усилия прилагались в обучении иностранных студентов русскому языку. Для выполнения указаний ЦК ВКП(б) и постановлений ЦК ВЛКСМ по политической и культурно-просветительской работе среди иностранных граждан вузовские комитеты комсомола оказывали помощь студентам в изучении русского языка.

Размещение иностранных студентов в разных городах СССР создавало немало проблем. «Разбросанность и распыленность» студентов затрудняла подбор преподавателей для занятий, требовала дополнительных затрат на оплату преподавателей [7, л. 58]. Для дальнейшего приема студентов-иностранцев необходимо было определиться с основными городами, где могли бы быть созданы соответствующие условия для учебы [7, *там же*].

Немаловажной проблемой стали климатические условия тех мест, куда направлялись студенты-иностранцы. Приехав на новые места проживания, иностранцы часто болели и вынуждены были возвращаться на родину.

Проблемы со здоровьем студентов приходилось решать постоянно, на это также требовались дополнительные финансовые расходы. Как оказалось, при приеме студентов-иностранцев не проводился должным образом медицинский осмотр: впоследствии выяснилось, что из 275 иностранцев 55 человек болели туберкулезом. Тяжелобольные студенты были и среди корейцев, в Казани один студент был болен открытой формой туберкулеза, в Томске - два студента, в Свердловске - десять студентов болели этой болезнью [7, л. 33].

Наличие инфекционных больных вызывало тревогу за здоровье окружающих людей, и советское руководство вынуждено было решать эти проблемы в срочном порядке. Безусловно, принятие такого количества студентов на полное государственное обеспечение приносило государству непредвиденные расходы.

Иностранному отделу при Министерстве образования СССР сложно было не только регулировать вопросы по обустройству студентов-иностранцев, организовать учебный процесс, создать соответствующие условия в высших учебных заведениях в вышеуказанных 17 городах Союза ССР, учитывая тяжелое послевоенное время, дефицит продовольствия. Помимо этого, необходимо было поддерживать морально-нравственный потенциал иностранцев с разной культурой, иными взглядами на жизнь и окружающий мир. Эта работа была поручена горкомам комсомола и вузовским комитетам комсомола. Они регулярно проводили политико-воспитательную, культурно-просветительскую работу среди иностранцев.

В Центр поступали регулярные отчеты о политическом состоянии, настроениях и дисциплине студентов и аспирантов-иностранцев. Что касается корейцев, то их характеризовали как «очень трудолюбивых, дисциплинированных и неприхотливых студентов». Далее в отчете отмечается, что корейцы «хорошо и правильно понимают наши трудности. Большинство из них участвовало в национально-освободительном движении Кореи, многие долго содержались в японских тюрьмах. Почти все студенты-корейцы состоят членами организации трудовой партии и организации Союза демократической молодежи Кореи» [7, л. 106].

Партийная сознательность корейцев проявлялась и в критическом отношении к своим товарищам. Так, например, за постоянное пьянство и враждебные высказывания против Советского Союза по их просьбе был отчислен и отправлен на родину студент Уральского индустриального института Ли Ду Хван. Организованность и дисциплина корейцев строго контролировались и старшими корейцами-коммунистами из посольства КНДР. Они проводили свои занятия по политическому воспитанию молодежи.

Студенты-корейцы регулярно собирались группами, что вызывало немало подозрений у компетентных советских органов. Впоследствии было принято постановление, разрешавшее иностранным студентам собирать землячества.

Как уже отмечалось выше, в разных регионах приема иностранных студентов в вузы условия проживания значительно отличались; создание равнозначных по уровню условий проживания оказалось делом первостепенной важности. Например, согласно докладным запискам, трудно жилось корейцам в Казани, Иркутске и Томске. Они получали одну рабочую карточку, которой не хватало на трехразовое питание низкого качества, не хватало промышленных товаров, в том числе и обычного нижнего белья [7, л. 33]. Одним словом, трудности испытывала и принимающая сторона, равно как и студенты-иностранцы, чья адаптация в иноязычную среду проходила довольно болезненно.

Вышеприведенные факты убедительно доказывают, что стратегия и политика советского руководства была направлена на создание социалистического лагеря в соседних приграничных государствах. Так называемая интернациональная помощь, оказываемая новым государственным образованиям, зачастую носила безвозмездный характер, нанося ущерб бюджету страны. Сложно назвать эти отношения и двусторонними, поскольку вклад Союза ССР в развитие экономики, образования и науки, в частности КНДР, и сегодня трудно переоценить.

После распада Союза ССР стало как-то не принято говорить о том, какой вклад внесла наша страна в развитие всех сфер жизнедеятельности государств бывшего социалистического лагеря, в том числе и КНДР. Прежде всего, необходимо отметить организацию в этих странах бесплатного среднего и высшего образования и здравоохранения. Роль и значение помощи СССР, оказанной бывшим социалистическим странам, велики: несмотря на послевоенную разруху, голод в стране, советское правительство выделяло миллионы рублей на образование иностранных студентов, ежегодно выделяло квоты в высших учебных заведениях, организовывало с помощью советских специалистов высшие учебные заведения в этих странах, в том числе и в КНДР.

Однако на общем фоне зарубежной антироссийской пропаганды общество даже не вспоминает об этом неоценимом вкладе. Что касается советско-северокорейских отношений, то они начинались не только с оказания военной помощи, но и с развития сотрудничества в области образования и культуры. Изучение представленного аспекта важно в плане четкого понимания политики двух государств, формирования основных направлений в отношениях между двумя странами в настоящее время, так органично связанного с прошлым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бугай Н.Ф. Российские корейцы: перемены, приоритеты, перспектива. - М., 2014.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446с2. Оп. 106с. Д. 326. Л. 18-21.
3. Ланьков А.Н. Северная Корея: вчера и сегодня. - М., 1995.
4. Лим Ын (лит. псевд. Хо Ун Бэ). Тайная история становления северокорейской династии Ким Ир Сена. (Lim Ûn. The Founding of a Dynasty in North Korea... - P. 146. [Книга опубликована в Японии в 1982 г.].
5. Мен Дмитрий. Советские корейцы в Северной Корее в 40-60 гг. [Электронный ресурс] - http://world.lib.ru/k/kim_o_i/s1rtf.shtml (Дата обращения: 20.04.2015).
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее - РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 1023. Л. 87, 88.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 223. Л. 33, 45, 53-57, 58, 62, 63, 64, 66, 106, 112-121.
8. Селиванов И.Н. Пак Ы Ван: краткий биографический очерк. [Электронный ресурс] - http://koryo-saram.ru/i-n-selivanov-pak-y-van-kratkij-biograficheskij-ocherk/ (Дата обращения: 25.08.2016).
9. Сон Ж.Г. Советские корейцы в Северной Корее в 1946-1948годах // Корея: 70 лет после освобождения: коллективная монография. - М.: ИДВ РАН, 2015. - С. 153.
10. Тян Хак Пон. Воспоминания советского корейца, строившего Северную Корею. [На кор. яз.].

REFERENCES

1. Bugay N.F. Russian Koreans: Change, prioritize, prospect. M., 2014.
2. State Archive. F. R-5446s2. Op. 106c. D. 326. L. 18-21.

3. Lankov A.N. North Korea yesterday and today. M., 1995.
4. Lim Eun (lit. Pseudonym. Ho Ung Bae). The Secret History of the formation of the North Korean President Kim Il Sung Dynasty. (Lim Ûn. The Founding of a Dynasty in North Korea ... P. 146). The book published in Japan in 1982 g.
5. Men Dmitry. Soviet Koreans in North Korea in 40-60 years. Available at: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/s1rtf.shtml (accessed: 20.04.2015).
6. RGASPI. F. 17. Op. 128. D. 1023. L. 87, 88.
7. RGASPI. F. 17. Op. D. L. 128. 223. 33, 45, 53-57, 58, 62, 63, 64, 66, 106, 112-121.
8. Selivanov I.N. Pak Ui Wan: A brief biographical sketch. Available at: http://koryo-saram.ru/i-n-selivanov-pak-y-van-kratkij-biograficheskij-ocherk/(accessed:25.08.2016).
9. Son Zh.G. Soviet Koreans in North Korea 1946-1948godah. Korea: 70 years after the liberation: the collective monograph. M .: RAS IFES, 2015. 153 p.
10. Tyan Hak Pon. Memories of the Soviet Koreans who built North Korea. [At the core. lang.].

Информация об авторе

Сон Жанна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент, школа востоковедения, факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия
jannason@mail.ru

Получена: 02.02.2017

Для цитирования: Сон Ж. Г., Интернациональная помощь СССР Северной Корее в области образования (1946 – 1948). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author

Zhanna G. Son, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs,
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
jannason@mail.ru

Received: 02.02.2017

For citation: Son Zh. G., International cooperation of the USSR and North Korea in the field of education (1946 - 1948). Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 93

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ЧИУ Там Хок
Московский государственного университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия (из Макао, Китай)
volodja1217@gmail.com

Tam Hok CHIU
M.V. Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia (from Macao, China)
volodja1217@gmail.com

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЮЖНЫХ БЕРЕГОВЫХ БАТАРЕЙ В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ (НОЯБРЬ, 1941 г.)

BATTLE ACTIVES OF THE SOUTHERN SHORE BATTERIES IN THE DEFENSE OF THE SEVASTOPOL (NOVEMBER, 1941)

В ноябрьской обороне Севастополя южные береговые батареи № 35, 18, 19 и 14 Севастопольского оборонительного района сыграли значительную роль в выполнении стратегическо-тактических задач. С 15 ноября 1941 г. территория 1-го и 2-го секторов СОР стала местом ожесточенных боев с противником.

Важное оборонительное значение имели районы вдоль линии Балаклава - Кучук-Мускомья - Варнутка - Байдары - Камары - Биюк-Мускомья. Горный характер местности и расположенные здесь высоты были естественными преградами на пути наступления немецких войск на территории между Балаклавой и Варнуткой. В самой южной части СОР вдоль линии фронта и по береговой линии было создано сравнительно немного оборонительных сооружений, дотов и дзотов. Естественно, горы и высоты сами были препятствиями для вражеских войск, поэтому оборона этой территории была намного легче, чем в северной части СОР. На основании анализа целого ряда исторических фактов из архивных документов можно сделать следующий вывод. Чаще всего принимали участие в боях батареи № 19, 18, 14. Их взаимодействие было особенно активным со второй половины ноября до конца месяца. Хотя батарея № 19 являлась единственной прифронтовой батареей на территории 1-го сектора, ее поддерживали батарея № 18, позже - батарея № 14, в дальнейшем - батарея № 35.

In November defense of Sevastopol southern shore batteries №№ 35, 18, 19 and 14 of the Sevastopol Defense Region played a significant role in the implementation of the strategic and tactical objectives. On November 15, 1941 the territory of the 1st and 2nd COP sectors became the site of fierce fighting with the enemy. Important defensive significance was areas along the line of Balaklava - Kuchuk Muskomya - Varnutka - Baidary - Camara - Bink-Muskomya. The mountainous nature of the terrain and altitude located here were natural barriers in the way of the German advance in the area between Balaclava and Varnutkoy. In the southernmost part of the COP along the front lines and on the waterfront was created relatively few fortifications, bunkers and pillboxes. Of course, the height of the mountains and were themselves obstacles to enemy troops, so the defense of the territory was much easier than in the northern part of the COP. Based on the analysis of a number of historical facts of archival documents can conclude the following. More often they took part in the battles batteries №№ 19, 18, 14. Their interaction has been particularly active in the second half of November to the end of the month. Battery although number 19 was the only frontline battery on the territory of the 1st sector, it maintained the battery number 18, later the battery number 14, further battery number 35.

Ключевые слова: оборона Севастополя, береговая батарея, дальнобойный огонь, стратегическо-тактическое значение.

Keywords: defense of Sevastopol, coastal battery, long-range fire, strategic and tactical value

Анализ боевых действий батареи № 35 в ноябре 1941 г.

Батарея № 35 являлась важной огневой мощью в тылу 1-го сектора. Но в ноябрьских сражениях она не была основной силой в сопротивлении врагу в южной части СОР в связи с большой удаленностью от расположения немецких войск. 13 ноября противник начал вести боевые действия в районе 1-го сектора. Советские войска 1-го сектора СОР ожесточенно сражались с 72-й дивизией немцев за овладение группой высот. По П.А. Моргунову, береговые батареи № 18, 19, 35, 725 интенсивно поддерживали советские войска и совместно с бронепоездом «Железняков» вели огонь по танкам противника [1]. В соответствии с боевыми сводками, в 1-м секторе береговые батареи продолжали вести огонь по скоплению пехоты противника в районе высоты 226, в результате чего вражеская пехота была рассеяна, а минометы противника подавлены [3, Л. 14]. В сводках нет конкретных данных о боевых действиях батареи № 35 или иных батарей. Но, проанализировав карту, нетрудно заметить, что линия фронта перед 1-м сектором в данном районе проходит между высотами 386,6 и 440,8. Береговая батарея № 35 могла бы вести огонь по противнику на данной территории в обычном или в усиленном режиме, но точности мешало бы большое расстояние. 15 ноября береговая батарея № 35, поддерживая батарею № 19, действовала во взаимодействии с артиллерийскими частями Приморской армии - 134-й ГАП (без 3-го дивизиона, у линии между 1-м и 2-м секторами) и 51-й АП, вела огонь по наступающей пехоте противника в районах, где находятся высоты 99,4, 181,2, 226, и по скоплению противника и автомашин в районах Варнутки, Кучук-Мускомья [3, Л. 19].

С вечера того же дня до утра 16 ноября противник, объединив свои силы на данном направлении, сразу перешел в наступление в районе Кучук-Мускомья, Кадыковки. В 1-м секторе советская артиллерия поддерживала действия пехоты, обстреливая огневые точки и наступающую пехоту противника [3, Л. 20]. Днем 16 ноября батарея № 35 продолжала взаимодействовать с артиллерией 51-го АП, 134-го ГАП, вела огонь по отражению атаки противника в направлении высоты 212,1. В результате проведенного массированного огневого налета атаки противника в направлении высоты 212,1 были отбиты, и противник отступил, понеся большие потери. В течение дня береговые батареи вели огонь по скоплению пехоты противника в районах Алсу и Шули и по батарее противника в районе Черкез-Кермен. Результаты неизвестны; 35-я батарея под управлением командира, старшего лейтенанта Лещенко вела огонь по пехоте противника в районе юго-восточнее высоты 212,1 [3, Л. 21-22]. 17 ноября батареи продолжали вести огонь по наступающим врагам в районе 1-го и 2-го секторов. Расстояние до расположения противника было уже почти вне максимальной дальности батареи № 14, что не могло не сказываться на точности стрельбы.

Возможно, береговые батареи № 19 или 18 вели огонь по скоплению танков в районе Варнутки (1-й сектор), в результате танки были рассеяны [3, Л. 25-26]. Дистанция между батареей № 35 и районом Варнутки - примерно 30 км. В бою с танками противника требуется огневой удар из артиллерии крупного калибра. 18 ноября батарея № 35 в 13:40 в районе высоты 198 вела огонь по танкам противника, ехавшим по дороге из Варнутки в Севастополь [3, Л. 28-29]. 25-го ноября, в целях поддержки пехоты и основываясь на данных авиаразведки, вечером, с 18:00, артиллерия 1-го сектора, 14-я, 112-я и 35-я береговые батареи, 134-й ГАП, дивизион 265-го КАП вели огонь по скоплению и колоннам противника в районах высоты 212,1, высоты 386,6, дороги между Варнуткой и Балаклавой [3, Л. 51; 2, Л. 140-141].

Исторические факты показывают, что батарея № 35 в действительности играла основную стратегическо-тактическую роль. Она активнее всех других батарей участвовала в обстрелах наступающих врагов. Используя преимущество дальнобойной огневой мощи, батарея № 35 несколько раз подавляла скопления пехоты, машин и танков противника еще при движении. Однако, если сравнить ее с береговой батареей № 30 (с 4 флотскими орудиями калибром 305 мм), участие береговой батареи № 35 в боях оказалось гораздо меньшим, чем батареи № 30. Это объясняется их различным расположением. Перед береговой батареей № 35 еще расположены батареи № 18 и 19, которые играли важную роль в сопротивлении противнику. Поэтому в ноябрьской обороне батарея № 35 редко самостоятельно вела бои, а чаще взаимодействовала с другими соседними батареями.

Анализ боевых действий батарей № 18, 19, 14

Батареи № 18, 19 и 14 (32) играли главную роль в подавлении наступающих вражеских войск и танков на территории 1-го сектора. Они были очень важны в ноябрьской обороне. Батарея № 19 как раз располагалась недалеко за линией фронта 1-го сектора и обеспечивала огневую мощь его войск. Батарея № 18 главным образом оказывала огневую помощь батарее № 19 и своим армейским частям, действовавшим на фронте 1-го сектора.

10 ноября, по боевым сводкам, в связи с попытками наступления немцев на южную часть СОР в 1-м секторе 19-я береговая батарея открыла огонь по скоплениям бронемашин, пехоты и конницы немцев, которые передвигались к назначенным местам. В результате чего пехота и конница противника разбежались [3, Л. 8]. К вечеру того же дня в ответ немецкая дальнобойная артиллерия вела огонь по береговым батареям СОР. В 3-м секторе артиллерия и минометы противника вели огонь по переднему краю 7-й бригады и по 2-й береговой батарее [2, Л. 38].

12 ноября, днем, во 2-м секторе 3-й дивизион БС (батареи № 18, 19 и др.) поддерживал роту 2-й морской пехоты, наступавшую в направлении Уппа. Вечером в 1-м секторе батарея № 19 вела огонь по мотоколонне противника северо-западнее Вар-

нутки [3, Л. 13]. 13 ноября батареи № 18 и 19 продолжали обстреливать скопления пехоты и танков противника в районе высоты 226 [1], [3, Л. 14].

15 ноября в 1-м секторе береговая батарея № 19 при поддержке батареи № 35 и артиллерийских частей Приморской армии (части 265-го АП, 51-го АП, 134-го АП) вела огонь по противнику в районе высоты 99,4, 181,2 и 226,0, в районе Варнутки, Кучук-Мускомья (134-й ГАП, без 3-го дивизиона, и 51-й АП). 17 ноября 18-я батарея вела огонь по пехоте противника на высоте 212,1. [3, Л. 25-26]. 18 ноября в 1-м секторе береговая батарея № 18 в 11:08 вела огонь по пехоте противника в районе Балаклавы, высоты 386,6, в результате чего пехота противника была рассеяна. Вечером в 16:57 и 17:21 батарея № 18 вновь вела огонь по пехоте противника в районе высоты 386,6 [3, Л. 13]. На этом этапе сражения береговые батареи № 19 и 18 отдельно друг от друга или совместно активно поддерживали свои войска в борьбе с противником, осуществляли интенсивные огневые удары по наступающим войскам, машинам и танкам немцев, играли основную тактическую роль в удержании фронта 1-го сектора.

С 19 ноября для усиления ударов по наступающим войскам противника на линии фронта в районах населенного пункта Башня, высоты 212,2, высоты 440,8 батареи № 14, 18 и 19 чаще координировали свои действия и объединяли усилия, ведя огонь по немцам. По документам ПА, 19 ноября береговая батарея № 14 впервые помогла береговым батареям в 1-м секторе и вела огонь по развалинам в районе высоты 212,1 [3, Л. 36]. Ночью 20-го ноября главные боевые действия продолжались в 1-м секторе, батарея № 18 активно вела огонь по высоте 386,6, чтобы остановить наступление немцев. 14-я береговая батарея стреляла по району Кучук-Мускомья, а 19-я береговая батарея интенсивно открывала огонь по району Варнутки [3, Л. 36].

21 ноября враг попытался перейти в наступление в 1-м, 2-м и 3-м секторах. В 1-м секторе 18-я, 19-я и 14-я береговые батареи активно вели огонь по противнику, подавляли живую силу и огневые средства пехоты в районе высот 479, 4; 555,3; 440,8; 386,6 и 565,8. 14-я береговая батарея подавляла пехоту и огневые средства в Алсу и на высоте 449,1 [3, Л. 28]. 23 ноября батарея № 14 открыла огонь по противнику и успешно рассеяла скопление пехоты немцев в районе Алсу.

Под ответным огнем противника батарее № 19 был причинен ущерб: было выведено со строя 2 орудия 152 мм [3, Л. 44-45]. В период с 18 по 23 ноября эти батареи взаимодействовали, обстреливая противника и нанося ему существенный урон, выбирая необходимую дальность стрельбы, обеспечивающую меткость попадания.

С 24 по 27 ноября обстрелы береговых батарей по расположению противника происходили вечером и ночью. Главными целями стрельбы являлись пункты концентрирования противника и места, находящиеся по дороге к району Балаклава и фронту 1-го сектора, такие как: районы Варнутка, Кучук-Мускомья, Шули, Байдары, Сахтыка, районы группы высот 484,2; 508,1; 386,6; 440,8; 566,2; 471,7. Ночью 24 ноября батарея № 18 подавила батарею противника в районе высоты 386,6 [3, Л. 49-50]. Вечером 25 ноября и до утра следующего дня во 2-м и 1-м секторах 112-я, 14-я, 18-я береговые батареи вели огонь по районам сосредоточения противника Варнутка - высота 440,8, Шули, Кучук-Мускомья [3, Л. 53-54]. 27 ноября с ночи до утра 28 ноября в 1-м секторе береговые батареи № 32, 112, 35, 18 и эскадра кораблей ЧФ произвели пятиминутный огневой обстрел по вероятным местам скопления противника в районах высот 484,2; 508,1; 386,64; 566,2; 471,7; Варнутка, Кучук-Мускомья, Байдары, Сахтык [3, Л. 65-66]. По сведению архивных документов, 18-я батарея успешно рассеяла огнем скопления противника, действовавшие в районах высоты 386,6, Старых Укреплений, Варнутки и Кучук-Мускомья [3, Л. 76].

Таким образом, батареи № 19, 18 и 14 играли важную роль и выполняли тактическо-оперативные боевые задачи во второй половине ноября. Их действия полностью соответствовали тактическим требованиям не только упорной обороны на линии фронта 1-го сектора, но и интенсивного огневого подавления вражеского наступления. В свою очередь, мощная батарея № 35 играла стратегическую роль в нанесении наступающему врагу тяжелых потерь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Моргунов П.А. Героический Севастополь. - М., 1979. - С. 116.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее - ЦАМО). Оп.9900, Д.22.
3. ЦАМО, Ф.288, Оп.9901, Д.20, Л.51.

REFERENCES

1. Morgunov P.A. [Geroicheskiy Sevastopol'] Heroic Sevastopol. M. 1979, S. 116
2. TsAMO Op. 9900, d.22,
3. TsAMO, F. 288, Op. 9901, D. 20, L. 51

Информация об авторе:

Чиу Там Хок, аспирант исторического факультета Московского Государственного Университета,
г. Москва, Россия (из Макао, Китай)
volodja1217@gmail.com)

Information about the author:

Tam Hok CHIU, Postgraduate Student, Historical Faculty, M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia (from Macao, China),
volodja1217@gmail.com

Получена: 22.01.2017

Для цитирования: Чиу Т.Х., Боевые действия южных береговых батарей в обороне Севастополя (ноябрь 1941 г.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Received: 22.01.2017

For citation: Chiu T.H., Battle actives of the southern shore batteries in the defense of the Sevastopol (november, 1941). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

Социологические и гуманитарные науки

Sociological and Humanities Sciences

УДК: 316.346.32-053.9:338.436.32

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович
Лаборатория социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий
ФГБУН «Институт аграрных проблем Российской академии наук»
г. Саратов, Россия
kirill1979may@mail.ru

БОЧАРОВА Елена Викторовна
Лаборатория социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, ФГБУН «Институт аграрных проблем Российской академии наук»
г. Саратов, Россия
kirill1979may@mail.ru

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ

Проблемы старшей возрастной группы сельского населения рассматриваются в статье исходя из объективных и субъективных предпосылок, влияющих на активность вовлечения ее в социокультурную деятельность. Учитывая широкий горизонт социокультурных практик старшей возрастной группы, авторы использовали понятие «созидательный потенциал», включающий элементы человеческого, трудового и социального потенциалов. Данное понятие позволяет преодолевать контекст смысла старости как исчерпания сил человека, духовных и физических. В отличие от аналогичной городской группы, где пожилые мужчины и женщины имеют гарантированные ресурсы по социальному обслуживанию и при желании могут найти достаточно широкий выбор занятости, сельчане ограничены по льготным параметрам жизнеустройства. В связи с оптимизацией инфраструктуры медицинского обслуживания менее доступны для них стали больницы и фельдшерско-акушерские пункты. Поскольку по той же причине закрылись школы в селах, где мало детей, возросла озабоченность по поводу безопасности внуков, которые теперь ежедневно передвигаются на большие расстояния в школы других населенных пунктов. В связи с тем, что взрослые дети старшей возрастной группы не всегда трудоустроены по мету жительства и вынуждены искать работу далеко за пределами даже своего региона, увеличилась нагрузка на остающихся, в том числе пенсионеров, по поддержанию семейного подворья. Вектор проявления созидательного потенциала старшей возрастной группы наиболее полно может реализоваться в профессии. В наибольшей степени это демонстрируют пожилые с высшим и средним специальным образованием. Их удельный вес в структуре сельского социума достаточно высок, между тем как сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства по нормативным показателям не могут представить им рабочие места. Остаются на своих должностях представители старшей возрастной группы: агрономы, инженеры, экономисты, опытные механизаторы и животноводы. Учитывая их надежность, руководители хозяйств неохотно идут на ротацию кадров. Недоиспользование созидательного потенциала этой группы пожилых очевидно. В составе сельских сообществ также велика доля пожилых с начальным и неполным средним образованием, выполнявших до начала аграрной реформы различные виды ручной работы, объем которой в новое время значительно сократился. Поэтому данная часть старшей возрастной группы сосредоточила внимание на семейном хозяйстве в качестве помощников своих взрослых детей. Если они одиноки, то активность их позиции в этом направлении сокращается, иногда до полного отказа от личного подсобного хозяйства. Зато многие из данной группы становятся пчеловодами, и этот и

Peter P. VELIKIY
Laboratory of Social Development of Agro-Industrial Complex and Rural Territories
Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences
Saratov, Russia
kirill1979may@mail.ru

Elena V. BOCHAROVA
Laboratory of Social Development of Agro-Industrial Complex and Rural Territories,
Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia
kirill1979may@mail.ru

CREATIVE POTENTIAL OF THE OLDER AGE GROUP IN THE RURAL SOCIETY

The issues of the older age group of the rural population are discussed in the paper on the basis of objective and subjective prerequisites affecting the activeness of its involvement in socio-cultural activities. Taking into account the wide horizon of socio-cultural practices of the older age group, the authors used the concept of creative potential, which includes elements of human, labor and social potentials. This concept allows overcome the context of the meaning of oldness as the exhaustion of human power - spiritual and physical. Unlike the similar urban group, where elderly men and women have guaranteed resources for social services and, if they wish, can find a sufficiently wide range of employment, rural people face limitations in terms of preferential living arrangements. Owing to the optimization of the medical service infrastructure, hospitals and paramedic centers have become less available for them. Since for the same reason schools in villages where there are few children have been closed, elderly people are more concerned about the safety of their grandchildren, who now have to cover long distances every day to get to schools located in other settlements. Due to the fact that older children of the older age group are not always employed where they live and have to seek job far beyond even their own region, the burden on those staying on, including pensioners, to maintain the family farmstead has increased. The vector of the manifestation of the creative potential of the older age group can most fully be implemented in the profession. To the greatest extent, this is demonstrated by the elderly people with higher and secondary special education. Their share in the structure of the rural society is quite high, whereas agricultural enterprises and independent farms are in no opportunity to provide them with jobs for legal reasons. Keeping their jobs are such representatives of the older age group as agronomists, engineers, economists, experiences machine operators and cattle breeders. Given their reliability, farm managers are reluctant to replace them. The underutilization of the creative potential of this group of the elderly is obvious. Rural communities also have high shares of elderly people with primary and incomplete secondary education, who before the beginning of the agrarian reform were engaged in different kinds of manual work, the amount of which in the new time has significantly decreased. Therefore, this part of the older age group has focused on working in their households helping their adult children. If they are alone, their activeness in this field gets reduced and sometimes they even completely abandon their personal subsidiary farming. But many of this group becomes beekeepers, and this kind of employment allows them feel they are

вид занятости позволяет им чувствовать себя нужными для своих городских родственников и для односельчан, которые заинтересованы в деловом общении с ними. В статье также дана оценка народной жизнестойкости, наиболее яркими представителями которой является старшая возрастная группа сельских жителей.

needed by their city relatives and fellow villagers, who are interested in business communication with them. The paper also assesses the people's viability, which is most prominently represented by the older age group of rural residents.

Ключевые слова: старшая возрастная группа, пенсионеры, созидательный потенциал, сельская социальная инфраструктура, взрослые дети и внуки пожилых, профессиональные группы, сельскохозяйственные организации, фермеры.

Keywords: older age group, pensioners, creative potential, rural social infrastructure, adult children and grandchildren of the elderly, professional groups, agricultural enterprises, independent farmers.

Во второй половине XX и начале XXI в. демографическая структура населения существенно изменилась как в странах Запада, так и на постсоветском пространстве. Выходя на пенсию, люди имеют шанс прожить 20 и более лет, поэтому вопрос, как и чем будет заполнен этот временной отрезок жизни, актуален в личностном и общественном измерении. С 2000 по 2050 г. доля людей старше 60 лет в мире увеличится с 10 до 22 %, в Западной Европе - с 20 до 35 % [1, с. 543-545]. В настоящее время в России численность населения старше трудоспособного составляет 23,1% и может вырасти до 27,2% к 2024 г. Число лиц рабочих возрастов, наоборот, сократится с 60,1 до 54,3 % к 2024 г., и этот процесс будет продолжать нарастать.

По данным Росстата, в 2010 г. доля лиц в России старше 65 лет достигла 13%, причем процесс старения в стране идет более высокими темпами, чем в странах Запада. Предполагается, что доля старшей возрастной группы в близкой перспективе достигнет 20% [2]. В Российской Федерации количество достигших пенсионного возраста и старше составляет 27,5 млн человек. По данному показателю наша страна находится на третьем месте после США (57,1 млн чел.) и Японии (40,2 млн чел.) [3]. В России сохраняется гендерная диспропорция среди населения старше трудоспособного возраста (на начало 2015 г. на 1 000 мужчин в возрасте 60 лет и старше приходилось 1 854 женщины) *[4]*.

В общественном мнении сложилось два образа пожилых: это либо «опекаемая» группа, либо «социально-активная» *[5, с. 51-56]*. В реальности необходим более селективный учет особенностей категорий этой возрастной группы. Существует зависимость активности / пассивности от уровня образования, содержания труда в предшествующие годы, наконец, от мест проживания (город, село), типа поселения (крупное, среднее, мелкое поселение). Большую роль имеет состояние здоровья и предпосылки личной ответственности за близких, состояние их благополучия. Важным обстоятельством избрания активной позиции, на селе особенно, является наличие возможности получить место приложения трудовых навыков, умений, профессиональных знаний.

Представителей «третьего» возраста ученые рассматривают, во-первых, в контексте социальной поддержки и защиты, минимизации возрастной дискриминации и эксклюзии, как относительно слабой группы социальной структуры. Во-вторых, исходя из предпочтений этой группы, которая обладает созидательным потенциалом, конституируется возможность большего вклада ее в решение задач народнохозяйственного значения. Для многих представителей третьего возраста приближение к пенсионному возрасту и нахождение в рамках его институализации менее предпочтительно, чем пребывание в статусе активного участника трудовой и общественной жизни.

Понимание активной старости во многом связано со смыслом политики, проводимой Всемирной Организацией Здравоохранения, и включает сферу здравоохранения, жизнь семьи, взаимодействие индивидов с обществом и государством, то есть продолжение участия в социальной, экономической, культурной, духовной, гражданской жизни общества, опираясь не только на физический, но и культурный потенциал.

Ученые (М. Вебер, Р. Дарендорф, Р. Мертон, Т. Парсонс и др.) при структурировании общества по ролевому признаку учитывали дифференциацию населения и по возрасту. Третий возраст в их представлениях выступал не только индивидуальной характеристикой, но и компонентом, играющим весомую роль в иерархии страт. В работах отечественных ученых В. Ильина, В. Радаева, О. Шкаратана показано, как в условиях рынка происходят изменения в процессе социально-возрастной стратификации *[6]*.

В рамках теории социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман) показано общественное значение возраста, которое различается в разных историче-

ских условиях, а также роль в обществе возрастной стратификации *[7, с. 213]*. В традиционных культурах человек, достигший старости, воспринимается и почитается как мудрец. Между тем в модернистских обществах, где в качестве особой ценности признается молодость и ее максимальное продление становится жизненной установкой, наблюдается стремление представителей старших поколений воспринимать элементы молодежной моды *[8, с. 3-12]*.

На старость оказывают давление опыта предшествующие возрастные стадии. Время не преображает человека, оно раскрывает, высвечивает его сущность. Социальная роль старости в значительной степени обусловлена тем багажом знаний, умений, навыков, личностных характерологических свойств, которые складываются у человека в предшествующие периоды.

Авторы, анализирующие стратегии жизни в старости (Л. Анциферова, В. Большаков, Д. Бромлей, Ф. Гизе, М. Ермолаева, И. Кон и др.), описывают жизненный путь как многомерный этап множества разных тенденций и линий развития в пределах одной и той же биографии, которые одновременно автономны и взаимосвязаны. Время, последовательность и способ осуществления любого жизненного события, будь то вступление в брак или выход на пенсию, не менее важны, чем сам факт, что данное событие имело место *[9, с. 260]*. Жизненный путь представляет собой последовательность более или менее продолжительных состояний человека, которые с течением времени изменяются в связи с деятельностью и событиями.

Психологические подходы к анализу проблем старости акцентируют внимание на развитии мудрости в период старения с растущей целостностью личности, с ее психологической масштабностью *[10]*.

В теории возрастной классификации основой возрастной классификации становится длительность существования, исчисляемого с момента рождения, и определенность фаз развития индивида. По Э. Эриксону, существует восемь этапов жизни: последний, пожилой, возраст делится на три стадии, каждой из которых присуща своя приоритетная цель, среди которых: установление близости и контакта с человеком или с несколькими людьми, в целях преодоления эксклюзии, осознание смысла жизни, забота и тревога за будущие поколения *[11]*.

Даже беглый обзор теорий о метафизике старости показывает, что при многостороннем рассмотрении возрастных перемен в физическом, социальном и духовном состоянии пожилых, их условиям жизни уделяется меньше внимания. Возможно это связано с тем, что материальная сторона жизни пенсионеров в развитых странах Запада, как правило, находится на хорошем уровне. Иная ситуация в странах, находящихся на этапе перехода от социализма к капитализму. При декларировании принципа заботы о старости, присущего социальному государству, власть нередко сталкивается с недостатком средств в бюджете, изношенной инфраструктурой обслуживания, противоречиями в общении «отцов и детей». Но дело не только в недообслуживании старшего поколения.

Одним из современных демографических феноменов является существенный рост продолжительности жизни населения и, как следствие, пропорциональное увеличение доли представителей старших возрастных групп в общей популяции населения. Это создает ряд проблем, главная из которых сводится к тому, насколько уменьшается доля экономически активного населения, способного справиться со всем объемом народнохозяйственных задач и «кормить» вышедших на пенсию. Темп роста старшего населения опережает темп прироста всего населения, происходит изменение соотношения между группой старше трудоспособного возраста и трудоспособным населением. В связи с этим тенденция продолжения трудовой деятельности после выхода на заслуженную пенсию является вполне закономерной.

За последние годы отношение к занятости работников старшего возраста изменилось кардинально в большинстве развитых стран. Если раньше многих сотрудников, перешагнувших пенсионный рубеж, вынуждали оставлять рабочее место, то сейчас получили распространение программы поддержки и стимулирования занятости данной группы работающих. В мировой практике все больше распространяется подход, заставляющий рассматривать старшее поколение не как пассивных получателей социальной помощи, а как продуктивных членов современного общества. Они оказывают

влияние на принятие социально-экономических решений, выражают свою гражданскую позицию, вносят весомый вклад во все сферы жизни.

Анализ работ по исследуемой проблеме позволяет сделать вывод о том, что, помимо понятий «человеческий потенциал» и «трудовой потенциал», необходимо введение понятия «созидательный потенциал», которое охватывает способность индивида достигать позитивных результатов не только в профессии, но и за ее пределами. Он включает в себя элементы трудового, а также человеческого потенциала, то есть способность, возможность и потребность людей выполнять многие виды общественно-полезной деятельности, социальные роли, функции, обеспечивающие развитие различных сфер жизни, помимо участия в трудовой деятельности.

Хотя ослабление данного вида потенциала у работников старших возрастных групп происходит, созидание не только сохраняется, но может возрастать, поскольку человек, освободившись от формальной трудовой роли, включается в выполнение многих других функций. Созидательный потенциал старших возрастных групп определяется как способность индивидов активно проявлять себя на всей коммуникативной арене сельской жизни. Он реализуется при смене роли в общественном производстве, в ЛПХ, помощи взрослым детям, духовной атмосфере сообществ.

В социологических публикациях можно встретить типологии, жестко разделяющие представителей третьего возраста на тип позитивной и неблагополучной старости.

Т.З. Козлова [12, с. 58] полагает, что людей старшего возраста можно типологизировать с учетом ведущих смыслов восприятия ими реальности:

- позитивный тип - активно-творческая старость: люди не обращают внимания на свой возраст, продолжают трудиться, участвуют в общественной жизни, передают свой опыт молодым, ведут активный образ жизни;

- комфортная старость - энергия направляется не вовне, а на устройство собственной жизни (на отдых, спорт, чтение, посещение театров и т.д.);

- смыслом жизни становится семья, которой отдаются все силы. Таким людям некогда скучать, однако удовлетворенность жизнью ниже, чем у первых двух групп;

- в центре внимания собственное здоровье, забота о котором (диета, зарядка, лекарства, отдых и т.п.) становятся основной целью. Чрезмерное внимание к своему здоровью приводит к развитию определенной мнительности, поиску болезней.

Вариант неблагополучной старости представлен двумя социально-психологическим типами:

- агрессивные пожилые люди, склонные к критике всего и всех, отрицающие свои недостатки, предъявляющие претензии окружающим, противопоставляющие себя всем;

- пожилые люди, которым, по их мнению, не удалась собственная жизнь, в чем они винят только себя. Такая позиция приводит к депрессии, к фрустрации, низкой самооценке.

На наш взгляд, условное разделение пожилых на типы, характеризующиеся разной степенью оптимизма и толерантности, конечно, возможно. Однако к этим типам нельзя жестко привязывать уровень созидательного потенциала. Кроме того, пожилому человек некорректно приписывать агрессивность как устойчивое качество, но ее можно допустить как реакцию на ситуацию. Агрессивность деда или бабушки, защищающих внука от насильника, совсем не лишнее качество в наше тревожное время.

На основе данных Комплексного обследования условий жизни населения России, проведенного Росстатом в 2014 г. (выборка квотная, ограничена респондентами старших возрастных групп - 50-54 года, 55-59 лет, 60-64 года, 65 лет и более, работающими в агропродовольственном комплексе), обратимся к характеристике работников старшего возраста по семейному положению.

Более 70% работников старшего возраста состоят в зарегистрированном браке, 20% одиноки по причине вдовства, около 10% состоят в незарегистрированном браке. Это в определенной мере свидетельствует о том, то сельское хозяйство является сферой деятельности, в которой работают преимущественно лица старшего возраста со стабильным семейным положением. Обращает на себя внимание и то, что доля мужчин, которые состоят в браке и продолжают трудиться, больше по сравнению с женщинами (85% и 45% соответственно). Это объясняется большей загруженностью женщин в домашнем хозяйстве по сравнению с мужчинами.

В то же время наблюдается преобладание женщин среди одиноких работников старшей возрастной группы. Среди 50-54-летних их количество - 30,7%. В возрасте 55-59 лет - 55,8%, 60-64 года - 58,3%, старше 65 лет - 57,1%. Возрастных мужчин, не состоящих в браке и работающих в сельском хозяйстве, относительно меньше: 50-54 года - 16,5%, 55-59 лет - 15,0%, 60-64 года - 16,1%. Преобладание женщин в данном случае связано с более высокой средней продолжительностью жизни среди них. Они стремятся также оказать посильную помощь своим детям и внукам по сравнению с вдовцами.

Пространство формальной трудовой занятости сельских жителей

Терминологическое сочетание «формальная трудовая занятость» охватывает тот объем видов труда, который предлагают хозяйственные организации (юридические лица), в отличие от самодеятельных способов выживания получивших в ходе проведения аграрной реформы широкое распространение. Многие люди при этом по критериям Росстата не подходят под статус безработных (Табл. 1).

Таблица 1. Уровень безработицы городского и сельского населения старшего возраста (в % от экономически активного населения соответствующей возрастной группы)

Table 1 The unemployment rate of the urban and rural population of older age (in % of the economically active population of the corresponding age group).

Годы	**Городское население в возрасте (лет)**				**Сельское население в возрасте (лет)**			
	50-54	55-59	60-64	65-69	50-54	55-59	60-64	65-69
2007	3,3	2,6	3,0	2,6	7,4	5,3	3,1	1,0
2008	3,9	3,7	3,9	3,9	7,6	5,7	3,4	3,3
2009	5,7	5,5	4,5	4,6	8,8	7,3	5,0	2,9
2010	4,9	4,7	4,2	4,1	8,4	6,7	4,2	2,4
2011	4,6	4,1	3,8	3,4	7,5	6,5	4,3	1,7
2012	3,3	3,1	2,5	3,5	6,6	5,1	3,4	2,3
2013	3,6	3,3	3,3	3,1	6,6	5,3	3,4	2,0
2014	3,4	3,1	3,0	3,0	6,2	5,7	4,4	2,6

Источник: Труд и занятость в России. Росстат. М., 2013. С. 102-103. Труд и занятость в России. Росстат. М., 2015. С. 79.

Source: Labor and employment in Russia. Rosstat. Moscow, 2013. Pp. 102-103. Labor and employment in Russia. Rosstat. Moscow, 2015. P. 79.

Что касается безработицы городского и сельского населения старшего возраста, то она характеризуется превышением уровня безработицы среди сельских жителей старшего возраста по сравнению с уровнем безработицы среди городских жителей практически всех старших возрастных категорий. Основными причинами низкого уровня трудоустройства граждан старшего возраста по сравнению с другими возрастными категориями являются: ограничения по возрасту, которые вводятся работодателем при приеме на работу; низкоквалифицированный труд; ограничения по состоянию здоровья; заниженная самооценка; отсутствие здорового оптимизма по поводу перспектив; низкий уровень конкурентоспособности. Граждан старшего возраста в службах занятости относят к категории, которая испытывает серьезные трудности при приеме на работу.

Согласно данным выборочного обследования населения, уровень занятости населения старших возрастных групп составил в 2013 г. 29,2%. Уровень занятости по возрастным группам распределился следующим образом (в процентах от численности

населения соответствующей возрастной группы): 50-54 года - 75,8%; 55-59 лет - 54,7%; 60-64 года - 25,3%; 65-72 года - 10,5% *[13, с. 27]*.

Доля мужчин в сельскохозяйственной отрасли в 2014 г. составляла 8,0%, женщин - только 5,1% *[14, с. 50]*. Среди занятых мужчины значительно превышают долю женщин во всех старших возрастных группах (Табл. 2).

Таблица 2 Место группы старшего возраста в АПК
Table 2 The place of the older group in the agro-industrial complex

	50-54	**55-59**	**60-64**	**65 и более**
мужчины	73,0	85,5	82,4	72,0
женщины	27,0	14,5	17,6	28,0
Итого	100	100	100	100

Источник: Комплексное наблюдение условий жизни населения. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html
Source: Comprehensive observation of the living conditions of the population. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html

В современном агропродовольственном комплексе численность лиц трудоспособного возраста неуклонно снижается, а количество представителей старшего возраста растет. На протяжении последних десяти лет численность работников старшего возраста, занятых в сельском хозяйстве, увеличилась (Табл. 3).

Таблица 3 Численность занятых в сельском хозяйстве по возрастным группам
Table 3 Number of employed in agriculture by age group

Годы	**Всего, тыс. чел.**	**В том числе в возрасте, лет**		
		до 30 лет	30-49	старше 50
2002	6 339	1 264	3 567	1 508
2004	5 663	1 161	3 119	1 383
2006	5 673	1 126	2 918	1 629
2008	5 445	1 030	2 736	1 679
2010	5 410	1 174	2 534	1 702
2012	5 123	984	2 261	1 878
2013	4 880	961	2 093	1 827

Источник: Труд и занятость в России. 2003 С. 78-79; Труд и занятость в России. 2004 С. 78-79; Труд и занятость в России. 2006 С. 81-82; Труд и занятость в России. 2008 С. 79-80; Труд и занятость в России. 2011 С. 77-78; Труд и занятость в России. 2013 С. 92-93. Экономическая активность населения России. 2014. С. 30.
Source: Labor and employment in Russia. 2003 P. 78-79; Labor and employment in Russia. 2004 P. 78-79; Labor and employment in Russia. 2006 P. 81-82; Labor and employment in Russia. 2008 P. 79-80; Labor and employment in Russia. 2011 P. 77-78; Labor and employment in Russia. 2013 P. 92-93. Economic activity of population. 2014. P. 30.

В сельском хозяйстве около половины работников старшего возраста имеют начальное профессиональное образование во всех возрастных категориях: (50-54 года - 37,8%; 55-59 лет - 43,8%; 60-64 - 42,6%; 65 и старше - 48,0%). Каждый пятый возрастной сотрудник от 50 до 59 лет имеет среднее общее образование. Лишь 15% работников старше 60 лет имеют среднее общее образование. Среднее профессиональ-

ное образование получили около трети работников в возрасте 60-64 года. Около 20% 55-59-летних респондентов имеют диплом техникума.

Представители старшего поколения, имеющие высшее и неполное высшее образование (5-6% во всех возрастных группах), гораздо хуже переносят утрату прежнего социального статуса, чем их менее компетентные сверстники. Оставшись без работы, пожилой образованный человек теряет свой авторитет в семье и социуме.

Большая часть опрошенных респондентов предпенсионного возраста (58,2%) работают в сельском хозяйстве не по специальности. Не получали специальной профессиональной подготовки для нынешней работы примерно одинаковое количество респондентов во всех возрастных категориях (70-75%). Они считают, что для нынешней работы образования их уровня вполне достаточно. Однако для выполнения более сложной, ответственной работы имеющихся навыков недостаточно. Так считают 53% работников предпенсионного возраста и 64% пенсионеров.

От начала аграрной реформы 1991-1992 гг. до 2005 г. еще имела место практика сохранения трудовых коллективов, даже вопреки экономической целесообразности. То есть члены местных сообществ числились в штате хозяйственной организации (крупхоза, по терминологии социологов), хотя нередко и без оплаты. Однако с 2005 г. произошел своеобразный перелом: численность занятых сократилась на 27%; к 2009 г. число зарегистрированных безработных увеличилось в 8 раз. Около полумиллиона сельских безработных отчаялись найти хоть какую-нибудь работу и перешли в когорту экономически неактивного населения *[15, с. 212]*.

При этом, хотя производство сельскохозяйственной продукции и выросло в 3,4 раза, но цена социальных потерь несоизмерима с этим показателем. На первый взгляд кажется, что свою внешнюю функцию деревня все-таки выполняет, несмотря на отчужденность значительной части ее жителей от общественно организованного сельского хозяйства. Однако (и кризис, переживаемый Россией в наши дни, это показал), что не существует органической связи между потребностью всего населения в продукции в определенном ассортименте и тем, на какие виды их производства сориентированы крупхозы.

Слабой и очень неравномерной является оснащенность производителей сельскохозяйственной техникой. Хотя АПК в этом отношении не является исключением из общей картины страны. По сравнению с 1990 г. доля пятого уклада во всей экономике страны уменьшилась с 6 до 1 %, четвертого - с 51 до 47 %, то есть составляет почти половину, а доля реликтовых укладов, базирующихся на энергетике человека и животных, выросла с 6 до 12 % *[16]*.

Новым явлением в процессе индустриализации сельского хозяйства стало распространение агрохолдингов. Агрохолдинги - это интегрированные корпорации, действующие на рынке продовольствия. Цель их создания - стремление к усилению рыночной власти, получение технологических выгод от объединения, снижения риска, ослабление административного давления властных структур, формирование полного цикла «производство - переработка - продажа» *[17, с. 18, 19]*.

Среди многих достоинств таких интегрированных формирований называются: возможность приобретать и эффективно использовать высокопроизводительные машины и оборудование и меньшая их потребность в расчете на 1 000 га пашни; привлекательность для инвесторов; создание возможностей для научно-технического прогресса в хозяйствах; оптимизация по размеру производственных и обслуживающих подразделений. Считается также, что обеспечивается привлекательность работы квалифицированных руководителей, специалистов и рабочих, так как здесь более высокая зарплата и лучшие условия труда *[17, с. 21]*. Однако реальность более противоречива. Если у самостоятельных (не вошедших в холдинг) хозяйственных организаций и фермеров еще сохраняются некоторые черты солидарного взаимодействия с членами местных сообществ, схожие с социальной ответственностью, присущей советским кол-

хозам, которая на фоне безразличия к социальным вопросам руководителей современных коллективных хозяйств представляется высокой, то в агрохолдингах обмен ресурсами осуществляется исключительно по нормам рыночной эквивалентности *[18, с. 214]*. Менеджмент агрохолдингов игнорирует социальные потребности населения мест базирования своих низовых подразделений, по крайней мере до того предела, когда местные квалифицированные кадры оказываются исчерпаны. В дальнейшем они вынуждены будут идти на привлечение нужных специалистов со стороны, давая им более высокую зарплату и оплачивая жилье.

Стратегия агрохолдингов - создавать мегафермы вообще в тех местах, где нет сельских поселений. Нельзя исключать среди мотивов этого - стремление уйти от социальной ответственности за сельское население, и такая позиция станет неуязвимой с правовых и моральных точек зрения.

Как сами работники, получившие место занятости на предприятиях агрохолдинга, так и члены их семей живут в постоянном психологическом напряжении по поводу потери рабочего места. Как отмечает О.П. Фадеева, после 40-летнего возраста люди уже не выдерживают ритм работы на мегафермах *[18, с. 214]*. Российские практики подтверждают справедливость утверждений об эффективности технологической стороны функционирования агрохолдингов, однако о человекосоразмерности отношений в них говорить рано. Тотальная концентрация аграрного производства, корпоративный бюрократизм и дисциплина, присущая конкурентной индустрии, ставят на селе под вопрос смысл личных инициатив, достижение индивидом высоких показателей в труде, солидарности и сплоченности.

В странах Запада этот перекос уравновешивается институтом фермерства, который активно поддерживается государством, ориентирующимся не только на экономическую, но в не меньшей степени на социальную составляющую. Причем не только через институт фермерства, но по модели «Малое прекрасно» *[19]*.

Если рассмотреть большую глубину ретроспективы, то можно обнаружить, что произошел возврат к некоторым устоям частного существования крестьянского двора, характерного для XIX и начала XX в. Это в первую очередь относится к наиболее активной части сельских сообществ («креативному классу»), которые, оказавшись вне общественных форм организации труда, стали выживать за счет достаточно крупного семейного хозяйства, сделали его товарным, поскольку производят больше, чем требуется для собственного потребления. Официальными фермерами они не хотят становиться, чтобы избежать воздействий государства, которые сопровождают институт фермерства, хотя и им приходится нести определенное налоговое бремя. При этом реанимируются не только типичные крестьянские виды труда: полеводство, огородничество и животноводство, но и редкие, такие как пчеловодство, промыслы, извоз и др., которые по экономической эффективности нередко превосходят традиционное хозяйствование на земле и на ферме. Хотя техническое оснащение труда меняется, но вряд ли такая автономная семья, ее глава, включая пожилых членов, вышли из модели «надежды на себя, на свои силы, здоровье».

Жизнестойкость пожилых сельских жителей

Особое влияние на жизнедеятельность пожилых людей оказывает поселенческая структура села, которая включает села крупные, средние, мелкие и мельчайшие (в том числе и без населения). Новосибирские социологи под руководством Т.И. Заславской, применяя системный подход к изучению деревни, оценивали их потенциал с позиции урбанизированности, справедливо полагая, что степень насыщения элементами, присущими городской сфере, свидетельствует о развитости поселения, способности его производственных и социальных структур выполнять внешние и внутренние функции *[20]*. Прошедшее время после данного аналитического опыта, особенно последние 25 лет (годы реализации аграрной реформы), изменили поселенческую ре-

альность коренным образом, и сегодня села стали различаться не уровнем урбанизации, а по элементарному показателю - наличию или отсутствию работодателя.

По существу, сельские поселения именно по указанному признаку разделились на относительно медленно и ускоренно исчезающие с территории сельской России. Современные крупхозы базируются в селах, бывших центральных усадьбах колхозов, где еще остались и могут быть использованы производственные здания и другие сооружения. Жизнь в селах без работодателя обрекает их обитателей кормиться со своего огорода, стать трудовыми отходниками либо переехать в другие места (последнее трудно осуществить, поскольку откладывать, копить нужные финансовые ресурсы здесь весьма сложно). Определенная часть сельских жителей активного трудового возраста работает в областных центрах и производствах, находящихся за его пределами, но тоже удаленных от места жительства, становятся отходниками *[21, с. 30-37]*. Так, поголовное описание занятости сельских жителей трех муниципальных районов Татарстана выявило следующую картину: в крупхозах 26 населенных пунктов занято от 1 до 16 % трудоспособных, в 16 - от 17 до 30 %, в 8 - от 30 до 42 %. Одновременно в формате трудового отходничества в 9 селах участвуют от 3 до 10 % (в основном мужчин молодых возрастов), в 10 - от 10 до 20 %, в 22 - от 20 до 45 %. А в 11 селах отходниками являются от 45 до 90 % трудоспособных жителей *[22]*. Понятно, что вся работа на подворье ложится дополнительным трудом на членов семьи, остающихся в селах, в том числе на старшую возрастную группу.

Согласно данным государственной статистики, в 90,1 тыс. поселений людностью от 1 до 500 человек живет около 10 млн человек; от 501 до 1 000 чел. - 15 млн *[23]*. Большинство из них существует без работодателя. Не находятся они и в центре внимания местных органов власти по обеспечению хотя бы минимума социальных благ. Только в поселениях, где живет от 1 001 человека и выше, согласно нормативам, которыми руководствуются региональные власти, должны быть дошкольные учреждения, школа, храм, участковый инспектор.

Начиная с поселений численностью от 501 до 1 000 жителей положено меньше благ: лишь клуб, библиотека, центр бытовых услуг, водопровод, баня. Что касается деревень численностью от 1 до 500 жителей (более 90 тыс. поселений), то перечень социальных благ ограничивается дорогой, центром оказания бытовых услуг и кладбищем. Между тем в них живет 10 млн человек, которым институционально отказано в социальных благах, доступных жителям других типов поселений. Сложившаяся сельскохозяйственная структура во многом определяет и невысокую занятость жителей сельскохозяйственным трудом в его общественно организованных формах во всех типах поселения.

Обратимся к проблеме сохранения здоровья старшей возрастной группы села. В целом за последние четыре года самооценка состояния здоровья выросла. В 2011 г. во всех возрастных категориях было значительно больше респондентов, оценивающих свое самочувствие как плохое. В 2014 г. их количество резко уменьшилось до показателей, вселяющих оптимизм. Выросло число сотрудников АПК, которые положительно отзываются об общем самочувствии. Большая часть опрошенных представителей старшего возраста оценивают свое здоровье как удовлетворительное и указывают на отсутствие каких-либо серьезных хронических болезней. С увеличением возраста происходит уменьшение количества работников, которые положительно отзываются о своем самочувствии. Здоровье как «хорошее» и «очень хорошее», позволяющее активно трудиться оценили 29,5% трудящихся в возрасте 50-54 лет. Около 8% работников в возрастной категории 65 лет и старше заявили о хорошем общем состоянии (Табл. 4). В 2011 г. указали на наличие болезни 33,2% респондентов предпенсионного возраста, в 2014 г. их число уменьшилось до 21,5%. Количество хронически болеющих работников старше 65 лет сократилось с 53,9% в 2011 г. до 48% в 2014 г.

Таблица 4 Самооценка состояния здоровья
Table 4 Self-assessment of health status

Возраст	**50-54 года**		**55-59 лет**		**60-64 года**		**65 и более лет**	
Год	2011	2014	2011	2014	2011	2014	2011	2014
Очень хорошее	0,6	2,1	0,5	0,3	0,2	1,5	0,0	0,0
Хорошее	17,3	27,4	11,5	22,2	7,8	11,8	1,9	8,0
Удовлетворительное	71,4	65,5	75,4	71,4	76,0	75,0	60,6	84,0
Плохое	9,7	4,5	11,6	6,1	15,5	11,8	34,0	4,0
Очень плохое	0,8	0,5	1,0	0,0	0,5	0,0	3,5	4,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Комплексное наблюдение условий жизни населения. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html
Source: Comprehensive observation of the living conditions of the population. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать вывод о возросшей самооценке состояния здоровья всех возрастных категорий работников старшего поколения, занятых в сельскохозяйственной сфере. Но это вряд ли связано с улучшением медицинского обслуживания сельских жителей.

В последние годы рационализация жизненной среды министерства и ведомства, ответственных за благополучие сельского населения, велась под девизом оптимизации. Смысл ее сводится к повышению качества обслуживания или потребления социальных благ. Действительно, в специализированной больнице больше специалистов и современного оборудования, чем в фельдшерско-акушерском пункте поселения. То же самое можно сказать о школьном образовании: нельзя признать оптимальным ведение единственным учителем урока с 1 по 4 класс в одном классе и в одно время (учебном часе). Однако оптимизация натолкнулась на ряд объективных препятствий, связанных с увеличением расстояния до мест обслуживания, плохими дорогами и отсутствием транспорта. Так, средний радиус доступности сельской школы увеличился с 12,6 км в 1990 г. до 17,3 км в 2014 г., больницы - с 36,9 км до 83,4 км, амбулатории - с 28,8 км до 49,9 км, клуба - с 11,1 км до 14,3 км. Детские дошкольные учреждения посещают 44,9% детей (в городах - 72,1%), количество сельских больниц уменьшилось на 25% *[24, с. 77]*. Но это отнюдь не результат улучшения здравоохранения на селе, где в последние 10-15 лет были сетки фельдшерско-акушерских пунктов, доступ к узким специалистам стал менее доступным. Население недовольно доступностью и, это главное, удобством оказания медицинской помощи *[25]*.

Относительно высокие оценки состояния здоровья сельскими жителями, которые относятся к последнему десятилетию XX и началу XXI в., на наш взгляд, связаны с изменением трудовых нагрузок в эти годы. Повышение оценок здоровья объясняется другими причинами. Современным пожилым на момент начала аграрной реформы было 35-45 лет. Большинство из них лишились привычных рабочих мест, которые предоставлял колхоз. Хотя выживать стало сложнее, поскольку больше пришлось заниматься на приусадебном участке, но трудовая нагрузка стала более ритмичной и даже легкой. Ведь в колхозной реальности, кроме штатной работы в течение дня в полеводстве или животноводстве, приходилось выполнять неотложный перечень действий в своем ЛПХ (вести прополку огорода, убирать навоз, задавать корм и поить животных). К тому же труд в сельскохозяйственном производстве коллективного хозяйства был весьма напряженным и в животноводстве опасным для здоровья.

Даже при наличии машинного доения 65% доярок вручную раздавали корма (неся перед собой огромную корзину до 16 кг с силосом). Такой труд (с небольшими перерывами) длился по 14-16 часов ежесуточно. После 25-30 лет такого режима работы практически у каждой доярки возникают как минимум три болезни - полиартрит, полиневрит и другие заболевания *[26, с. 182]*. Сказывались пребывание на сквозняках,

физические перегрузки, недосыпание, общее переутомление. Если пик трудовой нагрузки мужчин-механизаторов приходится на весенне-осеннее время (около двух месяцев), то у женщин-животноводов высокая нагрузка не прерывается круглый год. К тому же специфика гендерных ролей на селе такова, что на женщине лежат обязанности по сбору детей в школу, приготовление еды, стирка, уборка помещений и подворья. Другими словами, женщины села несли двойную нагрузку, вес которых был одинаково тяжел. «Мы наработались, и к тому же почти бесплатно» - вот типичное объяснение феномена «не хотим работать». То есть речь идет о труде в общественном, коллективном хозяйстве, а не вообще труде, совокупный перечень которого в семейном хозяйстве трудно сократить, хотя масштабы у разных типов семей будут различны.

За истекший 20-летний период жители села испробовали и переменили немало способов выживания: мужчины, имеющие специальности тракториста, бульдозериста, сварщика, побывали трудовыми отходниками, другие нашли себе работу в областных центрах на условиях маятниковых мигрантов, третьи сосредоточились на ЛПХ. Эти виды занятости менялись по мере их доступности, в том числе из-за физической усталости, а после перехода в пенсионный возраст оставалась лишь работа на подворье и эпизодические способы добывания ресурсов (сбор дикоросов, ремонт строений по найму), на чем сосредоточились в основном женщины. Сельчане, вынужденные стать отходниками, хотя и получают немного больше, чем работники массовых профессий в сельскохозяйственных организациях, но невольно разрушают смыслы укорененных, типичных норм сельского образа жизни. К тому же они исключены из субъектов сельской реальности и на официальном уровне. Местным муниципальным органам они видятся лишь как электорат в моменты «выборных кампаний» *[27]*. Товарные семейный хозяйства, дающие доход 2,6 млн крестьян, остаются за пределами глубокого осмысления того, как живут еще 6 млн человек, ведущих ЛПХ только для собственного потребления *[28, с. 5102-5109]*.

В этих условиях поддержка старшим поколением своих взрослых детей приобретает еще большую актуальность за счет своей пенсии, продуктов, выращенных на подворье. И это относится не только к детям, живущим в селе, но и ставшим горожанами, которые часто «подбрасывают» внуков во время каникул в деревню. Атмосфера любви и заботы, в которую погружены внуки, общаясь с бабушками и дедушками, в немалой степени компенсирует инфраструктурные издержки дошкольного воспитания.

Небольшая часть жителей вошла в старшую возрастную группу, оставаясь членами коллективно-долевых и фермерских хозяйств. За многие годы работы в качестве не только механизаторов, но и полипрофессионалов в аграрных технологиях они проявили добросовестность, преданность руководству. Ими дорожат, не настаивают на переходе «на заслуженный отдых». Схожая ситуация складывается и в отношении специалистов высокой квалификации: агрономов, инженеров, экономистов, трудовая востребованность и квалифицированных работников физического труда, и специалистов пролонгируется.

Несомненно, отмеченные предпосылки формирования пространства занятости в сельскохозяйственных предприятиях является благом прежде всего для пожилых сельчан, поскольку они имеют добавку к своей небольшой пенсии. С точки зрения близкой временной перспективы они надежно обеспечивают стойкость хозяйственной организации. Однако если рассматривать данную ситуацию с более отдаленной временной перспективы, она представляется далеко не радужной.

Положение старшего поколения, как специалистов, так и рядовых работников, в этих условиях весьма противоречиво. Отсутствие налаженной модели пополнения крупхозов специалистами повышает востребованность этой категории старших возрастов. Они охотно откликаются на предложение руководителей хозяйств оставаться неопределенное время на ими занимаемых должностях. В результате свободных мест для молодых выпускников аграрных вузов в момент их прибытия с намерением трудоустройства зачастую нет. Таким образом, выручают руководителя крупхоза, который смотрит на данную ситуацию не с долгосрочной перспективы, а с позиции краткосрочной, соответствующей предполагаемому времени пребывания в должности специали-

стов-пенсионеров. Схожая ситуация и с обновлением кадров квалифицированного физического труда.

Однако в этом нет ни «заговора», ни противостояния «отцов и детей». Ситуация складывается как следствие непреднамеренных действий многих акторов аграрно-сельской реальности, индивидуальных и коллективных. Начало ее кроется в разбалансированности производственной и социальной сфер в селе. Потребность в кадрах не актуализирована в сознании выпускников сельских школ и той части молодежи, которая не последовала логике общей тенденции уехать в город, а осталась в родном селе, в семьях своих родителей. Последние продолжают выполнять свою позицию поддержки повзрослевших детей, профессиональный статус которых вынужденно остается неопределенным длительное время.

Старшее поколение в целом не избаловано судьбой. Пенсия почти полностью уходит на оплату коммунальных платежей и приобретение продуктов питания. В этих условиях выходом из ситуации социальной неполноценности может быть пассивная адаптация, за счет ограничения своих потребностей до минимума, например перехода на самую невзыскательно приготовленную пищу, многократную перелицовку одежды, обуви.

Пенсия стариков вообще стала постоянным компонентом бюджета их детей, часто не имеющих живых денег в межсезонье, когда на огороде еще не созрел урожай, а животных забивать в целях продажи мяса нецелесообразно, так как после зимы скот не сразу набирает вес.

Жизнь в селах без работодателя является по существу каждодневным испытанием стойкости жителей, особенно старшей возрастной группы. Хозяйствование старшей возрастной группы на селе - это тот базис, который в немалой степени способствует сохранению устойчивости сельского социума в целом. Активный труд на собственном подворье и его плоды экономически, а главное, социально уравнивают сельского пенсионера с остальными односельчанами. Данное обстоятельство мотивирует пожилых селян работать, несмотря на неважное здоровье. Сельские пенсионеры, как правило, больше отдают, чем получают взамен, но больше ответных материальных благ для пожилых людей значат теплота близких людей, их забота и участие.

Особо следует отметить масштаб созидательного потенциала пожилых женщин села. Женщины старшего пенсионного возраста более экономны, умеют вести свое простое хозяйство и даже продавать произведенные в нем продукты. Общительность, долгие беседы с соседями, детьми и внуками имеет для них информативное, терапевтическое значение, позволяет выплеснуть негативные эмоции, примирить свое умонастроение с различными раздражающими событиями. Они учатся сами и помогают другим преодолевать социальную изоляцию, одиночество и отстраненность.

Контрольная и коммуникативная функции, осуществляемые пожилыми женщинами, также носят специфический характер. Во-первых, их отличает мягкий, глубоко личностный характер. Трансляция норм общения, обычаев, нравов, этикета, манер поведения осуществляется с позиции высоты и органичности их смысла, хотя многие принципиальные формулы могут оказаться устаревшими, не соответствующими современным реалиям. Во-вторых, это самый главный эффект преодоления отстраненности и социальной изоляции, - женщины, общаясь с детьми, сами вольно или невольно постигают инновационный, культурный, информационный багаж, которого у них нет. В-третьих, общение с внуками, которые порой в большей степени, чем их родители, доверяют опыту бабушек, является пространством проявления активной жизненной позиции, дает возможность чувствовать себя полезным членом семьи и общности. Это своего рода компенсация профессиональной деятельности, ушедшей в прошлое.

Созидательная роль старшего поколения проявляется в укреплении стойкости сельских сообществ. Личный опыт преодоления трудностей на своем жизненном пути, умение обходиться скромным набором жизненных благ, отсутствие уныния при наступлении ситуаций испытания воли - все это своеобразная опора и для младшего поколения.

Несмотря на факторы обособления одних людей, имеющих рабочее место, от других, лишенных этого в силу укорененных новых норм хозяйствования и экономики, разъединяющих людей, чувства солидарности и доверия не исчезли.

«С соседями я живу очень хорошо. Если попрошу чего, они делают. Как-то мы копали картошку, и соседка свою рыла. Вырыла и бежит к нам. Я говорю - Нюра, хватит. А она - ты меня не гони, я пришла помогать. Я с соседями не ругаюсь, разве можно, сосед такой же селянин. Я разок заболела, пошла к соседке: - Нюра, ты утром толкани дверь, а то может, помру ночью.

Я затворять не стала, утром она пришла.

- Ну, как ты?» (Сизова. Тамбовская область, Рыбное) *[29, с. 36-48]*.

Особенно это характерно для жителей малых и средних сел, в которых сосредоточены в основном люди пожилого и преклонного возраста. «Проснувшись утром, выходим посмотреть, идет ли дым из трубы каждого дома. Нет дыма, идем туда, не случилось ли несчастье» (пенсионер малой деревни, 76 лет). Распространены соседское общение, помощь друг другу в бытовых нуждах.

Когда против России были введены экономические санкции и заговорили о возможном росте цен на опривыченный ассортимент продуктов питания, сельские пенсионеры оценили свое будущее вовсе не в катастрофической тональности: «Не беда, перейдем на картошку и капусту, как в годы войны, и выживем, не пропадем». Схожей оказалось осмысление ситуации при закрытии медицинских пунктов: смысл действий теперь оказался направлен на самолечение, обращение к народным целителям, более осмотрительное отношение к своему телу.

Информационная компетентность пожилых поддерживается использованием электронных средств. В повседневную жизнь селян входит Интернет, посредством которого поддерживается общение с близкими людьми, живущими за пределами сел.

Таблица 5 Распределение населения, являющегося активным пользователем сети Интернет (октябрь 2013 г.)

Table 5 The distribution of the population that is an active Internet user (October 2013)

	Население в возрасте 15-72 лет, всего	**Из них в возрасте (лет)**		
		50-54	55-59	60-72
всего	100	7,9	5,5	4,2
мужчины	100	7,2	4,9	3,8
женщины	100	8,6	6,0	4,6
город	100	8,0	5,6	4,4
мужчины	100	7,3	5,0	3,9
женщины	100	8,7	6,1	4,8
село	100	7,3	5,0	3,4
мужчины	100	6,7	4,7	3,0
женщины	100	7,9	5,2	3,7

Источник: По данным выборочного обследования населения по вопросам использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/

Source: Sample survey of the population on the use of information technology and information and telecommunications networks. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/

Действие ради других является исключительным достоянием сельской реальности, которое формируется в сельской семье из поколения в поколение в основном из-за образа жизни, предполагающего соприсутствие, соучастие, в заступнически-освобождающей родных и близких заботливости. Заступничество как понимание неадекватности между необходимым действием и потенциалом акторов находит очень широкое поле реализации. Замужняя дочь берет на себя ряд забот матери-пенсионерки, живущей в одном с ней или даже в другом отдаленном селе, по заготовке кормов, уборке огорода, сада. Престарелая мать, в свою очередь, нянчится с внуками, зачастую заменяет функцию детского сада, учреждения, ставшего редкостью в селах начала XXI в.

Усилились оценки своего бытия через соотношение его с нормами религий. Люди по-разному приходят к верованию в Бога. Одни после глубокого изучения Библии и Евангелия, другие вследствие своего опыта, третьи, соединяя знания Священного писания и личного опыта (в котором парадоксально, но чаще всего в пользу человека сложились некие жизненные обстоятельства, не поддающиеся объяснению с точки зрения здравого смысла). По данным всероссийского опроса 56 900 респондентов в 79 субъектах РФ, проведенного Фондом «Общественное мнение» по заказу службы «Среда», 60,8% граждан страны верят в Бога, 68,5% исповедуют православие, 5,5% - исламу, 7,1% верят в высшую силу, но к какой-либо конфессии не принадлежат и 11,3% назвали себя атеистами. Больше всего верующих в возрастных группах старше 60 лет (41%) *[30].*

Согласно данным этого же исследования, лишь 8% православных читают Евангелие и 28% соблюдают обычаи и обряды. Эти показатели, если выделить отдельно сельских жителей, могут оказаться еще ниже, поскольку в селах очень мало храмов и люди порой за всю свою жизнь не слышат слова священника, призывающего их к ответственному отношению к канонам христианства. Отсутствие опыта изучения источников священного писания в какой-то степени компенсируется в межличностном общении, в котором темы жизни и смерти всплывают в дни крещения, священных праздников, поминовении усопших. На наш взгляд, в религиозных практиках старших сельских возрастных групп (особенно женщин) своеобразно сложилось сочетание норм народной нравственности и Заповедей Закона Божьего. Первые основываются на вторых, что отражается постоянно в речевых оборотах, которые соответственно жизненным ситуациям что-то одобряют, поддерживают, осуждают.

«"Без Бога не до порога, с Богом хоть за три моря", - всегда говорю, провожая внука на школьный автобус» (пожилая женщина, Саратовская область). Таким образом, христианская духовность (как и других конфессий) присутствует в сельских сообществах, и главные ее носители - старшая возрастная группа.

Сознавая себя смертными, большинство из них не может исключить из своего сознания вопросы о том, когда это произойдет и с чем они встретятся после смерти. Обращаясь к науке, они обнаруживают, что в ней нет однозначного ответа на последний самый главный вопрос. К тому же многие ученые, изучающие материю, сами допускают возможность существования иного мира и верят в Бога. Не вносят ясности и многочисленные прорицатели, которым телевидение предоставляет эфир. Поэтому значительная доля жителей русских сел обращается к духовным ценностям православной культуры, в которой на мистическом уровне даны ответы на интересующие их вопросы. Это не означает, что они непротиворечиво принимают весь смысловой строй веры, присущей воцерковленным христианам. Размышления, в которых воплощены помимо христианских норм мистические и материалистические моменты, а нередко и суеверия, остаются, влияя вместе с тем и на поведенческие характеристики в повседневной жизни. Однако нельзя не признать, что народная нравственность, основанная на православии, дает определенные позитивные результаты в сохранении и воспроизводстве поколений. Об этом свидетельствует практика выполнения «сыновьего долга».

Речь идет об отказе детей от хорошей перспективы жизнеустройства в городе в пользу села, где живут постаревшие родители.

В завершение статьи обратим внимание на последствия, которые могут произойти на селе при повышении пенсионного возраста. В настоящее время при выходе на пенсию в 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин им выплачивается социальная пенсия с 8 562 руб. [31]. Принятый закон «О ветеранах» дает значительные льготы части старшей возрастной группы по оплате коммунальных платежей.

В последнее время в обществе обсуждается вопрос повышения пенсионного возраста. Чиновники властных структур доказывают, что без этой меры невозможно сбалансировать текущий бюджет. На наш взгляд, жесткой необходимости в повышении пенсионного возраста пока нет, ведь каких-либо ограничений по продолжительности трудовой деятельности не существует. Государство стимулирует граждан добровольно выходить на пенсию в более поздние сроки путем принятия дополнительных нормативно-правовых документов. Согласно принятому Федеральному закону «О страховых пенсиях», гражданам, которые будут выходить на пенсию позже возраста, установленного законодательством, гарантирована прибавка к пенсии пропорционально времени, в течение которого они не находились на пенсии.

При увеличении пенсионного возраста государство может столкнуться с проблемами роста числа безработицы, а также увеличением домохозяйств с величиной доходов ниже прожиточного минимума. В сельских территориях эта проблема может приобрести еще большую остроту. Поскольку в связи с научно-техническим прогрессом в АПК потребность в рабочих руках не увеличивается, а уменьшается, то в силу этого сельское население в перспективе не сможет рассчитывать на расширение рабочих мест. Для тех, кто сегодня не у дел, время ожидания пенсии по старости затянется на несколько лет. Трудно было бы квалифицировать данную ситуацию иначе, как отступлением от норм жизнеустройства, присущих социальному государству. Значит, существенно придется повысить расходы на социальные программы (по выплате пособий, субсидий, социальной помощи и т.д.).

Необходимо разработать нормативно-правовые акты, направленные на социальную защищенность категорий населения, которые испытывают определенные трудности на рынке труда, например принять законопроект, предусматривающий запрет на сокращение и увольнение работников, до выхода на пенсию которым остается 4-5 лет. В интересах национальной экономики сотрудников, обладающих знаниями, умениями, навыками, необходимо оставлять на своих рабочих местах.

Учитывая специфику территорий, требуется четкая дифференциация управленческих ресурсов для поддержания созидательного потенциала старшей возрастной группы села. На *государственном уровне* необходимо: создание правовой базы обеспечения равных возможностей в сфере занятости; введение системы дополнительного стимулирования работодателей для поддержки трудовой инициативы граждан старшего возраста; координация деятельности федеральных, региональных и местных органов власти в разработке и реализации мер по обеспечению занятости граждан старшего возраста.

На *уровне региона* важно: обеспечение достойного уровня жизни старших возрастных когорт; проведение мероприятий, способствующих занятости по месту жительства представителей старших возрастных групп; оказание информационной поддержки по вопросам улучшения правового, экономического, социального статуса; организация системы повышения квалификации и переобучения представителей старшего возраста.

На *уровне предприятия* необходимо: создание достойных условий, обеспечивающих развитие личности в сфере трудовых отношений; обеспечение комфортных условий труда и достойной заработной платы; использование опыта старшего поколения в институте наставничества; адаптация рабочих мест и условий труда к потребностям работников старшего возраста [32, с. 18].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. The end of world population growth // Nature. - 2001. - № 412 (6846).
2. Gavrilova N., Gavrilov L. Rapidly Aging Populations: Russia/Eastern Europe // P. Uhlenberg (ed.), International Handbook of Population Aging, Springer, 2009.
3. Демографический ежегодник России. - М., 2013. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm
4. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/
5. Писарев А.В. Образ пожилых в современной России // Социологические ния. - 2014. - № 4.
6. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория реальность. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. - М., 1995.
8. Луков В.А. Тезаурус и возраст. - М., 2007.
9. Кон И.С. Социологическая психология. - М., 1999.
10. Юнг К.Г. Человек и его символы. - М.: Серебряные нити, 2006.
11. Эриксон Э. Детство и общество. - СПб., 1996.
12. Козлова Т.З. Самооценка пенсионеров // Социологические исследования. - 2003. - № 4.
13. Труд и занятость в России. - М., 2013.
14. Труд и занятость в России. - М., 2015.
15. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России. - Новосибирск, 2015.
16. Захаров А.Н. О перспективах развития российского АПК [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.isras.ru/files/file/socis/2006-07//zaxopov.pdf.
17. Эмануэль И.В. Роль вертикально-интегрированных структур в обеспечении продовольственной безопасности России. - Саратов: ИАгП РАН, 2011.
18. Яркий нарратив (высказывание менеджера агрохолдинга) по данному «сюжету» приводит О.П. Фадеева: «Если взять в среднем … данные по предприятиям в Воронежской области, то получается (нагрузка. - П.В., Е.В.) 1 500 человек на 75 000 га пашни. Выходит 20 работников на 1 000 га. … А бывает мы берем себе маленький колхоз, где пашня 2000 га, а там заняты 100 человек - получается 50 работников на 1 000 га. … Но просто взять и напополам сократить мы не можем. Это делается постепенно - в лучшем случае в течение года» (Фадеева О.П. «Дело было в Пенькове»: как агрохолдинги завоевывают сельские районы Сибири // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки. - 2015.- Вып. 10).
19. Шумахер Э.В. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Пер. с англ. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
20. Методология и методика системного изучения советской деревни: Монография / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. - Новосибирск: Наука, 1980.
21. Великий П.П., Бочарова Е.В. Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. - 2014. - Т. 14. - № 1.
22. Архив Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН Республики Татарстан.
23. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.gks.ru.
24. Бондаренко Л.Б. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. - 2016. - № 3.
25. Рошаль Л. Сокращать врачей больше нельзя // Аргументы и факты. - 2017. - № 9.
26. Росляков И.М. Женский труд и занятость на селе // Женщины села: проблема адаптации к историческим условиям России. - Оренбург, 2002.
27. Отходники: Монография / Плюснин Ю.М. и др. - М.: Новый хронограф, 2013.
28. Калугина З.И. Сельская занятость в период «турбулентных» реформ // Социология и общество: Глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. - Уфа, 2012.

29. Виноградский В.Г. «Орудия слабых», неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. - 1999. - № 3-4.
30. Официальный сайт службы «Среда»: http://sreda.org (дата обращения 20.02.2017).
31. Каков максимальный и минимальный размер пенсии в России? [Электронный сурс} - http://sovetnik.consultant.ru/pensiya/kakov_minimalnyj_i_maksimalnyj_razmer_pensii_po_starosti_v_rossii/
32. Бочарова Е.В. Условия поддержания социального потенциала работников старшего возраста в сельской местности // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2014. - № 3.

REFERENCES

1. Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. The end of world population growth // Nature. 2001. № 412 (6846).
2. Gavrilova N., Gavrilov L. Rapidly Aging Populations: Russia/Eastern Europe // P. Uhlenberg (ed.), International Handbook of Population Aging, Springer, 2009.
3. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. [Demographic Yearbook of Russia]. M., 2013. = Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm (accessed 7 February 2016).
4. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/ (accessed 7 February 2016).
5. Pisarev A.V. Obraz pozhilykh v sovremennoy Rossii. [The image of the elderly in modern Russia]. Sotsiologicheskie issledovaniya. = Sociological research. 2014. No. 4.
6. Shkaratan O.I. Sotsiologiya neravenstva. Teoriya real'nost'. [Sociology of Inequality. Theory of reality]. M.: Vysshaya shkola ekonomiki. = M.: Higher School of Economics. 2012.
7. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. [Social construction of reality]. M., 1995.
8. Lukov V.A. Tezaurus i vozrast. [Thesaurus and age]. M., 2007.
9. Kon I.S. Sotsiologicheskaya psikhologiya. [Sociological Psychology]. M., 1999.
10. Yung K.G. Chelovek i ego simvoly. [Sociological Psychology]. M.: Serebryanye niti. M.: Silver threads. 2006.
11. Erikson E. Detstvo i obshchestvo. [Childhood and Society]. SPb., 1996.
12. Kozlova T.Z. Samootsenka pensionerov. [Self-assessment of pensioners]. Sotsiologicheskie issledovaniya. = Sociological research. 2003. No. 4.
13. Trud i zanyatost' v Rossii. [Labor and Employment in Russia]. M., 2013.
14. Trud i zanyatost' v Rossii. [Labor and Employment in Russia]. M., 2015.
15. Kalugina Z.I. Rynochnaya transformatsiya agrarnogo sektora Rossii. [Market transformation of the agrarian sector of Russia]. Novosibirsk, 2015.
16. Zakharov A.N. O perspektivakh razvitiya rossiyskogo APK. [On the prospects for the development of the Russian agro-industrial complex]. Available at: http://www.isras.ru/files/file/socis/2006-07//zaxopov.pdf. (accessed 14 February 2016)
17. Emanuel' I.V. Rol' vertikal'no-integrirovannykh struktur v obespechenii prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii [The role of vertically integrated structures in ensuring Russia's food security]. = Saratov: IAGP RAS. 2011.
18. Яркий нарратив (высказывание менеджера агрохолдинга) по данному «сюжету» приводит О.П. Фадеева: «Если взять в среднем … данные по предприятиям в Воронежской области, то получается (нагрузка. - П.В., Е.В.) 1 500 человек на 75 000 га пашни. Выходит 20 работников на 1 000 га. … А бывает мы берем себе маленький колхоз, где пашня 2 000 га, а там заняты 100 человек — получается 50 работников на 1000 га. … Но просто взять и напополам сократить мы не можем. Это делается постепенно — в лучшем случае в течение года» (Fadeeva O.P. «Delo bylo v Pen'kove»: kak agrokholdingi zavoevyvayut sel'skie rayony Sibiri. [«It was in Penkov»: how agroholdings win rural areas of Siberia]. Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost': uchenye zapiski. = Peasant studies: Theory. History. Modernity: scientists notes. 2015, V. 10.
19. Shumakher E.V. Maloe prekrasno. Ekonomika, v kotoroy lyudi imeyut znachenie. [Small is fine. The economy in which people matter]. = M.: Higher School of Economics. 2012.
20. Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoy derevni. [Methodology and methodology of systematic study of the Soviet village] = Novosibirsk, Science. 1980.
21. Velikiy P.P., Bocharova E.V. Dinamika formirovaniya mnogokanal'nosti istochnikov vyzhivaniya sel'skoy sem'i. [The dynamics of the formation of multi-channel sources of survival of a rural family] = Proceedings of the Saratov University. New episode. Series: sociology. Political science. 2014. V.14. No.1.
22. Arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo tsentra sem'i i demografii AN Respubliki Tatarstan. [Archive of the Research Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan].

23. Available at: http://www.gks.ru. (accessed 14 February 2016).
24. Bondarenko L.B. Razvitie sel'skikh territoriy Rossii: otsenki, mneniya, ozhidaniya. [Development of rural areas in Russia: assessments, opinions, expectations] Sotsiologicheskie issledovaniya. = Sociological research. 2016. No. 3.
25. Roshal' L. Sokrashchat' vrachey bol'she nel'zya [Reduce doctors is no longer possible]. Argumenty i fakty = Arguments and Facts. 2017. No. 9.
26. Roslyakov I.M. Zhenskiy trud i zanyatost' na sele [Female labor and rural employment]. Orenburg. 2002.
27. Plyusnin Yu.M. Otkhodniki. [Wreckers]. M.: Novyy khronograf. = M.: New chronograph. 2013.
28. Kalugina Z.I. Sel'skaya zanyatost' v period «turbulentnykh» reform [Rural employment in the period of "turbulent" reforms]. Materialy IV Ocherednogo Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa «Sotsiologiya i obshchestvo: Global'nye vyzovy i regional'noe razvitie». (Materials of the IV All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development"). Ufa. 2012.
29. Vinogradskiy V.G. «Orudiya slabykh», neformal'naya ekonomika krest'yanskikh domokhozyaystv. [«The tools of the weak, the informal economy of peasant households]. = Sociological journal. 1999. No. 3-4.
30. Available at: http://sreda.org ((accessed 20 February 2017).
31. Available at: http://sovetnik.consultant.ru/pensiya/kakov_minimalnyj_i_maksimalnyj_razmer_pensii_po_starosti_v_rossii/ (accessed 20 February 2017).
32. Bocharova E.V. Usloviya podderzhaniya sotsial'nogo potentsiala rabotnikov starshego vozrasta v sel'skoy mestnosti [Conditions for maintaining the social potential of older workers in rural areas]. Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya. = Regional agrosystems: economics and sociology. 2014. No. 3.

Информация об авторе:

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Лаборатория социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, ФГБУН «Институт аграрных проблем Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия
kirill1979may@mail.ru

Бочарова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Лаборатория социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, ФГБУН «Институт аграрных проблем Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия
kirill1979may@mail.ru

Получена: 07.02.2017

Для цитирования: Великий П.П., Бочарова Е. В., Созидательный потенциал старшей возрастной группы в сельском социуме. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author:

Velikiy Peter P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher,
Laboratory of Social Development of Agro-Industrial Complex and Rural Territories,
Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia
kirill1979may@mail.ru

Bocharova Elena V., Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher,
Laboratory of Social Development of Agro-Industrial Complex and Rural Territories,
Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia
kirill1979may@mail.ru

Received: 07.02.2017

For citation: Velikiy P.P., Bocharova E.V., Creative potential of the older age group in the rural society. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 316.4.066 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ВЕРЕЩАГИНА Анна Владимировна
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru

НЕЧИПУРЕНКО Виктор Николаевич
научный журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке»
г. Ростов-на-Дону, Россия
victornech@mail.ru

САМЫГИН Сергей Иванович
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
darya.maksimovich@gmail.com

Anna V. VERESCHAGINA
Institute of Sociology and Regional Studies Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru

Victor N. NECHIPURENKO
Scientific Journal «Context and Reflection: Philosophy of World and Man»
Rostov-on-Don, Russia
victornech@mail.ru

Sergey I. SAMYGIN
Rostov State Economic University (RINI)
Rostov-on-Don, Russia
darya.maksimovich@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ФУНКЦИИ И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением социальной памяти как социально созданного и общепринятого знания, относящегося к прошлому определенного сообщества. Анализируется содержание социальной памяти, его источники, соотношение индивидуальной и коллективной памяти, прошлого и настоящего, локального и универсального. Затрагивается взаимосвязь социальной памяти, культуры и культурной памяти, роль процесса инкультурации в сохранении социальной памяти, идентичности общества и индивидов. Основное внимание уделяется описанию основных функций и характерных особенностей социальной памяти, ее влиянию на социально конструируемые образы желаемого будущего, а также формирование патриотических установок. На примере современного российского общества авторы показывают алгоритм формирования и высокой динамики патриотизма, основой которого выступает обращение к глубинным пластам социальной памяти, и решения макросоциальных проблем, выступающих на современном этапе для российской власти приоритетными по сравнению с микросоциальными.

Ключевые слова: социальная память, культура, культурная память, функции социальной памяти, идентичность, коллективная память, историческая память, инкультурация, содержание социальной памяти, образ будущего, патриотизм.

PROBLEM OF SOCIAL MEMORY DEFINITION: CONCEPT, SOME BASIC CHARACTERISTICS, FUNCTIONS AND ROLE IN FORMATION OF PATRIOTISM

The article discusses some questions concerned the definition of social memory as a socially created and generally accepted knowledge related to the past of a particular community. The authors analyze the content of social memory, its sources, the ratio of individual and collective memory, past and present, local and universal ones. They also study the relationship of social memory, culture and cultural memory, the role of the process of inculturation in preserving social memory, as well as formation of social identity and individual one. The focus of the article is the description of main functions and characteristics of social memory, its influence on socially constructed images of the desired future, as well as the formation of patriotic attitudes of contemporary Russians. On the example of a modern Russian society the authors show the algorithm of formation and dynamics of high patriotism, the foundation of which stands an appeal to the deep layers of social memory, and address macro-problems, the speakers at the present stage to the Russian authorities priority over microsocial.

Keywords: social memory, culture, cultural memory, social memory, collective memory, individual memory, identity, historical memory, inculturation, content of social memory, image of future, patriotism.

Благодарность. *Статья выполнена в рамках реализации Госзадания (Министерство образования и науки РФ), проект № 28.3486.2017/ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации».*

Acknowledgement. *The paper is made within the framework of the State Assignment (Russian Ministry of Education and Science), the project № 28.3486.2017/PCh "Civic Patriotism in the Formation and Development of Solidaristic Practices in the South of Russia: Resource Potential and Conditions for its Implementation".*

Понятие памяти в культуре употребляется издавна, мы находим у греков и римлян философские представления о душе, связанные с ее воспоминанием и памятью. Однако идея социальной памяти, памяти общества, связанной с социальными процессами, появляется сравнительно недавно. Она возникает в контексте больших социальных перемен в европейском обществе в конце XIX - начале XX в. С этого времени па-

мять стала рассматриваться не только в индивидуальном аспекте, но и в коллективном. И даже утверждалось, что не может быть никакой другой памяти, кроме как социальной, ибо невозможно говорить об индивидуальной памяти, исключая ее из коллективного контекста, «свои воспоминания человек, как правило, приобретает, воссоздает в памяти, узнает и локализует именно в обществе» (М. Хальбвакс [4, с. 28]).

Социальная память о чем-то важном и давно прошедшем является важнейшей характеристикой человеческих сообществ. И хотя, конечно, мы не знаем, как она функционировала в древних первобытных общинах, однако имеющиеся в нашем распоряжении антропологические описания примитивных сообществ, которые в XVIII- XIX вв. существовали в разных регионах земного шара, свидетельствуют о важной роли социальной памяти. Тотемизм, мифология, осознание общности и своей особенности, территориальных границ своих охотничьих угодий, мест и троп, а также племенной генеалогии сохранялись в памяти различных сообществ из поколения в поколение.

Роль социальной памяти возросла в исторических письменных обществах. Появление письменности позволило более надежно сохранять информацию, которой угрожала человеческая забывчивость. Уже Геродот отмечает, что память - это что-то несовершенное, хрупкое и ненадежное. То, что в ней сохраняется, может испариться, исчезнуть, не оставив следа. Без памяти невозможно жить, она поднимает человека над животным миром, будучи свойством его души, и все же ненадежна и коварна. Человек не может полагаться на нее. Все это справедливо и в отношении социальной памяти. Человек, являющийся, по сути, рабом и жертвой хода времени, стремится каким-то образом почувствовать себя его господином и повелителем - желает стоять вне времени и совмещать в памяти различные его периоды, разделять их и переставлять.

Ф. Ницше указывал на историчность человека в отличие от «неисторической» жизни животного, которое «растворяется в настоящем, как целое число, не оставляя по себе никаких странных дробей, оно не умеет притворяться, ничего не скрывает и в каждый данный момент является вполне тем, что оно есть... Человек же, напротив, должен всячески упираться против громадной, все увеличивающейся тяжести прошлого; последняя или пригибает его вниз, или отклоняет его в сторону, она затрудняет его движение, как невидимая и темная ноша..» (Ф. Ницше, [3, с. 161]). Эта необычная по сравнению с другими животными видами особенность человека сохранять и вспоминать запомненные сведения является одним из важнейших секретов успеха эволюционирующего человечества. Стратегия выживания человечества заключается не только в передаче информации, содержащейся в генах, но и хранящейся в сознании и культуре.

Ницше высказал идеи, которые сегодня восприняты в теориях коллективной памяти. Они получили дальнейшее развитие после признания того, что субъективная перспектива индивида или всего сообщества (М. Хальбвакс [4]), а также источники, не являющиеся документами в историческом смысле (А. Варбург [13]), имеют такое же важное значение в формировании представлений о прошлом, как и архивные материалы. Популяризация после Второй мировой войны методов устной истории, которые предоставили памяти роль исторического источника, стала закреплением этих преобразований.

Интерес европейских мыслителей к социальной памяти, выраженный вначале у Ницше и в работах Гуго фон Гофмансталя, который в 1902 г. один из первых использовал этот термин, связан с классической книгой Мориса Хальбвакса, вышедшей в 1925 г. под названием «Les cadres sociaux de la mémoire» («Социальные рамки памяти»). «Ум реконструирует свои воспоминания под давлением общества» (М. Хальбвакс [4, с. 148]), - утверждает Хальбвакс и, конечно, имеет в виду не только индивидуальную память. Именно ему мы обязаны осознанием роли социальной памяти, первым весьма ценным размышлениям над ней.

Хальбвакс рассматривает социальную память как социологический феномен, ее следует отличать от индивидуальной и исторической памяти. Социальная память формируется на основе опыта социальных групп, в то время как историческая память обеспечивается текстуальной записью. Историческая память - это повествования о событиях прошлого, социальная же память относится к взаимодействию в группах и работает как эквивалент солидарности в дюркгеймовском смысле. Социальная па-

мять - это вид связи, которая рождается в группах и направляет их действия. Социальные связи могут быть кратковременными и спонтанными, а поскольку люди всегда перемещаются между различными группами, возникает множественность контекстов памяти.

В научной литературе используется несколько терминов: социальная память, коллективная память, историческая память и групповая память. Однако следует отметить, что с определением «социальная» может ассоциироваться не только коллективная память, но и память индивида, относящаяся к социальным контекстам и характеризуемая через социальные факторы, в то время как прилагательное «коллективная», или «групповая», может указывать на более конкретную интерпретацию памяти как некой формы коллективного существования. Однако в рамках этой статьи проводить тонкие дистинкции между этими терминами не представляется возможным, поэтому они будут использоваться как взаимозаменяемые. Тем более, что проблема сходства и различия между социальной памятью и исторической требует специального рассмотрения.

Социальная память - это социально созданное, трансформированное, в какой-то степени консолидированное и общепринятое знание, относящееся к прошлому определенного сообщества. Это знание включает в себя различное содержание, выполняет разные функции, принимает благодаря различным носителям социокультурные данные и воспринимается сознанием индивидов из различных источников. Относительное единство социальной памяти обеспечивается механизмами социальной жизни. Таким образом, формируется относительная однородность групповых представлений, относящихся к прошлому.

И хотя, конечно, социальная память - это в какой-то степени метафора, она отличается в своей сути от индивидуальной памяти, однако имеет с ней нечто общее в отношении к прошлому и попыткам его фиксации. Содержание социальной памяти, как правило, не актуализировано и не оказывает сильного влияния на повседневную жизнь членов определенного сообщества. Их переживания, связанные с социальной памятью, часто остаются в потенциальном, «спящем» состоянии. Но когда индивид активизирует в своем сознании содержание социальной памяти, тогда он выступает в качестве члена сообщества, к которому относится эта память.

Здесь следует спросить, к какому отдаленному прошлому можно отнести социальную память? Напрашивается ответ, что охватываемый памятью период должен, конечно, сильно варьироваться - ведь, например, социальная память евреев относится к несравненно более отдаленному прошлому, чем память американцев, населивших Новый Свет, так же, как и социальная память аристократической семьи восходит гораздо дальше и касается более отдаленных времен, чем память простой рабочей семьи. Если вести речь о памяти всей человеческой цивилизации, то память китайской цивилизации намного древнее европейской, а последняя - древнее арабской цивилизации.

Можно ли в этом контексте говорить о социальной памяти человечества? Многие мифологии локальных сообществ пытались приписать себе право описания предполагаемой генеалогии всего человечества. Сегодня мы считаем, что такая «память человечества» может быть реконструирована только археологами и палеантропологами, она может простираться на несколько миллионов лет назад и варьироваться в зависимости от того, с какого времени и места начался антропогенез *homo habilis*, *homo erectus* и *homo sapiens*. Во всяком случае, эта шкала памяти также важна для человека, и ее содержание стало или должно стать отправной точкой для определения того, что является настоящим, и как оценивать его - хотя бы в аспекте своего собственного отношения, необходимого для понимания меняющихся экзистенциальных условий и способов жизни.

Еще одним интересным вопросом является взаимосвязь памяти и воображения; она рассматривалась уже в древности, однако анализируется и в настоящее время. Неверно предположение, что память всегда выполняет чисто воспроизводительную функцию. А если это не так, то можно сделать вывод, что ее творческим дополнением

оказывается воображение. И коль скоро оно сопутствует памяти, то следует подумать о том, а не присутствует ли оно также в социальной памяти? И можно с уверенностью сказать, что его влияние на социальную память весьма значительное - мифы, эпосы, романы и фильмы являются плодом воображения, и сами, в свою очередь, стимулируют воображение аудитории. Конечно, воображаемое и воображение могут проявлять разную степень дозволенности и креативности - от точной реконструкции до полного вымысла и фикции.

Социальная память общества выполняет сразу несколько функций:

- передает знания о прошлом;

- передает культурную компетентность (в том числе коммуникативную компетенцию, то есть способы понимания некоторых символов);

- передает модели поведения, имеющие важное значение с точки зрения позиции группы;

- передает групповые ценности, рассматриваемые в качестве важных и, следовательно, достойных сохранения;

- передает информацию о реальной или предполагаемой (мифической или легендарной) истории (генезисе) и структуре группы;

- является фактором поддержания (воспроизводства) групповой идентичности;

- является фактором формирования отношений между соседними группами (в том числе между доминирующей группой и подчиненными группами);

- выражает какую-то идеологию (или социально-политические интересы);

- может быть способом легитимизации власти;

- является фактором проектирования будущего путем создания конкретной, относительно устойчивой траектории истории группы.

Эти функции обычно спонтанно реализуются в процессах общественной жизни, однако они также сознательно используются различными социальными силами, которые таким образом допускают инструментализацию социальной памяти (A. Sakson [11, с. 206]] и даже манипулируют ею. Это, наверное, ясно, что некоторые из этих функций могут стать дисфункциями - в отношении как сообщества, сохраняющего содержание своей социальной памяти, так и его соседей или доминирующей группы, а это влечет за собой разного рода негативные последствия.

Социальная память разнообразна в своих проявлениях и содержании относительно прошлого - как в локальном масштабе (например, прежняя роль города или региона в жизни страны), национальном (прежнее состояние народа и его отношения с соседями), так и в универсальном (прежние условия жизни по сравнению с современной ситуацией).

Возникшее в далекой древности «искусство памяти» входило в сферу риторики «в качестве техники, используя которую оратор мог бы усовершенствовать свою память и произносить наизусть пространные речи с неизменной аккуратностью» (Ф. Йейтс [2, с. 13]. Можно ли увидеть какие-то аналогии между искусством индивидуальной памяти и ее функциями и принципами функционирования социальной памяти? Можно ли, например, с помощью метафорической трактовки риторики делать некоторые социальные обобщения? Наверное, но только через признание того, что история каждого сообщества является своего рода исторической риторикой - «описанием» для современников и потомков. И вычленение содержательных компонентов социальной памяти в этой риторике может помочь исследователю.

Проявления конкретной социальной памяти, как и любые другие явления такого рода, можно, конечно, оценивать по-разному. В этих оценках следует учитывать такие критерии:

- продолжительность сохранения социальной памяти;

- степень достоверности и адекватности социальной памяти относительно памятных событий;

- степень интегрированности содержания социальной памяти, ее моно- или поливариантность;

- пространственный диапазон (или, скорее, социально-пространственный) социальной памяти, степень ее надлокальности (или неограниченность ее определенной местностью);

- степень, в которой данная группа активно реализует эту память;

- функциональность или дисфункциональность содержимого социальной памяти по отношению к ее носителям (а также к соседним или другим группам) (M. Golka [7, с. 18]).

Здесь можно задаться вопросом, эти ли критерии формируют в своей совокупности правильную конфигурацию, или может быть это не совсем правильная фигура? Кажется, что необходимо придерживаться второго подхода, поскольку каждый из этих критериев по отдельности, вероятно, не равнозначен в социальной оценке; кроме того, их вес зависит, наверное, от различных исторических обстоятельств, потребностей данной социальной памяти, позиции группы и т.д. Иногда важнее бывает длительность социальной памяти, в другом случае - степень ее верности, а в третьем - степень ее присутствия в сознании группы. Различна также степень важности исторических фактов или политических событий, и это различие зависит от многих факторов. Например, россиян больше волнует то, что происходит в России, и гораздо менее то, чем живет Европа.

Социальная память проявляется в социальных системах разной величины и характера, с различной степенью согласованности и дистанцированности и даже на расстоянии друг от друга: в семьях, племенах, городах, нациях и даже во всем человечестве. Короче говоря, объем сферы социальной памяти и, прежде всего, то, в какой степени она является именно социальной памятью, определяет диапазон ее содержания, принятого и разделяемого всем данным сообществом.

Как функции конкретного содержания социальной памяти, так и их оценки подвергаются далеко идущим преобразованиям. Это происходит потому, что по прошествии многих столетий и даже десятилетий изменяется интерпретация отдельных событий и ситуаций - так, как это произошло, например, с Международным женским днем 8 Марта, празднование которого потеряло свою революционную и феминистскую окрашенность.

Социальная память редко бывает универсальной памятью - это, как правило, «чья-то» память. Предположительно, даже в небольших обществах, помимо первичных элементов памяти, относящихся ко всему обществу, функционировала также отдельная индивидуальная память мужчин, женщин и детей. У современных народов память различных социальных классов, профессиональных групп, поколений, этносов и религиозных групп отличается набором основных компонентов. Однородная, универсальная память не представляется возможной, поскольку невозможно создать универсальную всеобщую историю. Всегда будут существовать разные точки зрения и разные трактовки, вытекающие именно из множественности памяти, накопленные в различных коллективах - «сообществах памяти». Подобно тому, как каждый человек имеет свою индивидуальную и уникальную память, так же вероятно, что каждое сообщество имеет свою особую и несравнимую с другими социальную память.

Прошлое, как содержание социальной памяти, является одним из наиболее сложных для измерения и определения компонентов, присутствующих в ней в настоящее время. Еще более сложной предстает оценка его влияния на будущее. Хорошо известно, что прошлое и настоящее пересекаются, накладываются друг на друга, взаимно обусловлены и т.д., но не известны ни механизмы, ни четкие последствия этих отношений. Предположим, то, что сохранилось из прошлого, было значительно трансформировано, получило другое место и другой статус, чем имело когда-то, что прошлое, всегда доходит до настоящего, существенно преобразуясь через настоящее, которое, конечно, также обусловлено прошлым. И это, кажется, не вызывает сомнений. Однако механизм этой адаптации и пропорции применительно к давнему прошлому и

настоящему не легко определить, хотя бы из-за того, что здесь действует своего рода принцип неопределенности. Как правило, мы не знаем, что отнести к прошлому, а что - к настоящему.

Так, например, Маршалл Д. Салинс считает, что «опыт прошлого является способом, в котором переживается настоящее» (M.D. Sahlins [10, с. 136]). Также интересно в этой связи рассуждение Эдварда Шилза: «Мы редко живем, обращаясь непосредственно назад или вперед. Мы не в полной мере в настоящем ни в воспоминаниях, ни в мечтах о будущем. "Здесь и сейчас", наличие и существование - не являются предметом ни воспоминаний, ни надежд, ожиданий или мечтаний о будущем. Это непосредственное "теперь", "теперь" и снова "теперь", поток сознания, конечно, но он постоянно делится каким-то непонятным образом секундомером» (E. Shils [12, с. 14]). Прошлое, как и ни одно его событие, не может выйти из-под власти настоящего, но, с другой стороны, нынешнее состояние любой социальной системы находится в какой-то связи с ее предыдущими состояниями, а всякое новшество является модификацией того, что существовало ранее. Память же, - считает Шилз, - позволяет заглянуть в прошлое, но не принуждает к этому и не вызывает сама по себе ни ненависти, ни любви к прошлому. Память показывает только, что эти связи настоящего с прошлым существуют, а их характер требует более внимательного изучения.

Энтони Гидденс считает, «что структура… представляет собой "генеративные" (порождающие) правила (и ресурсы)… что социальные системы, как воспроизводимые социальные практики, обладают не "структурами", но "структуральными свойствами", а структура… проявляется посредством подобных практик и как память фиксирует направление поведения компетентных субъектов деятельности» (Э. Гидденс [1, с. 59]). Говоря об индивидуальной памяти, Гидденс (Э. Гидденс [1, с. 94-100]) отмечает, что использование любой информации, основанной на памяти и на текущем восприятии, является активным процессом и аспектом деятельности индивидов в пространстве и во времени. Из этого следует, что деятельность человека зависит от настоящего, как и от памяти, которая является «способом описания рефлексивности субъектов». Память - это не только прошлый опыт, а сознание выражает не только настоящее. Память является своего рода властью, но она не абсолютная власть. Она связана с сознанием, но она не состояние непрерывного сознания, а, скорее, механизм воспоминания, используемый в различных обстоятельствах человеческой деятельности. Мы имеем здесь дело с тремя взаимосвязанными или, вернее, пересекающимися аспектами: а) чувственным осознанием себя кем-то; б) конституированием осознания в данный момент времени; в) воспоминанием, то есть воспроизведением прошлого опыта для того, чтобы соотнести его с нынешними действиями. Другими словами, социальная память - это своеобразное «триединство» - представляет собой накопление прошлого знания, опыта и нынешние действия (которые, однако, так или иначе ориентированы на будущее).

Социальная память должна каким-то образом проникать в память индивида или в индивидуальное сознание, иначе она будет лишена влияния и останется только мертвым ресурсом. Этот вход в индивидуальное сознание осуществляется с помощью культуры, приобретения культурной компетентности в процессе инкультурации, предполагающей обогащение личности индивида информацией о культуре группы и о том, что считается важным для функционирования индивида и, прежде всего, группы. В настоящее время процесс инкультурации осуществляется посредством школьного образования, влияния массовой культуры и использования интернет-ресурсов.

Здесь социальная память обнаруживает свою глубинную связь с культурной памятью, изучению которой посвящены работы Яна Ассмана, Аби Варбурга и Алейды Ассман. Я. Ассман, будучи египтологом, исследовал древние культуры памяти, а также сам момент перехода от устных культур к письменным.

В наиболее известной книге Алейды Ассман «Erinnerungsräume» («Рамки памяти»), в которой анализируется множество классических текстов культуры в аспекте категории памяти, можно заметить влияние идей историка искусства Аби Варбурга (хотя автор не говорит об этом явно). Варбург предполагал существование европейской культурной памяти, укорененной в образе. В своем незаконченном атласе с характер-

ным названием *Mnemosyne* он утверждал, что «ренессансная рецепция античности происходила, прежде всего, в сфере визуального» (A. Assmann [5, с. 226]). «Атлас Мнемозины посредством своего наглядно-образного материала иллюстрирует процесс, который можно было бы определить как попытку присоединения уже сформировавшихся способов выражения к представлениям одушевленных форм» (A. Warburg [13, с. 3], - писал Варбург. Важность его мысли состоит, прежде всего, в восприятии культуры как социального «органа памяти» (U. Borsdorf [6, с. 2]). Исследователи видят в работе Варбурга в основном зачатки теории культурной памяти.

Варбург в своем предисловии к атласу *Mnemosyne* говорит о трех ключевых понятиях: Vorprägung (форма, образуемая на чем-то более раннем), Erbschaft (наследие) и Engramm. Vorprägung - это телесный отпечаток, вызывающий немедленную реакцию и затрагивающий нас не только когнитивно, но и эмоционально. Телесная память - это сущностная основа для создания смыслового мира и полноценного переноса. Третье понятие требует отдельного объяснения, ибо заимствовано из теории психофизиологического параллелизма Ричарда Симона (Semona), согласно которой каждое психическое состояние соответствует изменениям в нервах. Энграмма означает «событие, которое оказало влияние на материю и оставило свой след» (E. Gombrich [8, с. 326]). Энергия энграмм заключена в символах или образах и определяется как «энергия памяти», которая может со временем активизироваться. Согласно Варбургу, образ играет в коллективной памяти ту же роль, что и энграмма в центральной нервной системе индивида. Он представляет собой заряд энергии, который активируется в момент вступления с ним в контакт. Варбург, к сожалению, не создал разработанной теории коллективной памяти, лишь ее штрихи можно найти в его разбросанных заметках.

Теоретическая рефлексия над социальной памятью дополняется многими эмпирическими социологическими исследованиями. Предмет этих исследований польский социолог Петр Квятковский (P.T. Kwiatkowski [9, с. 40]) выделяет в несколько тематических групп. В первой предметом исследований являются представления о прошлом, присутствующие в публичном дискурсе данного сообщества - взгляды, влияющие тем или иным образом на позицию его членов; во второй - так называемая разговорная память, то есть мнения и оценки, относящиеся к прошлому, функционирующие в повседневной жизни простых людей; в третьей - отношения между социальными явлениями, имевшими место в жизни группы в нынешних и прошлых ситуациях, и, наконец, в четвертой - изменения в социальной памяти, на почве которых в значительной степени объединяются социологический и исторический интерес.

И, наконец, следует попытаться резюмировать наиболее важные особенности социальной памяти, которые предположительно включают в себя:

- социализацию, в результате которой индивидуальные особенности памяти подвергаются относительной унификации в разных измерениях и слоях общества; это также относится к тем измерениям и слоям, в которых она простирается и, возможно, реконструируется;

- прессование, с помощью которого формируется несложный, синтетический образ длительных исторических периодов или сложных событий; элементы такого упрощенного образа являются, как правило, лишь тенями того, что произошло на самом деле, хотя, с другой стороны, правда о них никогда не будет полностью известна, ни тем более запоминаема;

- накопление, в результате которого множество различных событий, происходящих в разные годы, сливается в какое-то амфорное состояние, лишенное четкого временного соотнесения, но на самом деле содержащее различные исторические фазы или слои;

- затуманенность, делающая запомненные образы, как правило, лишенными деталей, которые могут подменять как исторические знания, так и имплантаты мифотворчеством и мистификацией;

- хаотичность, в результате которой набор запоминающихся фактов, как реальных, так и воображаемых или мистифицированных, является совершенно произволь-

ным и неясным; также и механизмы, регулирующие запоминание и забвение, не легко определить, как и решить дилемму: социальная память - это своеобразный мусорный контейнер или все-таки упорядоченный архив;

- заинтересованность, в результате которой подбор запоминающегося материала не является абсолютно случайным, а продиктован идеологией группы и общественными интересами;

- полиморфизм, который позволяет извлекать из гибких и обычно емких ресурсов социальной памяти то, что именно необходимо или полезно с точки зрения текущих потребностей и интересов;

- необычность, делающая вполне обычные запоминаемые ситуации необычными, уникальными, зрелищными и предающая забвению ситуации банальные;

- разнообразие, благодаря которому социальная память (как и традиция) ни в одном обществе не является однородной, но более или менее отличается с точки зрения своего содержания в различных группах и слоях общества;

- забывание и имплантирование, обеспечивающие пополнение контента памяти, маскируют форму верного копирования стилизацией и даже далеко идущей мистификацией, которые в противном случае по истечении определенного времени порой признаются верной и истинной социальной памятью.

В заключение необходимо отметить, что понятие социальной памяти имеет несколько метафорический характер, поскольку произведено из области психологии и жизни индивида и недостаточно определена его смысловая специфика. Как невозможно себе представить жизнь человека без участия памяти, так же нельзя представить себе общественную жизнь без наличия социальной памяти и ее изменения. Без социальной памяти общество и индивиды теряют свою идентичность, а значит, и чувство уникальности. Содержание социальной памяти, которым располагают отдельные сообщества, определяет долговечность, качество и активность этих групп. Социальная память зависит от культуры, в которой формируются индивиды и сообщества. Существует взаимозависимость между содержанием социальной памяти (ее индивидуальными носителями) и состоянием данного сообщества и его культуры.

Социальная память влияет на образ будущего. Одна из ее функций заключается в воздействии на будущее через создание относительно обоснованной интерпретации исторического развития группы, позволяющей сравнивать настоящее с прошлым и создавать образы желаемого будущего. В сущности, социальная память - это сознание, аккумулирующее человеческий опыт в его совокупности, знания не только об ошибках, неудачах, преступлениях и зле, но и об успехах, положительных действиях и добре, которое может повлиять на будущее.

Неоспорима роль социальной памяти в процессе формирования и развития патриотизма у населения, которое через каналы межпоколенческой преемственности сохраняет, преумножает достижения исторического прошлого Родины, культивируя бережное отношение к тому, что составляло честь и достоинство предшествующих эпох и поколений, и переосмысливает опыт трагических событий с тем, чтобы не повторить ошибок прошлого. Героические и трагические страницы прошлого воссоздают в памяти поколений не только события прошлого. Их основная роль заключается в том, чтобы научить достойно жить в настоящем, возвеличивая то, что заслуживает восхищения, и критически осмысливая то, чего не следует повторять ни при каких обстоятельствах.

Как бы неправдоподобно это ни прозвучало в современной реальности, в которой патриотизм стал мощнейшим идеологическим оружием, но суть патриотизма как важнейшего ресурса общественного развития заключается в умении любить Родину, понимая при этом все достоинства и недостатки ее исторического бытия, критически осмысливая настоящее с точки зрения перспектив будущего развития и возможностей каждого гражданина сделать это будущее благополучным.

Почему в современную эпоху, когда глобализация охватила весь мир, втягивая в свою орбиту страны и народы, актуальность и востребованность патриотизма не снижается и, более того, увеличивается?

На самом деле формирование мира как единого глобального пространства, на данный момент хорошо проявляющееся на уровне создания информационного пространства, действительно не знающего границ, не создает ощущения единения, солидарности, безопасности. По мере того, как мир вовлекается в единую орбиту исторической динамики, значительно сильнее проявляются кризисные факторы такого формата развития человечества, не готового жить в глобальном мире, в котором неуютно чувствуют себя многие страны и народы, особенно когда конфликт противоречий на международном уровне достигает масштабов далеко небезопасного для жизнедеятельности населения противостояния.

В этой ситуации наиболее активно используется такой ресурс создания «нужного» общественного мнения и «правильного» массового сознания, как патриотизм. При этом самым активным образом эксплуатируется социальная память, использование которой позволяет извлекать из глубин ушедших веков и пластов памяти поколений нужную информацию, даже если она намеренно была предана забвению на определенном этапе общественного развития. Это хорошо просматривается на примере современной России, в которой происходит активная реанимация советского прошлого, не так давно по историческим меркам преданного анафеме.

Иными словами, происходит активный процесс не регенерации, а реконструкции социальной памяти по нужному современной власти формату. Соответственно, формируемый в такой логике конструирования социальной памяти патриотизм принимает во многом искаженные формы, но это мало кого заботит на уровне властных структур, так как основная цель достигнута - в стране сложилось лояльное по отношению к проводимой властью политике большинство, и авторитарная колея развития постсоветского «демократического» государства получила общественное признание.

Таким образом, обращение к прошлому, к исторической памяти народа и активизация ее глубинных пластов на фоне таких эпохальных событий, как проведение Зимней Олимпиады в Сочи и присоединение Крыма, позволило российскому правительству создать небывалый эффект - волна патриотизма захлестнула страну и положила начало исторической летописи возрождения патриотизма в России. Но, как хорошо известно историкам, все летописи далеко не нейтральны в отношении политической повестки дня и господствующего режима власти, а потому «патриотическая летопись» России в эпоху Путина - творение этой эпохи, не ориентированной на решение микросоциальных задач. Замах этой эпохи носит поистине глобальный характер - восстановить престиж России на международной арене, ее статус сверхдержавы, пусть вновь за счет ущемления интересов, потребностей и прав российского населения на достойную жизнь, но во имя великой цели, которую россияне с вдохновением поддержали, ибо гордиться за страну всегда приятнее, даже если она по-прежнему занимает самые невысокие позиции в мировом рейтинге социально благополучных государств.

Мы убеждены, что формируемый в одностороннем порядке, вне использования иных ресурсов, связанных с повышением благосостояния общества, уровня его экономического, социального и культурного развития, патриотизм трансформируется в декларативную практику, не способную оказать реальное воздействие на деконсолидационные процессы в обществе, а последние, надо заметить, зашли очень глубоко. Выражением этого служит синдром молчаливого принятия аномальной российской реальности при всеобщем признании того факта, что за постсоветский период в стране по-прежнему, как и двадцать лет назад, остро стоят вопросы массовой бедности, социальной несправедливости и незащищенности населения, духовного упадка и коррупции.

В заключение необходимо отметить, что патриотизм в любые времена выступал значимой ценностью и ресурсом общественного развития. Это является неоспоримым фактом, как и то, что в самые тяжелые времена патриотически настроенному народу удавалось пережить кризисы, войны и остаться верными себе и своей Родине. Питательной средой и мощным фактором развития патриотизма, его закрепления на уровне массового сознания и социальных практик является социальная память, без наличия которой общество не может функционировать. Она, как и патриотизм, - кон-

струируемое явление, и в этом процессе конструирования принимают участие самые разнообразные акторы, начиная от государства, СМИ, религиозных и образовательных институтов и заканчивая отдельным индивидом и социальными группами.

В этой связи полноценный и комплексный анализ проблемы, возникающей на пересечении таких явлений, как социальная память и патриотизм, требует интегрального подхода с подключением различных научно-исследовательских парадигм, позволяющих рассмотреть макромир конструируемых явлений сквозь призму повседневных практик и интерсубъектного взаимодействия, в процессе которого социальная память проходит свой эволюционный цикл в истории каждого общества, переживая самые различные стадии - от забвения до возрождения.

Имманентно включенная в сложную сеть социальных, политических, культурных и иных отношений, социальная память оказывает колоссальное влияние на развитие общества, являясь его в некотором роде «совестью». Общество должно помнить о том, что свершило, какой след оставило в истории человечества и собственной истории. Общая память выступает основой солидарности общества, его способности ставить и решать социально значимые задачи. Только из такой практики - совместного решения социально значимых задач - формируется подлинный патриотизм, создающий ситуацию сопричастности к судьбе Родины через солидаристские практики, имеющие в своей основе единое понимание целей общественного развития и направленную на их достижение деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации. - М.: Академический Проект, 2003.
2. Йейтс Ф. Искусство памяти. - СПб.: Университетская книга, 1997.
3. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения. В 2 т. - М., 1990. - Т. 1.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007.
5. Assmann Aleida. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. - München: C.H. Beck, 1999.
6. Ulrich Borsdorf, Heinrich Theodor Grütter, Einleitung // Orte der Erinnerung. - Frankfurt a.M. / New York, 1999.
7. Golka M. Pamięć społeczna i jej implanty. Wydawnictwo Naukowe Scholar. - Warszawa, 2009.
8. Ernst H. Gombrich, Aby Warburg. Eine intelektuelle Biographie, Europäische Verlagsanstalt. - Hamburg, 1992.
9. Kwiatkowski P.T. Pamięć zbiorowa społeczeństwa polskiego w okresie transformacji, seria Współczesne Społeczeństwo Polskie wobec Przeszłości, t. 3. - Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2008.
10. Sahlins M.D. „Inne czasy, inne zwyczaje. Antropologia historii" (przeł. E. Dżurak) // M. Kempny i E. Nowicka (red.), Badanie kultury. Elementy teorii antropologicznej. Antologia. - Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
11. Sakson A. „Europejska czy narodowa kultura pamięci historycznej?" // Porządek społeczny a wyzwania współczesności. - Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2005.
12. Shils E. „Tradycja" (przeł. J. Szacki) // J. Kurczewska, J. Szacki (red.), Tradycja i nowoczesność. - Warszawa: Czytelnik, 1984.
13. Warburg Aby. Der Bilderatlas MNEMOSYNE, Martin Warnke, Claudia Brink (red.), Akademie Verlag. - Berlin, 2000.

REFERENCES

1. Giddens E.H. Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturacii. [The dispensation of society. Essay structuration theory]. Moscow, Akademicheskij Proekt. 2003.
2. Jejts F. Iskusstvo pamyati. [The art of memory]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 1997.
3. Nicshe F. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. [On the use and abuse of history for life]. Sochineniya. In 2 vol. Moscow, 1990. Vol. 1.
4. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati. [Social frame of memory]. Per. s fr. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007.
5. Assmann, Aleida. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München: C.H. Beck, 1999.
6. Ulrich Borsdorf, Heinrich Theodor Grütter, „Einleitung". Orte der Erinnerung, Frankfurt a.M. New York 1999.
7. Golka M. Pamięć społeczna i jej implanty. Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2009.
8. Ernst H. Gombrich, Aby Warburg. Eine intelektuelle Biographie, Europäische Verlagsanstalt: Hamburg, 1992.

9. Kwiatkowski P.T. Pamięć zbiorowa społeczeństwa polskiego w okresie transformacji, seria Współczesne Społeczeństwo Polskie wobec Przeszłości, t. 3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar. 2008.
10. Sahlins M.D. „Inne czasy, inne zwyczaje. Antropologia historii" (przeł. E. Dżurak). M. Kempny i E. Nowicka (red.), Badanie kultury. Elementy teorii antropologicznej. Antologia. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
11. Sakson A. „Europejska czy narodowa kultura pamięci historycznej?" Porządek społeczny a wyzwania współczesności. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM., 2005.
12. Shils E. „Tradycja" (przeł. J. Szacki). J. Kurczewska, J. Szacki (ed.), Tradycja i nowoczesność. Warszawa: Czytelnik, 1984.
13. Warburg, Aby. Der Bilderatlas MNEMOSYNE, Martin Warnke, Claudia Brink (ed.), Akademie Verlag: Berlin 2000.

Информация об авторе

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru

Нечипуренко Виктор Николаевич, доктор философских наук, профессор, заместитель главного редактора, научный журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке»,
г. Ростов-на-Дону, Россия
victornech@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, кафедра управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия
darya.maksimovich@gmail.com

Получена: 03.02.2017

Для цитирования: Верещагина А.В., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И., К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author

Anna V. Vereschagina, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies,
Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru

Victor N. Nechipurenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Chief Editor, Scientific Journal «Context and Reflection: Philosophy of World and Man»,
Rostov-on-Don, Russia
victornech@mail.ru

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Human Resource Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINI),
Rostov-on-Don, Russia
darya.maksimovich@gmail.com

Received: 03.02.2017

For citation: Vereschagina A.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I., Problem of social memory definition: concept, some basic characteristics, functions and role in formation of patriotism. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 316. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ГОМУЛКА Кристина
Гданьский Политехнический Институт
Гданьск, Польша
Krystyna.gomolka@zie.pg.gda.pl
www.zie.edu.pl/kgomolka

Krystyna GOMÓŁKA
Gdansk Polytechnic University
Gdansk, Poland.
Krystyna.gomolka@zie.pg.gda.pl
www.zie.edu.pl/kgomolka

ИММИГРАНТЫ ИЗ БЕЛАРУСИ, ВРЕМЕННО ПРЕБЫВАЮЩИЕ В ПОЛЬШЕ

IMMIGRANTS FROM BELARUS STAYING IN POLAND ON A TEMPORARY BASIS

Приезды граждан Республики Беларусь в Польшу стали возможными благодаря подписанию соответствующих международных договоров, а также билатеральных соглашений, заключенных между Польшей и Беларусью. Белорусские иммигранты были одной из наиболее многочисленных групп граждан из стран бывшего СССР в Польше после украинцев. Согласно данным Главного статистического управления, можно выделить следующие группы иммигрантов, временно находящихся в Польше: 1) имеющие вид на жительство и проживание на определенный срок; 2) имеющие разрешение на работу; 3) студенты; 4) беженцы. Самыми многочисленными группами были лица, которые получили согласие на временное проживание и разрешение на работу. После ратификации Польшей Женевской конвенции от 1951 г. и Нью-Йоркского протокола от 1967 г., касающихся статуса беженцев, количество беларусов, старающихся принять такой статус, незначительно увеличилось, но только немногие из них были охвачены программой поддержки или получили согласие на допустимое проживание. Иммигранты из Беларуси, проживающие в Польше, для поляков не обременительны, редко входят в конфликт с действующим законодательством, а их пребывание а Польше не является проблемой для польских граждан.

Ключевые слова: иммигранты, Польша, Беларусь, мигранты, студенты, разрешение на работу, беженцы.

Citizens of the Republic of Belarus have been able to come to Poland under the relevant international agreements and bilateral agreements made between Poland and Belarus. Immigrants from these countries constituted the second largest (after Ukrainians) group of citizens of the former Soviet Union coming to Poland. According to the Central Statistical Office data, the following groups of immigrants coming for a temporary stay to Poland can be identified: 1) holders of settlement and temporary residence permits; 2) holders of work permits; 3) students; 4) refugees. The holders of residence permits and work permits constituted the largest group. After Poland adopted the Geneva Convention of 1951 and the New-York Protocol of 1967 relating to the status of refugees, the number of Belarusians applying for such a status increased slightly, but very few applicants were granted subsidiary protection or a tolerated stay permit. Belarusian immigrants staying in Poland are not troublesome to Poles - they rarely violated the law and their stay in Poland was not considered a problem for the Polish society.

Keywords: immigrants, Poland, Belarus, students, work permit, refugees.

Вступление

Эмигранты из стран бывшего СССР начали приезжать в Польшу с 1992 г. Это явление было связано, с одной стороны, с открытием польских границ, а с другой - с изменением политической ситуации после распада СССР. Приезды граждан Беларуси были возможными благодаря подписанию между Польшей и Республикой Беларусь соответствующих международных билатеральных договоров. Установление дипломатических отношений между двумя государствами произошло в начале 90-х годов XX в., и с этого времени стало заметным развитие взаимных контактов. Целью статьи является анализ численности легальных иммигрантов из Беларуси, прибывших в Польшу на определенный срок в период ее принадлежности к европейским структурам, а также видов работы, которую выполняют эти иммигранты. Исследовательская гипотеза статьи является следующей: белорусские иммигранты не составляли серьезной проблемы для Польши в период ее принадлежности к ЕС. Для проверки гипотезы автор поставил следующие исследовательские вопросы: 1) На основании каких юридических актов иммигранты из Беларуси приезжали в Польшу? 2) Как долго они находились в Польше? 3) Чем они занимались во время пребывания в Польше? Настоящая статья написана на основании доступной литературы и статистических данных Главного статистического управления.

I. Правовые основы пребывания беларусов в Польше

Приезды в Польшу граждан Беларуси стали возможными благодаря подписанию соответствующих билатеральных договоров между двумя государствами. Часть их была заключена еще перед входом Польши в структуры ЕС. Граждане Беларуси могли приезжать на территорию Польши на основе заключенного в 1992 г. договора о добрососедстве и дружелюбном сотрудничестве, договора о юридических отношениях по

гражданским, уголовным делам, договора о сотрудничестве в сфере культуры, науки и просвещения, также договора о погранпереходах [1; 2; 3; 4]. Приездам иммигрантов из Беларуси на временное жительство содействовали постановления сейма РП, поддерживающие создание гражданского общества от февраля 2011 г., также постановления по вопросам ситуации в Республике Беларусь от марта 2011 г. [5; 6]. После президентских выборов в Беларуси в 2010 г. сейм РП выразил согласие на открытие польского рынка труда для представителей белорусского общества, а также предоставил белорусским иммигрантам возможность участия в программах в сфере образования и науки. Сейм обратился также к Собранию Парламентского Совета Европы и в Европейский Парламент по вопросу принятия действий, направленных на поддержку гражданского общества в Беларуси.

В Польше после вступления в Европейский союз статус иностранцев регулировали два закона об иностранцах. Первый вошел в жизнь 13 июня 2003 г. и привел требования по отношению к приезжим из других государств в соответствие с европейскими стандартами, а также ввел необходимость наличия виз в зависимости от цели въезда и пребывания, контроля законности пребывания иностранцев на территории польского государства и определил основы, заставляющие иностранцев покидать территорию РП. Очередной закон об иностранцах от 12 декабря 2013 г. преобразовывал постановление закона от 13 июня 2003 г., содержащееся в разделе VII, касающегося нелегальной эмиграции [7; 8]. Это решение было следствием евросоюзных распоряжений и касалось: вопросов возвращения граждан третьих государств, незаконно находящихся на территории Евросоюза; установления минимальных штрафов и средств, применяемых по отношению к работодателям, трудоустраивающим незаконно пребывающих граждан третьих стран; расширения сферы лиц, охваченных международной защитой; разрешения для граждан третьих государств на пребывание и работу на территории государства - члена ЕС; условий въезда и пребывания граждан третьих государств в целях трудоустройства в рамках профессий, требующих высокой квалификации.

Согласно классификации Главного статистического управления, можно выделить следующие группы иммигрантов, временно приезжающих в Польшу: 1) имеющие вид на жительство и временное проживание; 2) лица, которые получили разрешение на работу; 3) студенты; 4) лица, принимающие статус беженца в Польше.

II. Временные иммигранты

Во временном пребывании в Польше было заинтересовано подавляющее большинство граждан Беларуси. В группе иностранцев, которые получили согласие на поселение и пребывание в Польше, то есть вид на жительство или на проживание на определенный срок, присутствует группа беларусов. Их количество в 2001-2014 гг. показывает Таблица 1.

Таблица 1 Количество граждан Беларуси, которые получили вид на жительство или на проживание на определенный срок в Польше в 2001-2014 гг.

Год	Общее количество иностранцев, которые получили вид на жительство/на проживание на определенный срок	Граждане Беларуси, которые получили вид на жительство/на проживание на определенный срок
2000	858 / 15 039	52 / 701
2001	1 456 / 18 977	78 / 1 235
2002	1 567 / 17 869	101 / 1 345
2003	1 735 / 19 831	121 / 2 365
2004	4 365 / 25 425	389 / 2 008
2005	3 589 / 22 625	578 / 1 829
2006	3 255 / 22 376	602 / 1 647
2007	3 124 / 23 240	567 / 1 992

2008	3 625 / 28 865	640 / 2 380
2009	2 936 / 30 563	638 / 2 452
2010	3 336 / 30 451	623 / 2 260
2011	3 733 / 29 650	627 / 1 832
2012	3 699 / 34 478	692 / 1 856
2013	3 660 / 32 253	629 / 1 637
2014	2 368 / 18 833	491 / 801

Источник: собственная обработка на основании Демографической ежегодной ведомости 2000-2014 гг., Изд-во ГСУ, Варшава, 2001-2015.

Из данных, содержащихся в Таблице 1, следует, что получить разрешение на постоянное жительство старалось меньше граждан Беларуси, чем на проживание на определенный срок. В 2001 г. вид на жительство получили 6,06% от общего количества иммигрантов, а в 2014 г. - уже 20,7% иммигрантов, получающих разрешение. Согласие на проживание на определенный срок в 2001 г. получили 4,66%, а в 2014 г. - 4,25% иностранцев, которым было выдано такое разрешение. Граждане Беларуси чаще всего проживали в воеводствах: Мазовецком, Подляском, Любельском, Велькопольском, Западнопоморском, Лодзинском.

Большую группу иммигрантов, приезжающих в Польшу на временное проживание, составляли работающие лица. От начала 90-х годов XX в. до 2009 г. занятость иностранцев на польском рынке составляла лишь несколько процентов от общего количества иммигрантов. Доступ к легальному рынку работы в Польше регулировали в польском законодательстве следующие законы: о предоставлении иностранцам защиты на территории Польши и об их трудоустройстве, а также об учреждениях рынка труда. Детально этот вопрос рассматривался в распоряжениях: о получении разрешения на работу, выполняемую иностранцами, а также об отмене ограничений, о размерах оплаты, производимой в связи с заявкой о получении разрешения на работу иностранца, о вопросах идентификации случаев, когда разрешение на работу выдавалось невзирая на особые условия предоставления разрешений на работу иностранцев [9]. Введение в жизнь в 2009 г. правил, отменяющих обязательство работодателей по получению разрешения на трудоустройство иммигрантов, облегчило доступ иностранцев к польскому рынку труда и было связано с демографической ситуацией Польши, спровоцированной утечкой большого количества поляков в страны Западной Европы [9; 10; 11; 12].

С начала второй декады XXI в. процедура трудоустройства иностранцев на польском рынке является простой и недорогостоящей. Последние изменения в вопросах трудоустройства иностранцев связаны с законом об иностранцах от 12 декабря 2013 г. [14]. Закон вводит процедуру получения разрешения на временное проживание в целях выполнения работы, а также возможность получения разрешения на проживание и работу в рамках одной процедуры. Количество граждан Беларуси, которые получили разрешение на работу в 2000-2014 гг., показывает Таблица 2.

Таблица 2 Белорусские иммигранты, которые получили разрешение на работу в 2000-2014 гг.

Год	**Общее количество разрешений, выданных иностранцам**	**Количество разрешений для граждан Беларуси**
2000	19 662	1 467
2001	19 793	2 085
2002	24 643	1 088
2003	19 831	1 151
2004	13 179	1 025
2005	11 151	963
2006	12 063	1 070
2007	14 798	1 416
2008	21 733	1 834
2009	32 410	2 395

2010	37 121	1 958
2011	40 808	1 725
2012	39 144	1 949
2013	39 078	2 004
2014	43 663	1 834

Источник: собственная обработка на основании Демографической ежегодной ведомости 2000-2014 гг., Изд-во ГСУ, Варшава, 2001-2015.

Из данных, содержащиеся в Таблице 2, следует, что в 2000 г. разрешение на работу было выдано 1 467 гражданам Беларуси, то есть только 7,46%, а в 2014 г. лишь 4,2% от общего количества трудоустроенных в Польше иностранцев получили разрешение. Уменьшение количества легально трудоустроенных иностранцев связано, вероятно, с меньшей привлекательностью польского рынка труда и возможностью занятости в других русскоязычных странах, например в Российской Федерации на основе соглашений, заключенных государствами в рамках Союза Беларуси и России [15].

Граждане Беларуси, работающие в Польше, занимались работой, не требующей образования и профессиональной подготовки, в различных секторах экономики. Чаще всего иммигранты из Беларуси работали в воеводствах: Мазовецком, Малопольском, Любельском, Велькопольском, Лодзинском. Легально трудоустроенные лица составляли согласно печатной информации только около 10% от общего количества граждан, работающих в Польше нелегально [17; 18].

Самую многочисленную группу граждан Беларуси, находящихся временно в Польше, составляли лица, приезжающие на учебу. Их количество в 2000-2014 гг. показано в Таблице 3.

Таблица 3 Иностранцы из Беларуси, обучающиеся в Польше в 2000-2014 гг.

Академический год	**Общее количество обучающихся в Польше иностранцев**	**Студенты из Беларуси**
2000/01	6 669	742
2001/02	7 380	908
2002/03	7 608	1 314
2003/04	8 160	1 017
2004/05	8 826	1 250
2005/06	10 092	1 348
2006/07	11 752	1 724
2007/08	13 695	1 442
2008/09	15 862	1 716
2009/10	17 000	2 199
2010/11	24 474	2 546
2011/12	24 253	2 843
2012/13	29 172	3 192
2013/14	35 983	3 652

Источник: Статистическая ежегодная ведомость Республики Польша от 1992-1996 гг., Изд-во ГСУ, Варшава, 1993-2014; Вузы и их финансы от 1997-2013 гг., Изд-во ГСУ, Варшава, 1998-2014.

Данные в Таблице 3 показывают, что приезды граждан Беларуси от академического 2000/01 г. до 2013/14 г. возрастали. В академическом 2000/01 г. студенты из Беларуси составляли 11,2% от общего количества всех иностранцев, обучающихся в польских высших учебных заведениях. Их количество увеличивалось, в особенности с момента вхождения Польши в структуру Евросоюза. Процентное участие граждан Беларуси в общем количестве студентов составляло в академическом 2013/14 году 10,1%. К наиболее часто выбираемым студентами из Беларуси направлениям обуче-

ния в Польше можно отнести: менеджмент, польскую филологию, экономику, логистику и даже юридическое направление. Преобладающее количество студентов обучалось в высших государственных учебных заведениях, в университетах на гуманитарных факультетах. Популярностью пользовались следующие вузы: Варшавский университет, Белостокский государственный университет, университет имени Адама Мицкевича в Познани, университет Марии Склодовской-Кюри в Люблине, Вроцлавский университет и Лодзинский Университет [19].

III. Беженцы

Специфической группой иммигрантов являются беженцы. От 1991 г., когда Польша подписала Женевскую конвенцию от 1951 г. о статусе беженцев, а также Нью-Йоркский протокол от 1967 г., касающийся статуса беженцев, количество граждан, старающихся получить в Польше статус беженца, систематически возрастало. Одной из причин такого состояния было усложнение условий предоставления статуса беженца в странах Западной Европы. Увеличивающееся количество беженцев, просящих убежища в Польше, было основой для создания Управления по вопросам репатриации и иностранцев в июле 2001 г.. Два года спустя после вступления Польши в европейские структуры была введена процедура политического убежища ЕС [20]. Количество граждан Беларуси, желающих получить убежище в 2000-2014 гг. в Польше, представляет Таблица 4.

Таблица 4 Граждане Беларуси, пытающиеся получить статус беженца в Польше в 2000-2014 гг.

Год	Количество иностранцев, старающихся получить статус беженца в Польше	Количество граждан Беларуси/количество получивших статус беженца	Количество лиц, охваченных дополнительной защитой	Количество лиц из Беларуси, которые получили разрешение на допустимое проживание
2000	4 662	63/4	0	1
2001	4 513	47/3	0	3
2002	5 170	53/3	0	2
2003	6 990	57/10	0	0
2004	8 079	50/13	0	6
2005	6 860	73/9	0	19
2006	7 093	70/11	0	8
2007	10 048	83/1	0	1
2008	8 517	58/14	3	4
2009	10 587	37/20	0	7
2010	6 534	46/19	0	18
2011	6 887	81/22	2	3
2012	10 753	69/25	4	3
2013	15 253	41/23	1	3
2014	6 621	25/14	1	2

Источник: собственная обработка на основании Демографической ежегодной ведомости 2000-2014 гг., Изд-во ГСУ, Варшава, 2001-2015; Количество лиц, которым Министр внутренних дел и администрации или Председатель Управления по делам репатриации и иностранцев выдал решение о предоставлении статуса беженца в 2000-2014 гг. http://udsc.gov.pl/statystyki/raporty-okresowe [дата обращения: 20.05.2016].

Данные в Таблице 4 показывают, что количество граждан Беларуси, желающих получить убежище, было небольшим по отношению к общему количеству лиц, пытаю-

щихся получить статус беженца. Только единичные лица выполняли требования Женевской конвенции и получали статус беженцев. Немногочисленные граждане Беларуси после 2007 г. были охвачены дополнительной защитой, немного большее их количество получило разрешение на допустимое проживание в Польше.

Приезжающие в Польшу белорусские иммигранты чаще всего говорили на нескольких языках, в том числе на польском. Большая часть проживающих в Польше беларусов связывали свое будущее с этой страной и желали найти в Польше работу, нередко обучаясь перед этим в польских вузах.

Заключение

Эмиграция граждан из Беларуси в Польшу - это процесс, который начался с начала 90-х годов XX в. Он протекал на основании международных конвенций, а также общих соглашений, заключенных Польшей с партнерским государством Беларусь. Пребывание иммигрантов в Польше регулировали законы об иностранцах. Численность группы иммигрантов из Беларуси, приехавших в Польшу, составляла вторую по количеству - за украинцами, группу лиц, приезжающих из государств бывшего СССР. Многие иммигранты из Беларуси получили вид на жительство или согласие на проживание на определенный или неопределенный срок, немногочисленные иммигранты на основе полученного разрешения могли легально трудоустроиться в Польше. Те лица, которые не получили такого разрешения, искали работу в теневой сфере. Беларусы были одной из самых многочисленных и постоянно увеличивающихся групп студентов, обучающихся в польских высших учебных заведениях. После принятия Польшей Женевской конвенции от 1951 г., а также Нью-Йоркского протокола от 1967 г., касающихся статуса беженцев, количество беларусов, желающих получить такой статус, незначительно увеличивалось, но только немногие лица были охвачены дополнительной защитой или получили согласие на проживание по гуманитарным соображениям и разрешение на допустимое проживание. Большинство заявителей не выполняло условий, предусмотренных в законах. Исследовательская гипотеза о том, что иммигранты из Беларуси не составляли серьезной проблемы для польского государства в период его принадлежности к европейским структурам, подтверждается настоящей статьей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о добрососедстве и дружелюбном сотрудничестве, подписанный в Варшаве 23 июня 1992 г. // Вестник Законов от 1993 г. - № 118, поз. 527.
2. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам, заключенный в Минске 26 октября 1994 г. // Вестник Законов от 1995. - № 128, поз. 619.
3. Соглашение между правительством Республики Польша и правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в сфере культуры, науки и образования, заключенное в Варшаве 27 ноября 1995 г. // Вестник Законов от 1996 г. - № 76, поз. 365.
4. Соглашение между Правительством Республики Польша и Правительством Республики Беларусь о пунктах пересечения границ, подписанное в Варшаве 24 апреля 1992 г. // М. П. от 2003 г. - № 37, поз. 518.
5. Постановление Сейма Республики Польша от 25 февраля 2011 г. по вопросам поддержки гражданского общества в Республике Беларусь // М. П. от 2011 г. - № 18, поз. 183.
6. Постановление Сейма Республики Польша от 2 марта 2012 г. по вопросам ситуации в Республике Беларусь // М. П. от 2012, поз. 144.
7. Закон от 13 июня 2003 г. об иностранцах // Вестник Законов от 2003 г. // № 128, поз. 1175.
8. Закон от 12 декабря 2013 г. об иностранцах // Вестник Законов от 2013 г., nr 1650.
9. Директива Европейского парламента и Совета Европы 2008/115/WE от 16 декабря 2008 г. по вопросам общих норм и процедур, применяемых государствами-членами по отношению к возвращению нелегально пребывающих граждан третьих стран // Вестник Законов UE L 348/98 от 24.12.2008 г.
10. Директива Европейского парламента и Совета Европы 2009/52/WE от 18 июня 2009 г., устанавливающая минимальные нормы по вопросам штрафов и средств, применяемых по отношению к работодателям, трудоустраивающим нелегально пребывающих граждан третьих стран // Вестник Законов UE L 168 от 30.06.2009 г.

11. Директива Европейского парламента и Совета Европы 2011/51/UE от 11 мая 2011 г., изменяющая директиву Совета 2003/109/WE в целях расширения ее сферы действия на лиц, охваченных международной защитой // Вестник Законов UE L 132 от 11 05.2011 г.
12. Директива Европейского парламента и Совета Европы 2011/98/UE от 13 декабря 2011 г. по вопросам процедуры одной заявки на одно разрешение для граждан третьих стран по пребыванию и работе на территории государства-члена ЕС, а также по вопросам общей сводки законов для работников из третьих стран, легально пребывающих в государстве-члене ЕС // Вестник Законов UE L 343/1 от 23.12.2011 г.
13. Закон от 20 апреля 2004 г. о продвижении трудоустройства и учреждениях рынка труда // Вестник Законов от 2004 г, № 99, поз. 1001.
14. Закон от 13 июня 2003 г. о предоставлении иностранцам защиты на территории Республики Польша // Вестник Законов от 2009 г. - № 189, поз.1472.
15. Распоряжение Министра труда и общественной политики от 2 февраля 2009 г., изменяющее Распоряжение по вопросам выполнения работы иностранцами без необходимости получения разрешения на работу // Вестник Законов от 2009 г. - № 21, поз.114.
16. Закон об иностранцах от 12 декабря 2013 г. // Вестник Законов от 2013 г., nr 1650.
17. Портал Союзного государства Беларуси и России / [Электронный ресурс] - http://www.soyuzinfo.ru [дата обращения: 26.05.2016].
18. Wąsowski M. Imigranci zapełniają polski rynek pracy. Czy potrzebujemy ich więcej niż teraz? / [Электронный ресурс] - http://natemat.pl/5377,imigranci-zapelniaja-polski-rynek-pracy-czy-potrzebujemy-ich-wiecej-niz-teraz [дата обращения: 27.05.2016].
19. Gomółka K. Studenci, doktoranci i stażyści na polskich uczelniach / Białoruś i Polska we współczesnej Europie pod red. J. Tymanowski, A. Daniluk, J. Bryll, Wydawnictwo Wydział Dziennikarstwa i Nauk Politycznych. - Warszawa, 2015. Pp. 303-316.
20. E. Borawska-Kędzierska, K. Strąk, Polityka wizowa, azylowa i imigracyjna, System Prawa Unii Europejskiej, t. XI, część II, wydanie 2, Instytut Wydawniczy EuroPrawo Warszawa 2011, pp.38-39.

REFERENCES

1. Tractate between the Polish Republic and the Republic of Belarus on good neighbourliness and friendly cooperation, signed in Warsaw on 23 June 1992 r, Journal of Laws of 1993 , no 118 item. 527.
2. The agreement between the Polish Republic and the Republic of Belarus on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family, Labour and Criminal Matters, signed in Minsk on 26 October 1994r, Journal of Laws of 1995 no 128, item. 619
3. Agreement between the Government of the Republic and the Government of the Republic of Belarus on cooperation in the field of culture, science and education, signed in Warsaw on 27 November 1995, Journal of Laws of 1996 no 76, item 365.
4. Agreement between the Government of the Polish Republic and the Government of the Republic of Belarus on the border crossings, signed in Warsaw on 24 April 1992, Official Gazette of the Republic of Poland 2003, no.37 item. 518
5. The resolution of the Polish Parliament of 25 February 2011. On support for civil society in Belarus, Official Gazette of the Republic of Poland, 2011, no 18, item 183.
6. Resolution of the Polish Parliament on 2 March 2012. On the situation in the Republic of Belarus, Official Gazette of the Republic of Poland 2012, no 0, item. 144.
7. The Act of 13 June 2003 about Aliens, Journal of Laws of z 2003r., no 128,item 1175
8. The Act of 12 December 2013 about Aliens, Journal of Laws of, 2013, no 1650
9. 9 Directive of the European Parliament and of the Council 2008.115. EC of 16 December 2008. On common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals, OJ L 348/98, 24.12.2008
10. Directive of the European Parliament and Council Directive 2009.52. EC of 18 June 2009. Laying down minimum standards on sanctions and measures against employers of illegally staying third-country national ,OJ, L 168, 30.06.2009
11. Directive of the European Parliament and of the Council 2011.51. EU of 11 May 2011. Amending Council Directive 2003.109. EC to extend its scope to beneficiaries of international protection, OJ L 132, 11 05.2011r.
12. Directive of the European Parliament and of the Council 2011.98. EU of 13 December 2011. On a single application procedure for a single permit for third-country nationals to reside and work in the territory of a Member State and on a common set of rights for third-country workers legally residing in the Member State, OJ L 343/1 z 23.12.2011 r.
13. The Act of 20 April 2004. On employment promotion and labor market institutions, Journal of Laws of 2004 no 99 item 1001
14. The Act of 13 June 2003. On granting protection to foreigners on Polish territory, Journal of Laws of 2009, no 189, item.1472.
15. Minister of Labour and Social Policy of 2 February 2009. Amending the regulation on making work by foreigners without the need to obtain a work permit, Journal of Laws of 2009, no 21, item114.
16. The Act of 12 December 2013 on foreigners , Journal of Laws of 2013. no 1650.
17. Portal of the Union State of Belarus and Russia, Available at: http://www.soyuzinfo.ru [26.05.2016]

18. 18.M. Wąsowski, Imigranci zapełniają polski rynek pracy. Czy potrzebujemy ich więcej niż teraz?, Available at: http://natemat.pl/5377,imigranci-zapelniaja-polski-rynek-pracy-czy-potrzebujemy-ich-wiecej-niz-teraz [27.05.2016]
19. K. Gomółka, Studenci, doktoranci i stażyści na polskich uczelniach, [w:] Białoruś i Polska we współczesnej Europie pod red. J. Tymanowski, A. Daniluk, J. Bryll, Wydawnictwo Wydział Dziennikarstwa i Nauk Politycznych, Warszawa 2015, pp. 303-316.
20. E. Borawska- Kędzierska, K. Strąk, Polityka wizowa, azylowa i imigracyjna, System Prawa Unii Europejskiej, t. XI, część II, wydanie 2, Instytut Wydawniczy EuroPrawo Warszawa 2011, pp.38-39.

Информация об авторе:

Кристина Гомулка, доктор наук, профессор, кафедра общественных и философских наук, Гданьский Политехнический Институт
Гданьск, Польша
Krystyna.gomolka@zie.pg.gda.pl
www.zie.edu.pl/kgomolka

Получена: 27.01.2017

Для цитирования: Гомулка К., Иммигранты из Беларуси, временно пребывающие в Польше. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author:

Krystyna Gomółka, Doctor of Science, Professor, Department of Economics and Management,
Gdansk Polytechnic University,
Gdansk, Poland.
Krystyna.gomolka@zie.pg.gda.pl
www.zie.edu.pl/kgomolka

Received: 27.01.2017

For citation: Gomółka K., Immigrants from Belarus staying in Poland on a temporary basis. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl'* = *Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 316.013 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ДИБИРОВА Камила Юнусовна
Северо-Кавказский федеральный университет
г. Ставрополь, Россия
keremet2000@mail.ru

Camila Yu. DIBIROVA
Competitor, Department of Sociology, North Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
keremet2000@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ КАЧЕСТВОМ БЮДЖЕТНЫХ УСЛУГ В ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

PROBLEM OF ASSESSMENT SATISFACTION WITH THE QUALITY OF PUBLIC SERVICES IN WESTERN AND DOMESTIC SOCIOLOGY

На основании анализа международного опыта проведения исследований удовлетворенности граждан качеством бюджетных услуг (в том числе государственных и муниципальных) автор рассматривает направленность изменения в методологии и инструментарии оценки качества данных услуг и приходит к интерпретации «удовлетворенности качеством бюджетных услуг» как основного понятия, интегральной характеристики оценки качества услуг, оказываемых государством и муниципальной властью. Утверждается, что одними лишь объективными показателями нельзя оценить качество бюджетных услуг, поэтому развитие измерения эволюционировало в сторону включения в методологию, методику и исследовательский инструментарий показателей субъективной оценки - «удовлетворенности качеством бюджетных услуг». «Удовлетворенность услугой» есть субъективная оценка потребителем степени реализованности поставщиком услуги его потребностей и ожиданий. Таким образом, «удовлетворенность качеством бюджетной услуги» можно интерпретировать как субъективную оценку гражданином (потребителем) степени реализованности его потребностей и ожиданий государственным или муниципальным органом власти, выступающим в качестве поставщика услуги. Автор утверждает, что удовлетворенность качеством бюджетных услуг является основным критерием не только субъективной оценки, но и показателем, встроенным в аппарат измерения других, объективных показателей, в качестве индикатора их субъективного оценивания. Удовлетворенность качеством бюджетных (государственных и муниципальных) услуг социологи пытаются вывести из баланса между ожиданиями граждан при обращении в органы власти за получением услуги и оценкой полученного опыта. Автор утверждает, что при анализе качества бюджетных услуг обосновано использование следующих критериев: 1) критерия полноты бюджетных услуг; 2) критерия качества бюджетных услуг; 3) критерия доступности бюджетных услуг; 4) критерия своевременности оказания бюджетных услуг; 5) критерия удовлетворенности получателей государственных бюджетных услуг (как общий показатель удовлетворенности качеством бюджетных услуг и как субъективные индикаторы к каждому показателю).

Ключевые слова: услуга, качество, контроль качества, социальная услуга, оценка качества услуги, бюджетные услуги, оценка качества бюджетных услуг, удовлетворенность услугой, удовлетворенность качеством услуги, удовлетворенность качеством бюджетных услуг.

Based on the analysis of international experience in conducting research of satisfaction of citizens of public services quality (including state and municipal services), the author examines the changes in orientation in the methodology and tools for assessing the quality of these services and comes to the interpretation of "satisfaction of public services quality" as the basic concept, integrated characteristics evaluation of the quality of services provided by state and municipal authorities. It is alleged that one only objective indicator can not evaluate the quality of public services, so the development of measurement has evolved towards inclusion in the methodology, methodology and research tools indicators of subjective evaluation is "satisfaction with public services quality." "Satisfaction with the service" is a subjective evaluation of the degree of consumer implementation service provider's needs and expectations. Thus, the "satisfaction with the quality of public services" can be interpreted as a subjective assessment of a citizen (consumer) level implementation his needs and expectations of the state or municipal authority, acting as a service provider. The author argues that the quality of public services satisfaction is the basic criterion not only subjective assessment, but also an indicator built into the unit of measurement other objective measures, as an indicator of their subjective assessment. Satisfaction with the quality of the budget (state and municipal) services sociologists try to derive from the balance between the expectations of citizens when applying to the authorities for obtaining services and evaluation of the experience. The author argues that the analysis of the quality of public services is justified to use the following criteria: 1) public services completeness criterion; 2) test the quality of public services; 3) criterion of availability of public services; 4) criteria timeliness of public services; 5) criterion of the state of public services beneficiaries satisfaction (as overall satisfaction with public services and quality as subjective indicators for each indicator).

Keywords: service quality, quality control, social service, quality assessment services, fiscal services, evaluation of quality of public services, satisfaction with service, quality of service satisfaction, satisfaction with quality of public services.

Понятие «удовлетворенность услугой» изначально сопутствовало интерпретации «качества жизни» как критерий и показатель степени удовлетворения потребностей населения и в конченом итоге качества жизни. Безусловно, нельзя уходить в консьюмеризм и сводить качество жизни исключительно к сфере потребления услуг, а ее оценивание - исключительно к степени удовлетворения потребностей. Однако логичным является рассмотрение количественных и качественных параметров потребления услуг, как существенной компоненты не только объективной, но и субъективной оценки качества жизни общества и человека.

Понятие «услуга» стало рассматриваться как базовая компонента в «сервисном обществе» с «сервисной экономикой», о появлении которого стали писать во второй половине XX в. западные социологи. Генезис и развитие данного явления описывались в контексте становления теории общества «позднего капитализма», «постиндустриального общества» и «общества потребления» (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ж. Бодрийяр и др.). Позже данное свойство капиталистического общества второй половины XX - начала XXI в. нашло отражение в теоретических концептах «информационного общества», «информационно-коммуникативного общества» и «общества знания» (М. Кастельс, У. Мартин, И. Масуда и др.). Структурно-функциональная редакция рассмотрения услуг связывается с именами Р. Дафта и Ф. Котлера. В западной социологии и теории менеджмента подход к интерпретации качества как такового и, в частности, качества услуг связывается с Л. Фиглиным, А. Фейгенбаумом и Д. Уорли. Э. Гидденс рассматривает явление услуги в своей теории «структурации».

Д. Этингер разработал рыночный подход к оценке качества продукции и создал отдельную прикладную область науки - «квалиметрию». Первоначально все подходы к оценке качества акцентировались именно на продукции, товарах, а не услугах и развивались в рамках экономической методологии и методики таких направлений, как «управление качеством», «контроль качества» и т.д.

«Услугу» традиционно интерпретируют как действие, совершенное в интересах индивидуального или группового клиента по удовлетворению его потребности. Методы оценки качества услуг разрабатывались как западными учеными Л.Л. Берри, В.А. Зейтмалом, А. Парашураманом и др., так и российскими - А.И. Субетто, Т. Пономаревой, М. Супрягиной и др.

Под «качеством услуги» подразумевалась совокупность характеристик услуги, определяющих ее способность удовлетворять установленные или предполагаемые потребности потребителя. В рамках нашей работы вызывают интерес критерии и показатели оценки качества услуги.

Л. Берри, В. Зейтмал и А. Парашураман разработали известную методику оценки качества услуг «SERVQUAL». По их мнению, качество услуги зиждется на потребительском сравнении ожиданий услуги и восприятия полученной услуги. Используя методику редукции данных (факторный анализ), они выделили 10 компонентов качества обслуживания: 1) компетентность (обладание необходимыми знаниями, умениями и навыками для выполнения услуги); 2) вежливость (чистый, аккуратный внешний вид, уважение, дружелюбие, вежливость персонала); 3) авторитет (надежность, вера и честность: репутация организации и ее персонала); 4) безопасность (ощущения отсутствия риска, опасности, свободы от сомнений: финансовая, физическая безопасность и конфиденциальность сведений о клиенте); 5) доступ к услуге: доступность и легкость контакта/обращения (например, удобство расположения, удобный режим работы и т.д.); 6) связь (информирование клиентов на доступном языке, умение слушать клиентов, предоставление всей необходимой информации); 7) знание клиента (способность понять и принять в расчет индивидуальные потребности клиентов); 8) основные средства (физические доказательства/подкрепления качества услуг организации: внешний антураж помещения, где происходит контакт с получателем услуги и т.п.); 9) надежность (точность и надежность, сериальность и регулярность в выполнении услуг); 10) оперативность (готовность организации и ее сотрудников к быстрому реагированию на нужды потребителей услуг, предоставление своевременных услуг).

Все выделенные критерии и показатели вызывают научный интерес, однако грешат схожестью оснований по некоторым позициям. Это во многом и предопределило то, что авторы метода пришли к выводу об автокорреляции показателей и сократили их количество до пяти основных: 1) «tangibles» (материальное имущество: оценка объектов организации, оборудования, персонала, демонстрационных материалов и т.п.); 2) «reliability» (надежность: способность предоставлять услуги точно и надежно); 3) «re-

sponsiveness» (отзывчивость: желание помочь потребителям услуг, предоставить им максимально быстрое обслуживание); 4) «assurance» (уверенность: компетентность и вежливость сотрудников, их способность транслировать уверенность и доверие); 5) «empathy» (эмпатия: забота о клиенте, индивидуальное внимание и индивидуальный подход к нему) [1, с. 12-40]. Фактически разработанная Л.Л. Берри, В.А. Зейтмалом и А. Парашураманом методика «SERVQUAL» представляет собой модель «идеального обслуживания», идеальный тип этого явления.

Следующий распространенный в развитых странах метод, разработанный учеными Стокгольмской экономической школы индекс удовлетворенности потребителей «Customer Satisfaction Index» (CSI), позволяет выявлять факторы удовлетворенности потребителей и их лояльности. В качестве основных индексов «Customer Satisfaction Index» (CSI) выступают: 1) надежность компании: давние отношения, особые условия; 2) стоимость продукции: скидки, бонусы, ценовая политика; 3) ассортимент: товар, представленный на складе (складское наличие необходимого товара); 4) качество продукции, а также предоставляемые по нему гарантии; 5) работа персонала компании: компетентность, оперативность, вежливость; 6) наличие технической документации: описания работы с продукцией; 7) кредитная линия: отсрочка платежа, кредитная история; 8) сервисное обслуживание: гарантийное и послегарантийное сервисное обслуживание.

Вызывают определенный интерес именно критерии и показатели, отраженные в данных методиках. С другой стороны, специфика государственных и муниципальных бюджетных услуг и их потребителей, особенности их предоставления не позволяют полностью полагаться на методики оценки качества, используемые при оценке качества услуг, предоставляемых в специализированных офисах коммерческих организаций. «Менеджмент качества» в государственных и муниципальных организациях и требования к персоналу могут отличаться от коммерческих компаний в силу монопольного характера оказываемых услуг и отсутствия альтернативности в каналах их предоставления для различных категорий населения.

К примеру, в отношении государственных и муниципальных услуг во многом бессмысленным будет казаться вопрос: «Какова вероятность того, что Вы порекомендуете компанию/товар/услугу/бренд своим друзьям/знакомым/коллегам?», являющийся основой признанного в сфере бизнеса эффективным показателя «NPS» (Net Promoter Score / Индекс потребительской лояльности), разработанного Ф. Райхельдом [2, с. 46-54].

Разрабатывают западные социологи и методики оценки качества непосредственно государственных и муниципальных услуг. К примеру, это регулярное исследование «Citizens First» («Граждане прежде всего»), осуществляемое в Канаде [3] . Оценивается уровень удовлетворенности качеством услуг по пятибалльной шкале, после чего на основании результатов исследования строится рейтинг служб и организаций, предоставляющих услуги населению. В данном исследовании вызывает интерес тот факт, что одновременно с услугами государственных и муниципальных организаций выявляется степень удовлетворенности услугами частных организаций. При этом финальный рейтинг организаций включает и коммерческие организации-поставщики услуг, качество услуг которых сравнивается с государственными и муниципальными.

Попытка выработки универсального инструмента измерения оценки качества государственных и муниципальных услуг привела к созданию канадским Институтом гражданско-ориентированных услуг (Institute for Citizen-Centered Services) «Общего инструмента измерения» («Common Measurement Tool» - CMT). Показатели строятся на основании пяти основных критериев: 1) ожидания клиента; 2) восприятие опыта обслуживания; 3) уровень значимости; 4) уровень удовлетворенности; 5) приоритеты для улучшения.

Инструментарий предполагает так же, как и в исследовании «Citizens First», общую оценку государственных услуг по пятибалльной шкале по трем параметрам: 1)

общая удовлетворенность; 2) своевременность оказания услуги; 3) доступность услуги [4].

Нельзя не отметить схожести критериев и показателей оценки качества бюджетных услуг в развитых странах и направленности в развитии исследовательского инструментария у российских социологов. Как мы видим, методология и инструментарий мониторингового исследования развивали в направлении использования субъективных показателей оценки государственных и муниципальных услуг. Теперь основной категорией и компонентой большинства показателей, лежащей в основе системы измерения, является «удовлетворенность услугой», то есть субъективная оценка потребителем степени реализованности поставщиком услуги его потребностей и ожиданий.

Резюмируя результаты приведенного выше анализа международного опыта проведения исследований удовлетворенности граждан качеством услуг (в том числе государственных и муниципальных), можно сделать некоторые выводы и интерпретации:

1. Одна из базовых категорий - «услуга» интерпретируется нами с позиций процессуального подхода, в соответствии с которым она трактуется как действие актора, направленное на удовлетворение потребностей объекта воздействия и несущее полезный эффект, проявляющийся в процессе и результате его осуществления.
2. Категория «социальная услуга» может быть определена как действие актора (поставщика данной услуги), направленное на удовлетворение потребностей населения в социальной сфере, полезный эффект которого проявляется в процессе ее потребления.
3. Исследование теоретических подходов к раскрытию понятия «качество», учитывающих его многоаспектный характер, позволило определить данную категорию как совокупность характеристик, соответствующих как «объективным», количественно выраженным представлениям с точки зрения производителя и поставщика государственных бюджетных услуг, так и «субъективным» оценкам потребителей, позволяющим выявить степень соответствия предоставляемых услуг субъективным ожиданиям их получателей.
4. С учетом изложенного выше категория «качество бюджетной услуги» интерпретируется нами как совокупность набора характеристик и меры полезности услуг, предоставляемых населению и определяющих их способность удовлетворить установленные или предполагаемые потребности населения как с позиций «объективных», количественно выраженных характеристик услуги производителем и/или поставщиком, так и субъективных представлений о нем потребителей.
5. Одними лишь объективными показателями нельзя оценить качество бюджетных услуг, поэтому развитие измерения эволюционировало в сторону включения в методологию, методику и исследовательский инструментарий показателей субъективной оценки - «удовлетворенности качеством бюджетных услуг».
6. «Удовлетворенность услугой» есть субъективная оценка потребителем степени реализованности поставщиком услуги его потребностей и ожиданий. Таким образом, «удовлетворенность качеством бюджетной услуги» можно интерпретировать как субъективную оценку гражданином (потребителем) степени реализованности его потребностей и ожиданий государственным или муниципальным органом власти, выступающим в качестве поставщика услуги.
7. Удовлетворенность качеством бюджетных услуг является основным критерием не только субъективной оценки, но и показателем, встроенным в аппарат измерения других, объективных показателей, в качестве индикатора их субъективного оценивания. К примеру, есть объективный показатель «доступности услуги» и субъективный - «удовлетворенности доступностью получения услуги».
8. Удовлетворенность качеством бюджетных (государственных и муниципальных) услуг социологи пытаются вывести из баланса между ожиданиями граждан при обращении в органы власти за получением услуги и оценкой полученного опыта.

9. Удовлетворенность качеством бюджетных услуг является следствием рефлексии опыта получения услуги на основании субъективной составляющей оценки (ожиданий, требований, опыта получения, установок, представлений и стереотипов потребителя), не зависящей напрямую от административно-нормативной регламентации ее оказания.

10. Как следствие, отношение населения к власти, ее институтам, органам и персонифицированным представителям оказывает влияние на субъективные оценки населением качества бюджетных услуг.

11. Необходимо разделять удовлетворенность процессом оказания услуги и удовлетворенность результатом ее оказания.

12. Анализируя различные критерии и показатели оценки качества бюджетных услуг, выделяемых в научной литературе и методологии эмпирических исследований, можно выделить определенные параметры оценки, которые выражают свойства физической и социальной реальности:

1) Время физическое и социальное (время ожидания услуги, своевременность предоставления, регулярность предоставления, временная доступность получения, время информирования об услуге, частота информирования).
2) Пространство физическое (физическая доступность услуги, территориальное расположение органов власти, предоставляющих услугу / точек обслуживания, физическое удобство получения).
3) Социальное пространство (положение индивида в социальном пространстве / социальной структуре, его социальные характеристики, то есть социальный статус, категория получателя услуги, причины оформления услуги, проблемы потребителя услуг, поло-возрастная характеристика и другие признаки).
4) Информация (каналы информации / способы информирования о возможности получения услуги, информированность потребителя об услуге).
5) Другие субъекты, индивидуальные акторы / институциональные агенты (оценка работы персонала по предоставлению услуги, мнение других индивидов об услуге и ее предоставлении, повлиявшее на получателя, общественное мнение).
6) Организации, коллективные акторы/агенты (показатели оценки деятельности организации по предоставлению услуг населению, уровень межведомственного взаимодействия по предоставлению услуги).

Данные параметры оценки, которые выражают определенные свойства физической и социальной реальности, позволяют руководствоваться ими при операционализации понятий и разработке критериев и показателей оценки качества государственных и муниципальных бюджетных услуг.

13. На сновании рассмотренного выше можно утверждать, что при анализе качества государственных бюджетных услуг обосновано использование следующих критериев: 1) критерия полноты бюджетных услуг; 2) критерия качества бюджетных услуг; 3) критерия доступности бюджетных услуг; 4) критерия своевременности оказания бюджетных услуг; 5) критерия удовлетворенности получателей государственных бюджетных услуг (как общий показатель удовлетворенности качеством бюджетных услуг и как субъективные индикаторы к каждому показателю).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Parasuraman, A., Ziethaml, V. and Berry, L.L. SERVQUAL: A Multiple-Item Scale for Measuring Consumer Perceptions of Service Quality // Journal of Retailing. - 1988.- Vol. 62, № 1.
2. Reichheld, Frederick F. One Number You Need to Grow. Harvard Business Review. - December 2003. - № 81(12).
3. Research «Citizens First» / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://iccs-isac.org/research/citizens-first
4. Institute for Citizen-Centered Services. Common Measurement Tool / [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://iccs-isac.org/common-measurements-tool

REFERENCES

1. Parasuraman, A., Ziethaml, V. and Berry, L.L. SERVQUAL: A Multiple- Item Scale for Measuring Consumer Perceptions of Service Quality. Journal of Retailing, Vo. 62, no. 1, 1988. Pp. 12-40.
2. Reichheld, Frederick F. One Number You Need to Grow. Harvard Business Review. December 2003. 81(12): Pp. 46-54.
3. Research «Citizens First» Available at: https://iccs-isac.org/research/citizens-first
4. Institute for Citizen-Centered Services. Common Measurement Tool. Available at: https://iccs-isac.org/common-measurements-tool

Информация об авторе

Дибирова Камила Юнусовна, соискатель, кафедра социологии, Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия
keremet2000@mail.ru

Получена: 21.01.2017

Для цитирования: Дибирова К.Ю., К проблеме оценки удовлетворенности качеством бюджетных услуг в западной и отечественной социологии Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author

Camila Yu. Dibirova, Competitor, Department of Sociology, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
keremet2000@mail.ru

Received: 21.01.2017

For citation: Dibirova C.Yu., Problem of assessment satisfaction with the quality of public services in western and domestic sociology. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 316.4.063 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

КУЧУКЯН Артем Владиславович
Северо-Кавказский федеральный университет
г. Ставрополь, Россия

Artem V. KUCHUKYAN
North Caucasus Federal University
Stavropol, Russia

ФЕНОМЕН КОММУНИКАТИВНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В МОЛОДЕЖНЫХ ПРОТЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

COMMUNICATIVE PHENOMENON OF SOLIDARITY IN THE YOUTH PROTEST COMMUNITIES

В статье рассматриваются теоретические и методологические подходы к анализу феномена коммуникативной солидарности в социальных медиа. Анализируется возможность применения аппарата методологии сетевого анализа в исследовании различных форм солидарности. Особое внимание в статье уделяется методологии сетевого анализа, а также историческим этапам его развития. Детально рассматривается применение методологии сетевого анализа в социальных науках. Современный этап развития социальной науки характеризуется наличием существенного количества эмпирических исследований феномена солидарности, основанных на традиционных методах социологического анализа. Наряду с этим очевидно недостаточно теоретических и методологических изысканий в области исследования феномена коммуникативной солидарности, основанных на использовании методологии анализа социальных сетей. В целом, сеть оказывает влияние на структуру социальных медиа и механизмы коммуникативной солидарности виртуальных сообществ. В рамках социологического анализа особого изучения требуют формы и способы коммуникативной солидарности, а также механизмы коммуникативной солидарности: идеи, представления и причинно-следственные связи, подвергающиеся активному информационному воздействию в социальных сетях и виртуальных массмедиа. Во второй части статьи приводятся данные авторского социологического исследования о молодежных протестных деструктивных сообществах.

Ключевые слова: Интернет, социальные сети, коммуникативная солидарность, социальные медиа, исследование социальных медиа.

In contemporary science, the topic of social solidarity is certainly relevant and evolving. A special factor in the development of this theme is the active formation of social communities is not only real, but also the virtual world. In the XXI century social media are a tool for the formation of macro and micro social solidarity in modern society. The aim of the article is to examine the methodological features of the study of the communicative solidarity in social media. From the synthesis of definitions of «solidarity» and communicative characteristics of solidarity we can say that in the most general form of communicative solidarity that arises in the course of transmission and reception of information, based on harmony and trust, as well as serving the foundation of unity of social actors to achieve a certain goal. The study of the communicative solidarity in social media needs to be based on the methodology of network analysis (SNA). At the empirical level, the use of network analysis methodology in the study of the phenomenon of communicative solidarity defines the basic structural components of typical communicative practices in social media, to carry out their typology and classification in the context of specific situations. In the second part of the article the author presents data of sociological research on youth protest destructive communities.

Keywords: Internet, social networks, communicative solidarity, social media, social media research

В современной науке тема социальной солидарности является актуальной и развивающейся. Особым фактором развития этой темы является активное формирование социальных общностей не только в реальном, но и виртуальном мире. В XX веке Ю. Хабермас, С. Хантингтон, А. Хонетт, Дж. Харвуд в ответ на выводы ученых-коммунитаристов - Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса, Т. Парсонса, Н. Лумана, Э. Гидденса, А. Этциони, У. Бека - о том, что наличие базисного ценностно-нормативного консенсуса должно быть основой социальной солидарности, спрогнозировали, что солидаризация неоднородных, различных социальных акторов возможна только при наличии определенных условий. В XXI веке мы видим подтверждение такого прогноза: именно социальные медиа являются инструментом формирования микросоциальной и макросоциальной солидарности в современном обществе.

Феномен солидарности имеет весьма богатые перспективы для осмысления в контексте масштабных социальных трансформаций, происходящих в нашей стране в последние три десятилетия. В ситуации глубоких и структурных кризисов наиболее отчетливо проявляются особенности солидаризированных социальных взаимодействий, причем сама ситуация кризисов обусловливает изменение механизмов солидарности в обществе, а также констелляцию между различными видами солидарности.

Безусловно, рассмотрение и интерпретацию феномена коммуникативной солидарности необходимо начать с понятия более высокого уровня - «социальная солидарность». Данный термин, предложенный Э. Дюркгеймом, означал определенную целостность общественной жизни, коллективность и, одновременно, высший моральный принцип, высшую и универсальную ценность, которая признается всеми членами об-

щества. Э. Дюркгейм различал механическую и органическую солидарность, характерные для архаических и развитых социальных систем соответственно [1, с. 244-275].

Новым типом социальной солидарности является коммуникативная солидарность. Данный термин был введен в научный оборот Е.В. Батаевой в 2015 г. при изучении условий единения социальных акторов в диверсифицированных полицентрических обществах [2, с. 1-218]. Опираясь на концепцию Ю. Хабермаса, автор формулирует понятие коммуникативной солидарности, возникающей в процессе общения социальных акторов, свободно и сознательно вступающих в диалог. Выделение нового типа солидарности Е.В. Батаева обосновывает содержательным отличием данного типа от механической и органической солидарности Э. Дюркгейма, заключающимся в наличии согласия между всеми участниками диалогической ситуации, которое становится эффектом мотивационно-целевой направленности социальных акторов на никем не навязываемое взаимопонимание. Такая формулировка поднимает вопрос о соотношении понятий «солидарность» и «согласие».

В научном и экспертном сообществах сегодня еще не существует доминирующего мнения о роли социальных медиа в формировании и механизмах коммуникативной солидарности [4]. На наш взгляд, исследование коммуникативной солидарности в социальных медиа необходимо осуществлять на основе методологии сетевого анализа (SNA). Основным отличием сетевого анализа от других подходов является концентрация исследовательского внимания на интеракциях внутри сети, а не на конкретных атрибутах и характеристиках изучаемого объекта.

На эмпирическом уровне использование методологии сетевого анализа при исследовании феномена коммуникативной солидарности позволяет определить основные структурные компоненты типичных коммуникативных практик в социальных медиа, осуществить их типологизацию и классификацию в контексте конкретных ситуаций. Кроме того, сетевой анализ обладает обширными возможностями для анализа текстовой информации, что является весьма важным для изучения коммуникативной солидарности в социальных медиа. Сетевой анализ текстов наполняет структуру коммуникативной солидарности содержательными характеристиками. В результате осуществления подобного анализа возможна фиксация новых механизмов социальных взаимодействий, влияющих на характеристики коммуникативной солидарности. Методология сетевого анализа позволяет существенно снизить исследовательские издержки при изучении как социальной солидарности в различных виртуальных образованиях, так и коммуникативных практик, типичных для сетевых сообществ.

Сетевой анализ, прежде всего, является исследовательским инструментом для описания и выявления характеристик сетевых структур на основе отношений между акторами. Методология сетевого анализа обладает всеми необходимыми процедурами, правилами кодировки и фиксации первичной информации, а также собственной внутренней логикой и строгими алгоритмами. Одним из существенных преимуществ данной методологии в исследовании коммуникативной солидарности являются строгие процедурные требования к сбору первичных эмпирических данных, которые в дальнейшем позволяют оценивать различные структурные свойства, такие, как плотность, центральность, кластеризация и т.д.

Опираясь на социологический инструментарий исследования солидарности и сплоченности, сетевая методология позволяет операционализировать и измерять качества коммуникативных структур и их элементов при помощи сбора и анализа эмпирических данных.

Кроме формализованного количественного подхода в сетевом анализе коммуникативной солидарности большим потенциалом обладает качественный подход, получивший свое развитие в соответствующей методологической парадигме. Качественный подход основан на детальном исследовании конкретных составляющих коммуникативной солидарности в виртуальной сфере, в которых описываются и детализируются характеристики коммуникативной структуры. В таком ракурсе сетевая методология используется в качестве основы социологического анализа исследуемого феномена, а

именно речь может идти о концептуализации в рамках сетевого анализа понятия «коммуникативная солидарность».

Современные исследования, осуществляемые в рамках сетевой парадигмы, связаны с обоснованием коммуникативной солидарности как инновационной формы социальных взаимодействий в рамках виртуальных сетевых структур. Сторонники сетевого подхода исходят из положения о том, что усложнение и дифференциация современных коммуникаций не могут осуществляться лишь силами традиционных медиа. Сетевое измерение предполагает вовлечение в процесс коммуникации большого количества институционализированных и неинституционализированных акторов и агентов, характеризующихся общими целями, интересами, ценностями и мотивами.

В целом, можно говорить о том, что информационные технологии, на развитии которых основывается формирование нового типа общества, способствовали изменению характера коммуникации. Особое место в данном процессе завоевали специфические интерактивные средства массовой коммуникации - социальные медиа, ежедневно используемые в качестве коммуникационного канала в современном обществе [5, с. 107-111]. Переход к дистанционным формам взаимодействия посредством сети Интернет порождает нелокализированную, виртуализированную форму солидарности, обладающую эфемерным и незакрепляемым характером, которая является фактором, усложняющим процесс установления коммуникативной солидарности. Таким образом, коммуникативная солидарность, и без того являющаяся более «неуловимым» и труднофиксируемым феноменом, нежели нормативная и структурная, требует разработки методологических и методических подходов к изучению данного феномена в социальных медиа.

Что касается прикладных аспектов исследования коммуникативной солидарности, то, по мнению авторов, наиболее перспективным направлением является изучение данной проблематики в контексте анализа информационных войн и протестного поведения современной молодежи.

Проблема использования виртуальных коммуникаций в сфере информационного противоборства в современном обществе является фундаментальной для современной социологии, политологии и военной теории. Широкое распространение интернет-технологий и интерактивных форм и механизмов коммуникации детерминирует появление и изменение общественных ценностей, продуктов и услуг, а также новых типов социальных конфликтов.

Для проверки гипотезы о существенной зависимости молодежи от типа коммуникации в виртуальных социальных сетях автором было проведено собственное эмпирическое исследование, основанное на сочетании качественной и количественной исследовательской методологии. В генеральную совокупность исследования вошли молодые люди в возрасте от 14 до 27 лет, являющиеся активными участниками деструктивных виртуальных объединений социальной сети «Вконтакте», локализованных на территории Северо-Кавказского федерального округа. К подобным объединениям отнесены виртуальные сообщества «зацеперов» - подростков и молодых людей, основным увлечением которых является передвижение снаружи транспортного средства (в основном поездов и электричек), а также футбольных фанатов. Необходимо отметить, что в выборочной совокупности исследования оказалось 93% представителей мужского пола и лишь 7% - женского. Очевидно, что это обусловлено спецификой подобных деструктивных увлечений.

Всего в исследовании приняли участие 219 респондентов, отобранных с помощью глубинных интервью с администраторами указанных сообществ. Основным методом проведения исследования явилось стандартизированное онлайн-интервью. В результате анализа материалов и результатов эмпирического исследования получены следующие основные выводы.

Участники всех молодежных онлайн сообществ говорят о том, что проводят в данных сообществах от 1 до 16 часов в неделю. Наиболее активными пользователями являются администраторы и лидеры данных виртуальных молодежных объединений.

Более половины всех участников исследования (61%) признались, что активно делятся с другими пользователями свидетельствами своих увлечений, то есть публикуют в социальных сетях фотографии и видеозаписи своих увлечений. Треть участников исследования указали, что не делают этого по соображениям безопасности и угрозы утечки личных данных.

В ходе анализа мотивов занятия подобными опасными увлечениями треть респондентов отметили, что делает это *«для ощущения свободы, получения адреналина, яркости жизни…»*. Четверть участников исследования из сообщества «зацеперов» указали, что увлекаются этим ради бесплатного проезда на железнодорожном транспорте. Самыми интересными ответами оказались мнения тех респондентов, кто не смог сразу однозначно ответить на предложенный вопрос. В ходе дальнейшего интервью выяснилось, что их привлекло яркое представление исследуемых субкультур в виртуальных социальных сообществах.

Треть участников исследования признались, что параллельно занимаются различными видами досуга, которые также связаны с риском, например парашютным спортом или скалолазанием.

Немногим более половины респондентов (59%) из числа футбольных фанатов отметили, что увлекаются этим не ради любви к игре, а для того чтобы регулярно участвовать в стычках с другими группировками или же правоохранительными структурами. У респондентов из этой подвыборки более интенсивные контакты в виртуальных сообществах и большое количество друзей. Более половины респондентов (58%) из числа футбольных фанатов признались, что они регулярно оказывались в полиции после стычек со своими оппонентами, о которых они заранее договариваются в социальных сетях.

Представители движения «зацеперов» утверждают, что все свои акции они координируют в виртуальных сообществах социального сервиса «Вконтакте».

Анализ материалов и результатов исследования показал, что среднее количество постоянных виртуальных контактов у каждого участника исследования составляет 119 пользователей. У футбольных фанатов это количество составляет 139 контактов.

Наиболее важным блоком инструментария исследования стали вопросы о роли виртуальных сетевых сообществ в распространении данных субкультур в молодежной среде. Опрошенные администраторы молодежных сетевых сообществ утверждают, что около 70% новых участников исследуемых движений до вступления в них не интересовались подобными увлечениями. Треть респондентов отметили, что их интерес к «зацепингу» и футболу возник независимо от влияния виртуальных сетевых сообществ.

Представленные данные говорят о том, что виртуальные сети в настоящее время являются одним из самых действенных факторов привлечения молодых людей к различным деструктивным молодежным субкультурам. И на этот факт следует обратить внимание, как научному и экспертному сообществам, так и органам государственной и муниципальной власти, а также специальным службам и правоохранительным органам.

Выявленные в ходе исследования тенденции в определенной мере дают ответ на фундаментальный вопрос о том, какую роль играют виртуальные социальные сети, медиа-коммуникации и Интернет в целом в резком повышении уровня сплоченности и солидарности в обществе.

Перспективным также представляется анализ коммуникативных потоков, распространяющих информацию пропагандистского содержания через виртуальные социальные сети в условиях локального вооруженного противостояния, с помощью методов визуализации социальных сетей и анализа тематических сетевых сообществ Facebook, Вконтакте, сетевых дневников наиболее активных блогеров.

Основные научные аспекты изучаемой проблемы связаны с осмыслением и описанием механизмов коммуникативной солидарности, возникающих и активно формирующихся с помощью виртуальных средств коммуникации у различных социальных групп, прежде всего подростков и молодежи.

В дальнейшем, в рамках теоретико-прикладных социологических исследований важным представляется изучение форм, способов и механизмов коммуникативной солидарности, подвергающихся активному информационному воздействию в социальных сетях и виртуальных массмедиа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арестова А.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Московского университета. Серия 14. гия. - 1996. - № 4. - С. 14-20.
2. Батаева Е.В. Условия коммуникативной солидарности в диверсифицированном обществе // Гуманитарный часопис. - 2015. - № 2. - С. 12-18.
3. Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз [электронный ресурс] // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267451215/Vladimirova.pdf
4. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. - Киев: Абрис, 1994. - 168 с.
5. Градюшко А.А. Социальные медиа в системе интернет-коммуникаций [электронный ресурс] // URL:http://elib.bsu.by/handle/123456789/16643
6. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.В. Модели влияния в социальных сетях // Управление большими системами: сборник трудов. - 2009. - № 29. - С. 207-284.
7. Дюркгейм Э. Определение морального факта // Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение. - М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2008. - С. 244-275.
8. Ксенофонтова И.В. Роль интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2012. - № 3 (109). - С. 114-116.
9. Лежебоков А.А., Сергодеева Е.А., Сергодеев В.А. Сетевые сообщества в социальных медиа Рунета. - Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. - 182 с.
10. Обухов К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». - 2008. - № 1 (55). - С. 107-110.
11. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе [электронный ресурс] // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/04/25/1268026819/Reutov.pdf
12. Семенов Е.Е. Виртуальная сетевая парадигма политической активности // Власть. - 2013. - № 4. - С. 34-38.
13. Усик Е.Ю. Социальная сеть как социологическая категория и социальный феномен // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. - 2011. - С. 82-85.
14. Шестёркина Л.П., Борченко И.Д. Основные характеристики новых социальных медиа // Ученые записки ЗабГУ. - 2014. - № 2 (55). - С. 107-111.
15. Шибут И.П. Комплексный подход к коммуникации в социальных медиа: ориентация на целевые группы [электронный ресурс] // URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/54530
16. Штейнберг И.Е. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социологические исследования. - 2010. - № 5. - С. 40-50.
17. Martin A., Wellman B. Social Network Analysis: An Introduction // Handbook of Social Network Analysis / P.Carrington, J. Scott, eds. Thousand Oaks (CA), 2011. - P. 11.
18. Haythomthwaite C. Strong, Weak, and Latent Ties and the Impact of New Media // The Information Society. - 2002. Vol. 18. - № 5. Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. - New York, 1958.
19. Martin A., Wellman B. Ibid. - P. 11.
20. Alterman J. The revolution will not be tweeted // The Washington Quarterly. - 2011. - № 34.
21. Boulianne S. Does internet use affect engagement? A meta-analysis of research // Political Communication. - 2009. - № 26.
22. George C. The internet's political impact and the penetration/participation paradox in Malaysia and Singapore // Media Culture and Society. - 2005. - № 27.
23. Norris P. Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the internet worldwide. - Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
24. Morozov E. The net delusion: The dark side of internet freedom. - New York, NY: Public Affairs, 2011.
25. Polletta F. Freedom Is an Endless Meeting: Democracy in American Social Movements. - Chicago: University of Chicago Press, 2011.

REFERENCES

1. Arestova A. N., Babanin L. N., Vojskunskij A. E. Kommunikacija v komp'juternyh setjah: psihologicheskie determinanty i posledstvija. [Communication in computer networks: psychological determinants and con-

sequences]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija = The Moscow University Herald. Series 14. Psychology. 1996. No 4. Pp. 14-20. (in Russ.).
2. Bataeva E. V. Uslovija kommunikativnoj solidarnosti v diversificirovannom obshhestve. [The conditions of communicative solidarity in a diversified society]. Gumanitarnyj chasopis = Humanitarian journal. 2015. No 2. Pp. 12-18. (in Russ.).
3. Vladimirova T. V. Setevye kommunikacii kak istochnik informacionnyh ugroz. [Network communication as a source of information threats]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267451215/Vladimirova.pdf (in Russ.).
4. Golovaha E. I., Panina N. V. Social'noe bezumie: istorija, teorija i sovremennaja praktika. [Social madness: history, theory and modern practice]. Kyiv: Abris, 1994. 168 p. (in Russ.).
5. Gradjushko A. A. Social'nye media v sisteme internet-kommunikacij. [Social media Internet-communications]. URL:http://elib.bsu.by/handle/123456789/16643 (in Russ.).
6. Gubanov D. A., Novikov D. A., Chhartishvili A. V. Modeli vlijanija v social'nyh setjah. [Models of influence in social networks]. Upravlenie bol'shimi sistemami: sbornik trudov = Management of large systems: proceedings of. 2009. No 29. Pp. 207-284. (in Russ.).
7. Djurkgejm Je. Opredelenie moral'nogo fakta. [The determination of the moral fact]. M.: TERRA - Book club, 2008. Pp. 244-275. (in Russ.).
8. Ksenofontova I. V. Rol' interneta v razvitii protestnogo dvizhenija. [The role of the Internet in the development of the protest movement]. Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny = Public opinion Monitoring: economic and social changes. 2012. No 3 (109). Pp. 114-116. (in Russ.).
9. Lezhebokov A. A., Sergodeeva E. A., Sergodeev V. A. Setevye soobshhestva v social'nyh media Runeta. [Network community social media you'll ever need]. Stavropol: publishing house of NCFU, 2016. 182 p. (in Russ.).
10. Obuhov K. N. Set' kak social'naja struktura: model' setevoj kommunikacii v teorii M. Kastel'sa. [Network as a social structure: a model of the network communication in the theory of M. Castells]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Filosofija. Psihologija. Pedagogika» = Bulletin of Udmurt University. A Series «Philosophy. Psychology. Pedagogy». 2008. No 1 (55). Pp. 107-110. (in Russ.).
11. Reutov E. V., Kolpina L. V., Reutova M. N., Bojarinova I. V. Jeffektivnost' social'nyh setej v regional'nom soobshhestve. [The effectiveness of social networks in regional communities]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/04/25/1268026819/Reutov.pdf (in Russ.).
12. Semenov E. E. Virtual'naja setevaja paradigma politicheskoj aktivnosti. [Virtual network paradigm of political activity]. Vlast' = Power. 2013. No 4. Pp. 34-38. (in Russ.).
13. Usik E. Ju. Social'naja set' kak sociologicheskaja kategorija i social'nyj fenomen. [Social network as a sociological category and social phenomenon]. Metodologija, teorija i praktika sociologicheskogo analiza sovremennogo obshhestva = The Methodology, theory and practice of sociological analysis of modern society. 2011. Pp. 82-85. (in Russ.).
14. Shestjorkina L. P., Borchenko I. D. Osnovnye harakteristiki novyh social'nyh media. [The main characteristics of the new social media]. Uchenye zapiski ZabGU = Scientific notes of ZabGU. 2014. No 2 (55). Pp. 107-111. (in Russ.).
15. Shibut I. P. Kompleksnyj podhod k kommunikacii v social'nyh media: orientacija na celevye gruppy. [An integrated approach to communications in social media: focus on the target group]. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/54530. (in Russ.).
16. Shtejnberg I. E. Paradigma chetyreh «K» v issledovanijah social'nyh setej podderzhki. [Paradigm four "K" in research in social support networks]. Sociologicheskie issledovanija = Sociological research. 2010. No 5. Pp. 40-50. (in Russ.).
17. *Martin A., Wellman B.* Social Network Analysis: An Introduction. Handbook of Social Network Analysis. P.Carrington, J. Scott, eds. Thousand Oaks (CA), 2011. P. 11.Carrington, J. Scott, eds. Thousand Oaks (CA), 2011.
18. *Haythomthwaite C.* Strong, Weak, and Latent Ties and the Impact of New Media. The Information Society. 2002. Vol. 18. № 5**.** Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. New York, 1958.
19. *Martin A., Wellman B.* Social Network Analysis: An Introduction. Handbook of Social Network Analysis. P.Carrington, J. Scott, eds. Thousand Oaks (CA), 2011. P. 11.Carrington, J. Scott, eds. Thousand Oaks (CA), 2011.
20. Alterman J. The revolution will not be tweeted. The Washington Quarterly, 34, 2011.
21. Boulianne S. Does internet use affect engagement? A meta-analysis of research. Political Communication, 26, 2009.
22. George C. The internet's political impact and the penetration/participation paradox in Malaysia and Singapore. Media Culture and Society, 27, 2005.
23. Norris P. Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the internet worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
24. Morozov E. The net delusion: The dark side of internet freedom. New York, NY: Public Affairs, 2011.
25. Polletta F. Freedom Is an Endless Meeting: Democracy in American Social Movements. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

Информация об авторе

Кучукян Артем Владиславович, аспирант, кафедра социологии, Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

Получена: 28.01.2017

Для цитирования: Кучукян А. В., Феномен коммуникативной солидарности в молодежных протестных сообществах. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author

Artem V. Kuchukyan, Postgraduate Student, Department of Sociology, North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia

Received: 28.01.2017

For citation: Kuchukyan A.V., Communicative phenomenon of solidarity in the youth protest communities. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

Образование и педагогические науки

Education and Pedagogical Sciences

УДК 316.3

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ГЕЛЯХОВА Лейла Абдуллаховна
Северо- Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России
г. Нальчик, Россия

АХМАТОВ Ахмат Хасанович
Институт права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

Leila A. GELYAKHOVA
North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia

Akhmat Kh. AKHMATOV
Institute of Law, Economics and Finance
H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University
Nalchik, Russia

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

ANTITERRORIST PUBLICITY IN THE EDUCATIONAL FIELD

В целях антитеррористической пропаганды регулярно проводятся лекции для студентов и школьников, которые сопровождаются демонстрацией специально подобранных хроникально-документальных фильмов о борьбе с терроризмом, проведением презентаций, тематических уроков, встреч с сотрудниками силовых структур, объектовых тренировок, конкурсов рисунков, сочинений и рефератов по антитеррористической тематике. Религиозным экстремизмом следует считать ярко мотивированную, прикрытую исключительно религиозными догмами деятельность, направленную на насильственное изменение существующего государственного строя, насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства. Также он направлен на возбуждение межнациональной розни и религиозной вражды, а одной из его приоритетных целей является стремление к замене действующего законодательства законами и канонами ислама с построением в перспективе исламского государства. По мнению большинства ученых и специалистов, религиозный экстремизм не приемлет возможности ведения переговоров, так как суть его есть применение силы и нетерпимость к инакомыслящим. Последователи религиозного экстремизма отличаются крайней нетерпимостью по отношению к тем, кто не разделяет их взгляды, включая единоверцев. Для них нет никаких правил, границ допустимого и недопустимого.

For the purposes of the anti-terrorist propaganda regularly lectures for students and pupils, who are accompanied by a demonstration of specially selected documentaries films on terrorism, presentations, thematic lessons, meetings with members of the security forces, site-training, drawing contests, essays and abstracts on antiterrorist topics. Religious extremism must be considered strongly motivated, veiled by religious dogmas only activities aimed at violent change of the existing state system, violent seizure of power, violation of the sovereignty and territorial integrity of the state. It also aims at inciting ethnic hatred and religious hatred, one of the priority objectives of which is the desire to replace the existing legislation by the laws and canons of Islam with the construction of an Islamic state in the long term. According to most scientists and experts, religious extremism does not accept the possibility of negotiating, as the essence of it is, the use of force and intolerance of dissent. The followers of different religious extremism extreme intolerance toward those who do not share their views, including co-religionists. For them there are no rules, acceptable and unacceptable limits.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, терроризм, сущность религиозного экстремизма, факторы возникновения экстремизма, методы борьбы с религиозным экстремизмом.

Keywords: religious extremism, terrorism, essence of religious extremism, causes of extremism, methods of combating religious extremism

Основными причинами и условиями, породившими религиозный экстремизм в нашей стране, стали многочисленные факторы, как то: социально-экономический кризис, высокий уровень безработицы, ослабление государственной власти и работы правоохранительных органов по профилактике борьбы с экстремизмом в учебных заведениях, резкое снижение жизненного уровня основной массы населения, снижение уровня культуры и образования в молодежной среде. Также нельзя оставить без внимания и этнический фактор, который, в свою очередь, достаточно часто становится причиной и способствует развитию конфликтов между приверженцами радикального течения ислама и представителями других конфессий за влияние в обществе [2]. Несовершенство современного федерального законодательства, религиозная неграмотность населения, проблемы в решении вопросов переселенцев и беженцев также являются факторами, способствующими распространению религиозного экстремизма в Российской Федерации. Еще одной причиной распространения религиозного экстремизма в нашей стране является бесконтрольный выезд молодежи в учебные заведения с религиозным уклоном. В основной массе это люди из неблагополучных семей, и именно они в большей степени подвержены воздействию экстремистской идеологии. Поэтому при разработке эффективной молодежной политики государству необходимо уделить особое внимание молодежи этой категории [1].

В настоящее время в целях противодействия и профилактики распространения идей религиозного экстремизма в структуре правоохранительных органов создаются многочисленные подразделения. Помимо этого, одним из эффективных методов противодействия распространению религиозного экстремизма является активная пропаганда духовно-нравственных ценностей и традиций наших народов. Но, несмотря на это, требуется комплексный подход к осуществлению противодействия религиозному экстремизму и терроризму. Необходимо, чтобы он включал в себя меры регулирующего, запретительного и профилактического характера. Анализ статистических данных показывает, что наиболее эффективными в этой области мерами являются совершенствование правовой базы, укрепление и совершенствование деятельности спецслужб, усиление борьбы с финансированием религиозно-политического экстремизма и терроризма.

Существует множество путей преодоления идеологии религиозного экстремизма, но из них выделяются следующие:

1) расширение взаимодействия правоохранительных органов, государственных органов власти и религиозных объединений по всем направлениям сотрудничества, а именно усиления борьбы с проявлениями религиозного экстремизма, борьбы с преступностью и в духовно-нравственном оздоровлении общества;

2) основное внимание в разработке стратегии противодействия религиозному экстремизму следует направить на улучшении социально-экономической ситуации в регионе;

3) принятие органами местного самоуправления мер по усилению внимания к воспитанию молодежи в духе религиозной и национальной толерантности;

4) в то же время необходимо перекрывать каналы финансирования экстремистов и террористов, как из местных источников, так и из-за рубежа.

В любом законе осуждаются военные и иные преступления, преследующие цель полного или частичного уничтожения групп людей на основе принадлежности к определенному этносу, нации, расе или религии. В Федеральном законе имеются правовые определения основных сопутствующих экстремизму понятий: экстремистская организация, символика экстремистской организации, экстремистские материалы. Понятие «символика экстремистской организации» вошло в Закон в результате изменений, внесенных в новую его редакцию от 25 декабря 2012 г. Понятие идеология экстремизма не выводится, но в тексте Закона есть большой материал, непосредственно относящийся к идеологической составляющей. Любое крупное идейное течение в большинстве случаев ставит перед собой решение политических задач. Ваххабизм не представляет собой исключение. Слагаемыми данного учения являются идеологический аспект (собственно идеология) и политический аспект (собственно политика). Идеология и политика образуют сложное сплетение. Идеология подчинена идеям политики, а ка - реализация идеологии. На каком-то этапе идеология в этом тандеме выступает как ведущий, а на каком-то как ведомый [3]. Идеология, как, впрочем, и политика, находится в постоянном диалектическом и динамическом развитии, ведя себя сообразно времени и месту. Наивысшая цель достигается тогда, когда идеология возвышается до государственного уровня. В этом случае трудно обозначить разделительную линию, которая отделяет идеологию от политики. Идеология возведена в ранг государственной политики, а политика творится «руками» идеологии. Те люди, которые недавно выступали в качестве идеологов, очень часто выступают в качестве политиков [4].

Противодействие религиозному экстремизму и терроризму является насущной проблемой в настоящее время не только в Российской Федерации, но и во всем мировом сообществе в целом и требует от органов государственной власти всех уровней принятия решительных, эффективных мер и согласованных действий, направленных на предупреждение и пресечение проявлений любых форм религиозного экстремизма. Для решения проблемы профилактики и борьбы с религиозным экстремизмом необхо-

димо в средствах массовой информации, мечетях и церквях, школах и высших учебных заведениях вести разъяснительную работу среди верующей молодежи, открывать им глаза на утопичность фанатической идеологии религиозного экстремизма, пропагандировать гуманистическую идеологию и ценности, основанные на терпимости к представителям всех конфессий. Существуют различные методы борьбы с религиозным экстремизмом: и политические, и психологические, и силовые, и информационные, и другие. Несомненно, в наши дни на первый план выходят силовые и политические формы борьбы.

Итак, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что с религиозным экстремизмом должны бороться как общество, так и государство. Методы этой борьбы у них различные: если государство должно устранить социально-экономические и политические обстоятельства, способствующие возникновению экстремизма, и пресекать незаконную деятельность экстремистов, то общество (в лице общественных объединений, средств массовой информации и обычных граждан) должно противодействовать религиозному экстремизму, противопоставляя экстремистским идеям и призывам гуманистические идеи политической и этнической толерантности.

Таким образом, на основе рассмотренных аспектов профилактических мер по предупреждению преступлений террористической направленности органами внутренних дел, приходим к следующим выводам:

- основными направлениями предотвращения и пресечения преступлений являются: 1) побуждение лица (группы лиц) к добровольному отказу от совершения преступления; 2) обеспечение защиты предполагаемых объектов преступного посягательства путем создания обстановки или условий, исключающих возможность реализации преступного замысла или доведения до конца начатого преступления; 3) активное вмешательство в развитие преступной деятельности;

- меры побуждения к отказу от реализации преступного замысла многообразны. Они основаны на использовании уголовно-правового института добровольного отказа от преступления, который служит для сотрудников органов внутренних дел эффективным средством удержания неустойчивых лиц от доведения замышляемого или начатого преступления до конца и, тем самым, предотвращения преступлений;

- побуждение к добровольному отказу осуществляется различными способами: непосредственным воздействием сотрудников органов внутренних дел на лиц, начавших совершение преступления; путем воздействия на них через старейшин, друзей и знакомых, представителей администрации учебных заведений, предприятий, учреждений и общественных организаций;

- выбор того или иного способа побуждения определяется конкретными условиями, в которых протекает начатая преступная деятельность, источниками получения информации, поведением террориста среди окружения в период подготовительной деятельности, характеристикой его личности. Во всех случаях побуждение к добровольному отказу имеет своей целью не принуждение, ибо такой отказ не будет добровольным, а развитие и возбуждение у лица различных мотивов, ведущих к отказу от продолжения и доведения до конца начатой преступной деятельности;

- предупреждение преступлений предполагает не пассивное ожидание, когда лицо, готовящееся к совершению преступления, откажется от посягательства, а активную деятельность, упреждающую его замысел и планы, а также составляющую суть предупредительной работы;

- основным методом побуждения террористов к добровольному отказу от продолжения и доведения до конца начатой преступной деятельности является убеждение в форме проведения с ним бесед воспитательно-профилактического характера, советов. Беседы следует проводить тактично, акцентируя внимание лица на его поведении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авцинова Г.И. Экстремизм политический // Политическая энциклопедия. В 2 томах. - М., 1999. - Т. 2.
2. Кочесокова З.Х., Геляхова Л.А. Феномен религиозного фундаментализма: особенности формирования и проявления в общественном сознании
3. // Новое слово в науке: перспективы развития. - 2015. - № 4(6). - С. 231-232.
4. Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х., Геляхова Л.А. Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел по предотвращению экстремистских проявлений / В сб.: Право и государство: проблемы методологии, теории и истории / Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2016. - С. 226-229.
5. Кочесокова З.Х., Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. Некоторые особенности религиозного фундаментализма // Новое слово в науке: перспективы развития. - 2015. - № 4(6). - С. 230-231.

REFERENCES

1. Avtsinova G.I. Political extremism. Political Encyclopedia. In 2 volumes. M., 1999. T. 2.
2. Kochesokova Z.H., Gelyahova L.A. The phenomenon of religious fundamentalism: features of formation and manifestations in the public consciousness. Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitija. 2015. № 4(6). pp. 231-232.
3. The new word in science: prospects for development. 2015. № 4(6). Pp. 231-232.
4. Mashekuasheva M.H., Kochesokova Z.H., Gelyahova L.A. Current issues of the internal affairs bodies for the prevention of extremism. In: Law and the state: problems of methodology, theory and history of the V All-Russian scientific-practical conference. 2016. Pp. 226-229.
5. Kochesokova Z.H., Gelyahova L.A. Mashekuasheva M.H. Some features of religious fundamentalism. The new word in science: prospects for development. 2015. № 4(6). Pp. 230-231.

Информация об авторе:

Геляхова Лейла Абдуллаховна, преподаватель, кафедра организации правоохранительной деятельности, Северо- Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, лейтенант полиции,
г. Нальчик, Россия

Ахматов Ахмат Хасанович, магистрант, кафедра уголовного права и криминалистики,
Институт права, экономики и финансов, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик, Россия

Information about the author:

Leila A. Gelyakhova, Lecturer, Department of Organization of Law Enforcement, North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Lieutenant of police,
Nalchik, Russia

Akhmat Kh. Akhmatov, Master Student, Department of Criminal Law and Criminalistics, Institute of Law, Economics and Finance, H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Nalchik, Russia

Получена: 16.01.2017

Received: 16.01.2017

Для цитирования: Геляхова Л. А., Ахматов А. Х., Антитеррористическая пропаганда в образовательной сфере. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

For citation: Gelyakhova L. A., Akhmatov A. Kh., Antiterrorist publicity in the educational field. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

УДК 81'42 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ГРИГОРЕНКО Ирина Николаевна
Кубанский социально-экономический институт
г. Краснодар, Россия
irenegrigorenko@mail.ru

ДАЦКО Татьяна Федоровна
Кубанский социально-экономический институт
г. Краснодар, Россия

Irina N. GRIGORENKO
Kuban Social-Economic Institute
Krasnodar, Russia
irenegrigorenko@mail.ru

Tatiana F. DATSKO
Kuban Social-Economic Institute
Krasnodar, Russia

ЭФФЕКТИВНОЕ ПОПОЛНЕНИЕ ЗНАНИЙ В ОПОРЕ НА ГИПЕРТЕКСТ

EFFECTIVE KNOWLEDGE ACQUISITION THROUGH HYPERTEXT

Непрерывное образование - важная часть жизни современного человека. Эффективность пополнения знаний во многом зависит от слаженной работы как обучаемого, так и обучающегося, направленной на рациональный отбор необходимого материала. Основная задача в этом случае - это отработка методик, которые позволяют самостоятельно находить, использовать и совершенствовать необходимые знания на практике. Обучение студентов на примере гипертекстов методике применения важных для современных специалистов знаний - цель настоящего исследования. Гипертекст рассматривается как имманентное выражение текста, который срастается с последним. Такое единение обеспечивает когнитивные и коммуникативные возможности рационального извлечения информации, создания на ее основе нового текста и использования его для решения поставленных задач. Как показывает опыт педагогической работы в вузе, такой подход требует определенной подготовки, как со стороны преподавателя, так и студента. Он осуществляется с помощью нескольких взаимосвязанных звеньев: понимание сути состояния проблемы; определение задач; выявление трудностей для их практического решения; конкретизация трудностей; поиск решений, связанный с поставленными задачами; отбор выявленных решений с точки зрения актуальности и практичности. В процессе обучения методике поиска назначения необходимой информации в гипертексте преподавателем совместно со студентом изначально выстраивается стратегия, направленная на интенциональное коммуникативное чтение, вырабатывается дизайн-мышление.

Ключевые слова: непрерывное образование, рациональный отбор языкового материала, работы над гипертекстом, интенциональное, коммуникативное чтение, тем-емы, концептосфера текста.

Lifelong education becomes essential part of a working career. Effective learning depends on multiple factors, the most important of which is replicating coordinated work of a teacher and students, aimed at rational choice of necessary language material, its training and creating new texts. The main purpose of learning in this case is perfecting methods of independent choice and implementing acquired knowledge into practice. Teaching students to deal with hypertexts, providing authentic feedback is the aim of this paper. Hypertext is considered to be an immanent text expression, fused with the latter. It provides cognitive and communicative possibilities of rational information retrieval, creating a new text or texts on the basis of acquired information and its application into practice. Teaching experience in higher educational institution shows that such approach demands teacher/student special training. Its implementation is based on some interconnected tasks: understanding unmet needs, problem statement, defining problem difficulties for their solution, framing difficulties, generating solutions connected with framed difficulties, testing and refining solutions. Strategy aimed at intentional communicative reading and design thinking is created in the process of searching and identifying acquisition methods by teacher and students.

Keywords: lifelong education, rational choice of language material, deal with hypertext, intentional communicative reading, thememes, concept environment of the text

Непрерывное образование становится неотъемлемой частью жизни современного человека. Реализация эффективности постоянного пополнения знаний заключается не в увеличении объемов информации, ведущих к умственным перегрузкам, а в слаженности действий как обучаемого, так и обучающего, направленных на рациональный отбор и целенаправленное усвоение необходимого для совершенствования знаний материала. В связи с этим одна из основных задач обучения студентов в зе - это подбор и отработка методик, которые позволяют самостоятельно находить и применять новые знания на практике. Цель данной статьи показать на примере текстов, размещенных в Интернете, каким образом возможно подготовить современного специалиста к самостоятельному получению и созданию новых знаний. Рассмотрим это на примере обращения студента к гипертексту.

Отметим, что электронные формы средств коммуникации (персональные компьютеры, смартфоны, электронные планшеты и т.д.) дали новый импульс развитию гипертекста и гипертекстовых отношений. Как показывают исследования, гипертекст - это имманентное выражение текста, который, срастаясь с последним, обеспечивает когнитивные и коммуникативные особенности функционирования. Они обладают функцией выражения мотивационно-интенциональной сущности текста. Ее высшим содержательным параметром является «интенциональность», которая актуализирует-

ся в виде частных параметров «предписание», «описание» и «оценка», которые далее подразделяются на иллокутивности [1]. Среди достоинств такого способа организации информации, как правило, приводятся следующие: а) активная позиция читателя, в определенной мере стирание границ между автором и читателем; б) способность гипертекста к постоянным обновлениям и изменениям; в) отсутствие традиционных начала и конца; г) децентрализованность; д) демократичность (Дж. Ландау, Р.А. Лэнхэм, Дж.Д. Болтер и др.). Все это наталкивает на мысль, что гипертекст, развиваясь в тесной взаимосвязи с потребностями общества в творческом мышлении, затрагивает глубинные интересы индивида в эффективности коммуникации. Последнее предусматривает рациональный отбор, целенаправленное усвоение необходимой информации, а также создание новых знаний для определенных практических целей. Как показывает опыт педагогической работы в вузе, такой подход требует определенной подготовки, как со стороны преподавателя, так и студента. Он осуществляется с помощью нескольких взаимосвязанных звеньев: понимание сути состояния проблемы; определение задач; выявление трудностей для их практического решения; конкретизация трудностей; поиск решений, связанный с поставленными задачами; отбор выявленных решений с точки зрения актуальности и практичности.

Имеется в виду, что в процессе обучения методике поиска и обозначения необходимой информации в гипертексте, преподавателем совместно со студентом изначально выстраивается стратегия, направленная на интенциональное коммуникативное чтение. Тем более что по сравнению с традиционным текстом гипертекст отличает «демократичность»: предполагается, что автор предоставляет читателю свободу выбора в работе с представленной на экране информацией. Обратим внимание, что свобода выбора у профессионалов всегда связывается с конкретными потребностями и предполагает определенное дизайн-мышление (design thinking) [2]. Но действительно ли гибкость гипертекста, умение «подстроиться» под конкретного читателя, множественность путей прочтения предоставляют эту свободу?

Представляется, что для ответа на этот вопрос необходимо обозначить основные параметры организации гипертекста. Как показало исследование, главными параметрами являются парадигматические и синтагматические отношения, устанавливающиеся между информационными единицами (составляющими) гипертекста.

Поскольку парадигматические связи - перспектива развития темы гипертекста, обратимся сначала к языковым особенностям гипертекста, как связного, тематически обоснованного, логически выстроенного текста. Отметим возможность существования нескольких тем, построенных согласно текстовой иерархии. Тем более что целесообразность обращения к парадигматическим составляющим диктуется наличием темем их формирующих. Под тememами понимаются тематически важные номинанты, репрезентирующие и актуализирующие совокупность семантико-понятийных областей, составляющих концептосферу текста и гипертекста, с учетом гносеологического подхода к их интерпретации. В целях более адекватного и экономного терминологического употребления, И.Н. Григоренко был введен термин «темема», деривация которого соответствует общепринятой тенденции номинации лингвистических терминов: использование суффикса -ема позволяет включить данный термин в систему лингвистических знаков типа: фонема, морфема, граммема, лексема, синтаксема, аббревема и т.д. [3].

Необходимо обратить внимание, что тематическая составляющая текста формируется не только с помощью вербальных знаков, но и визуальных образных знаков, представленных в гипертексте включенными мультимедиа (англ. *multimedia* - многокомпонентная среда). Она позволяет не только объединить в составе гипертекста визуальную информацию (текст, графика, анимация, видео) и звуковое сопровождение (аудиоинформация), но и формирует тememы. Именно тememы, как показывают наши наблюдения, оказывают влияние на то, что находится в зоне внимания автора, фиксируют важную для запоминания информацию.

Определенная повторяемость темем перемещает фокус внимания адресата, позволяет обнаружить и выделить наиболее значимую по мнению адресанта инфор-

мацию, способствует организации дизайн-мышления. Помогает сконцентрироваться на сути проблемы и ее состоянии в момент поиска; скорректировать формулирование задач; конкретизировать трудности их решений; отобрать выявленные с помощью темем, возможные, наиболее релевантные варианты с точки зрения их актуальности и практичности. Необходимо отметить, что в качестве темем в гипертекстах могут выступать имена собственные и их производные, а также относящиеся к ним лексико-семантические синонимы.

Соответственно, адресат, работая с гипертекстом, занимается выявлением сути состояния проблемы; определением задач, трудностей для их практического решения, их конкретизацией, опираясь на общие для информационных единиц гипертекста значимые темемы. Таким образом, обнаруживая сходство между составляющими гипертекста, пользователь определяет, является ли данная страница Интернета релевантной (или частично релевантной). Если искомые темемы не найдены, то информация становится для пользователя нерелевантной и означает завершение работы с материалом или определенной его частью. Таким образом, парадигматические связи в данном исследовании связываются с перспективой развития темы, ее прогнозом, что оправданно с точки зрения обучения извлечению информации.

Перейдем теперь к рассмотрению синтагматических связей, отметим их влияние не развитие темы. Синтагматические связи - способ развития темы. С методической точки зрения они используются для осмысления и освоения полученной адресантом информации. Начнем с рассмотрения наиболее важных моментов. Обратим внимание, что в такой проекции гипертекста происходит знакомство с темой или темами, создающими предпосылки для мультимедийной презентации. Приведем пример: *«A* new *generation of artists* is beginning to produce *virtual-reality artworks* - some for *display in galleries*, others freely accessible online - that plunge viewers into fully articulated spaces» [4].

Так, в начале гипертекста «Virtual Reality Has Arrived in the Art World. Now What?» - («Наступило время виртуальной реальности в мире искусства. Что дальше?» (здесь и далее перевод наш. - *И.Н. Григоренко, Т.Ф. Дацко)*, выделенные нами курсивом темемы *generation of artists, virtual-reality artworks, display in galleries* не только **осуществляют знакомство** с основной темой искусства виртуального дизайна, но и готовят реципиента к восприятию предложенных к изучению автором произведений с помощью мультимедиа. Иными словами, адресат отслеживает содержание текста, опираясь на вышеозначенные темемы. Попутно происходит **уточнение** задач, стоящих перед адресатом, что неизменно связывается с выявлением трудностей для их практического решения, а также с их **конкретизацией**. Приведем пример. «The Renwick Gallery, an institution of the Smithsonian in Washington, recently released a virtual reality re-creation of its exhibition “Wonder,” a selfie-magnet of a sculpture show from 2015 to ’16» [там же]. Темемы, которые использовались автором во введении, - *generation of artists, virtual-reality artworks, display in galleries* - дают возможность обратить внимание на пути практического решения проблемы. Ориентирами для этого выступают синонимы вышеназванных темем, актуализирующие совокупность семантико-понятийных областей, таких как: *a virtual reality re-creation, exhibition, a sculpture show.* Последние требуют не только конкретизации, но и **аргументации**, что и происходит в представленной автором мультимедийной среде (тексте, графике, анимации). Задача адресата - отследить представленную автором аргументацию и сделать **обобщение** согласно уточненным задачам. Иными словами, создать свой текст, опираясь на скорректированные задачи **обобщения** прочитанного. Последнее достигается на уровне осознания адресатом употребления темем в той синтагматической конструкции, которая выполняет ту же коммуникативную функцию, что и аргументированное обобщение, осуществляемое адресантом. Например, «That was the great lesson of modernism: Art is more than mere illusion, and it gains further meaning by pushing media to the limits of their capabilities. Virtual reality, by contrast, is a medium without limits — a medium that tries to parallel life itself» [там же] - (Это большой урок модернизма: Искусство - это не просто иллюзия, оно приобретает все большее значение, полностью окунаясь в медиа. В то время как виртуальная реальность, напротив, предстает средой без границ - средой,

которая пытается корректировать жизнь). Таким образом, опытным адресатом делается обобщение, что понятия *generation of artists, virtual-reality artworks, display in galleries, a virtual reality re-creation, exhibition, a sculpture show, modernism, art* и другие, употребленные автором в тексте, - это темемы, представляющие лексико-семантические синонимы предметной области искусства, но которые непосредственно связаны с реальностью. В этом случае именно они являются ключом к пониманию сути состояния проблемы; нацеливают на поиск решений, связанных с поставленными задачами, а также на отбор выявленных вариантов решений с точки зрения актуальности и практичности. Данный тип отношений адресата и адресанта представляет следующие способы развития темы внутри мультимедийного пространства гипертекста:

1) *вводящие* - знакомящие с темой или темами, создающие предпосылки для презентации мультимедийной среды;

2) *уточняющие* - конкретизирующие тему/темы, позволяющие агрегировать и конструировать информацию согласно корректируемым задачам;

3) *расширяющие* - создающие возможности для пользователя перемещаться не только внутри одного мультимедийного пространства, но и переходить в различные среды: текстовую, графическую, анимационную, видео или пропускать частично или полностью некоторые из них;

4) *обобщающие* - придающие завершающий характер той или иной теме или подтеме.

Выявленная организация гипертекста, особый тип отношений адресанта и адресата, указывают на достаточную самостоятельность реципиента, но с определенными ограничениями. Это объясняется тем, что, пользуясь свободой выбора, реципиент всегда связан конкретными потребностями, которые определяют дизайн мышления в зависимости от задач, стоящих перед ним, с одной стороны. С другой стороны, допустимость выбора диктуется самим гипертекстом, предлагающим искомые варианты решения при помощи мультимедийного многообразия, включающего не только визуальные изображения, но и звуковое сопровождение. Находящийся на экране «строительный материал» предоставляет возможность пользователю самому создать текст, с точки зрения актуальности и практичности в опоре на темемы. Именно последние, как показывает практика работы со студентами, способствуют как персонализации, так и интериоризации получаемых результатов. Таким образом, происходит не только самостоятельный поиск информации, но и формирование адресатом суждений, касающихся состояния проблемы, ее решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дацко Т.Ф. Конструктивная интерпретация текстовых формаций. - Краснодар, 2016.
2. Brown T. Change by design. Harper Collins, 2009.
3. Григоренко И.Н. Коммуникативные приемы использования вербальных и паравербальных знаков текстового пространства // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. - 2013. - № 1-2 (57-58). - С. 23-28.
4. Farago J. [Электронный ресурс] -
5. https://www.nytimes.com/2017/02/03/arts/design/virtual-reality-has-arrived-in-the-art-world-now-what.html?rref=collection%2Fsectioncollection%2Fdesign&action=click&contentCollection=design&region=rank&module=package&version=highlights&contentPlacement=1&pgtype=sectionfront) (дата обращения: 03.02.2017).

REFERENCES

1. Datsko T.F. Constructive interpretation of text formations. Krasnodar, 2016.
2. Brown T. Change by design. Harper Collins, 2009.
3. Grigorenko I.N. Communicative usage of verbal and non-verbal signs in the text.Economics. Law. Publishing. Bulletin of Kuban Socio-Economic Institute. 2013. №1-2 (57-58). Pp. 23-28.
4. Farago J. Available at:

5. https://www.nytimes.com/2017/02/03/arts/design/virtual-reality-has-arrived-in-the-art-world-now-what.html?rref=collection%2Fsectioncollection%2Fdesign&action=click&contentCollection=design&region=rank&module=package&version=highlights&contentPlacement=1&pgtype=sectionfront) FEB. (accessed: 3, 2017).

Информация об авторе:

Григоренко Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский социально-экономический институт,
г. Краснодар, Россия
irenegrigorenko@mail.ru

Дацко Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский социально-экономический институт,
г. Краснодар, Россия

Получена: 07.01.2017

Для цитирования: Григоренко И.Н., Дацко Т.Ф., Эффективное пополнение знаний в опоре на гипертекст. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author:

Irina N. Grigorenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Kuban Social-Economic Institute,
Krasnodar, Russia
irenegrigorenko@mail.ru

Tatiana F. Datsko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Kuban Social-Economic Institute,
Krasnodar, Russia
irenegrigorenko@mail.ru

Received: 07.01.2017

For citation: Grigorenko I.N., Datsko T.F., Effective knowledge acquisition through hypertext. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ДАНЬКО Ольга Александровна
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
г. Москва, Россия
olgadanko@bk.ru

Olga A. DANKO
G.V. Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia
olgadanko@bk.ru

МУЛЬТИВЕРСНАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ УЧАЩЕГОСЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

MULTIVERSA MODEL OF PERSONALITY OF A STUDENT IN MODERN SOCIETY

Современный информационный социум обладает огромным потенциалом в направлении развития методов, а также средств и различного рода технологий получения, обработки, а также распространения информации. Однако при этом в постистинном (post-truth) социуме присутствуют, помимо социальных, также и личностные эффекты, которые существенным образом негативно влияют на макропроцесс обучения. Наиболее значимые из этих эффектов связаны с так называемым феноменом «распределенного сознания», связанного, в частности, с развитием гипертекстовой формы представления информации. По нашему убеждению, теоретической моделью, которая может описать не только этот, но и другие эффекты, является мультиверсная модель, признающая существование целой системы различных «миров» (партнерский, горизонтальный тип). Данная научная статья посвящена проблематике изучения различных исследовательских работ, в которых изучаются различные феномены, аспекты и проявления современного информационного социума, в том числе такие, которые отрицательно воздействуют на личность учащегося и на учебный процесс. Стоит отметить, что в данной научной статье также рассматривается теоретическая модель, которая в определенной мере описывает зафиксированные выше феномены. Необходимо особо отметить, что, используя данную идеально-типическую модель, появляется возможность обозначить и измерить самые разные трудности, которые возникают на разных стадиях и этапах процесса обучения любой разновидности, что позволяет получить исходную установку для разработки и формирования крайне эффективной методики обучения знаниям в абсолютно разных сферах, секторах и областях человеческого знания.

Modern information society has great potential towards the development of methods and tools and various technologies for receiving, processing, and dissemination of information. However, in this post-truth society there are also social and personal effects that negatively significantly affect the entire learning process. The most significant of these effects are associated with the phenomenon of "distributed consciousness" is associated in particular with the development of hypertext in presentation of information. A model that can describe this and other effects is multiversa model that recognizes the existence of "equal" the whole system of different "worlds". This article is devoted to the study of various scientific works in which study various phenomena and aspects of the modern information society, including those that negatively impact the learner and the learning process. The article also discusses a model which to some extent describes these phenomena. Here we note that by using this model, there is an opportunity to see and appreciate the different challenges that appear at different stages of any learning process that allows obtaining the original installation for the design and development of effective methods of teaching knowledge in various spheres and fields of human knowledge.

Ключевые слова: коммуникация, информационный социум, постправда, знак, знаковая система, процесс обучения, теоретическое моделирование.

Keywords: communication, information society, post-truth, sign, sign system, learning process, theoretical modeling

Научные исследования отечественных и зарубежных ученых: И.Д. Иванова, К.К. Колина, И. Левина, С.Л. Катречко [4], М.И. Шутиковой [1] - многократно продемонстрировали, что определяющим фактором современного общества является информация, при этом ключевую роль играет именно коммуникативный компонент, коммуникативный аспект, коммуникативный фактор. Другая аналитическая традиция представлена теорией структурализма, которая особое внимание обращает на модели, являющиеся ключевыми элементами социокультурных явлений; характеристики и параметры внутренней структуры социокультурных феноменов; систему взаимосвязи между различными социокультурными объектами в рамках культурных макросистем; институциональную интерпретацию опыта и т.д. [7]. Синергетический подход к анализу образования сегодня также крайне востребован. Так, отечественные исследователи А.О. Кошелева и Н.В. Ганжа, проанализировав обращения слушателей курсов повышения квалификации к различным разделам специализированного web-ресурса, пришли к важному умозаключению о колоссальной значимости проблемы актуализации учебного материала. По их мнению, с данной сложной задачей способно справиться внедрение синергетического подхода в процесс обучения [8].

Мы считаем, что проблемы современного отечественного образования нельзя анализировать вне социально-политического и культурно-исторического контекста предмета. Свидетельством тому является факт отражения этих проблем в ряде инно-

вационных междисциплинарных штудий [9; 10; 11]. Так, российский политолог Т.А. Халилов пишет: «Проблема гражданской идентичности в специфике развития современного мира приобретает особый смысл, оставаясь одной из важнейших тем в контексте дискурса о будущем России. В настоящее время, в условиях модернизации всех сфер жизни российского общества, одной из основных задач политического развития является формирование чувства социальной ответственности граждан, гражданской зрелости. Наука, культура, образование при этом ориентированы на инициативное и продуктивное решение задач психолого-педагогического обеспечения социально-экономических и политических преобразований» [12, с. 398]. С данной точкой зрения солидарен известный исследователь проблем истории образования, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета В.А. Штурба: «Можно с полной уверенностью заявить, что <…> социокультурные исследования будут наиболее востребованными и актуальными в силу абсолютной важности конструирования собственно российской идентичности граждан, эффективность которого будет зависеть именно от состояния образовательного пространства посткризисной России» [13, с. 242].

В целях реализации стоящих перед нами исследовательских задач считаем важным сконцентрироваться на суждении о том, что человек более просвещен и информирован, если он принимает участие в широком числе различных коммуникаций. А всякая коммуникация - это, прежде всего, трансляция символов.

В современном постистинном (*post-truth*) обществе исключительную роль приобретает понятия «знака» и «знаковой системы» как упорядоченной совокупности семантических, символических, нарративных знаков. В этом случае в информационном социуме фундаментальное значение придается не столько вещам, сколько их «образам». Это, в свою очередь, ведет к возникновению, воспроизводству и функционированию феномена «распределенного сознания», при котором реально практикуется сразу целый спектр «возможных миров» [1].

Эта информационная, постистинная реальность оказывает существенное влияние на многие общественные процессы и формальные и неформальные институты, в том числе и на процесс обучения и образования, что, в частности, показано в докторском исследовании М.И. Шутиковой [1]. Данный формат влияния в самом общем виде можно обозначить описанным ниже образом.

В данном случае системообразующим элементом любой методической системы является содержание обучения. В самом общем ракурсе содержание обучения представляет собой совокупность организованных знаков, то есть семиотический объект. Это позволяет рассмотреть его в трех плоскостях по так называемому методу «треугольника Фреге» (рис. 1) [1].

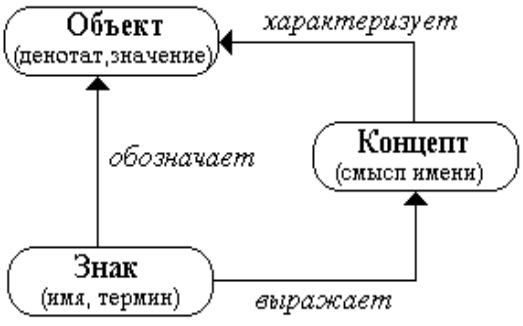

Рис.1. Треугольник Фреге [1].
Fig. 1. Frege triangle [1].

Треугольник Фреге фиксирует три фундаментальные составляющие нашего мировосприятия: реальные объекты - денотаты (в самом широком понимании термина

«реальность»), знаки, замещающие эти объекты, и смысловые составляющие этих знаков [2; 6].

Как показывает образовательно-педагогическая и научно-исследовательская практика, успешность обучения во многом зависит именно от сбалансированного предъявления обучающимся индивидам всех трех выявленных компонентов. Однако в реальности обучение в существенной мере редуцируется к освоению различных знаковых систем без существенного развития их ценностно-смысловой составляющей и тем более предъявления реальных объектов, что не позволяет получить желаемый результат в обучении [2; 6].

Для более корректного и целостного понимания воздействия современного информационного, постистинного социума на обучаемого целесообразно, хотя бы в начальном приближении, сформулировать рабочую аналитическую модель его личности, учитывающую обозначенные выше особенности знаковых систем.

Основной подход к выбору такой модели заключается в том, что в рамках новейших коммуникативных систем знаковые подсистемы организуются преимущественно в формате гипертекста (рис. 2). При этом каждый фрагмент этой структуры является самостоятельной системой, знаковой совокупностью. Широкое распространение именно этой структуры привело к возникновению, воспроизводству и функционированию эффекта «распределенного сознания».

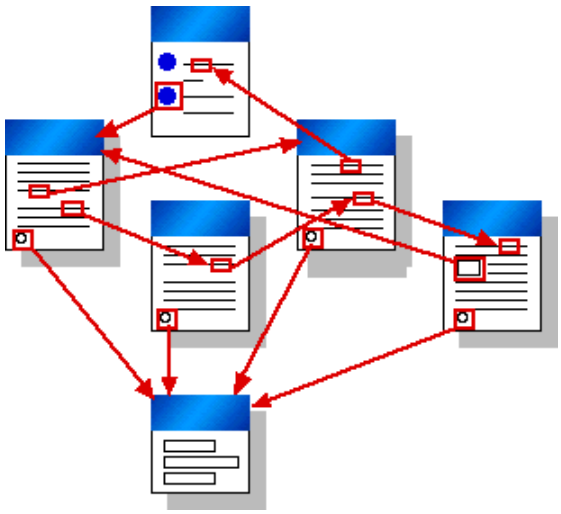

Рис.2. Гипертекст как основной способ построение современных систем коммуникации [5].

Fig. 2. Hypertext as the main way to build modern communication systems [5].

Так, опираясь на значимые для нашего исследования работы С.Л. Катречко [4], В.М. Розина и др., можно предположить, что описание данного эффекта (и ряда других эффектов информационного, постистинного социума) может быть осуществлено в рамках так называемой многомировой (мультиверсной) модели, сформулированной в 1954 г. американским физиком Х. Эвереттом и нашедшей широкое применение в различных научных областях.

Согласно данной аналитической модели в реальности, а не только в воображении существует целый спектр равноправных «миров» [5]. Именно такая модель, по нашему убеждению, способна отразить существенные черты современного учащегося, в частности, эффект «распределенного сознания».

Концентрируя свое внимание на данной аналитической конструкции, можно осмыслить ключевые трудности современного процесса обучения. Например, наличие множества равноправных «миров» делает достаточно трудным для учащихся понимание того, что «правильно», а что «не правильно» (ориентация в бинарной связке «хо-

рошо - плохо» становится затрудненной), поскольку эти этические категории требуют привлечения «настоящей» реальности.

Именно привлечение реальности («денотата» - в схеме Фреге) дает возможность представить мультиверс как совокупность различных моделей реальности. Это дает исходную установку для развития методики обучения в разных областях, в частности в области обучения иностранным языкам.

При разработке данного подхода мы опирались на принципы формирования современной усложняющейся информационной картины мира, сформулированные, в частности, в диссертации Н.В. Матвеевой, которые очень близки нашим методическим установкам и представлениям [4].

Первый и главный, с точки зрения Н.В. Матвеевой, принцип формирования научной системно-информационной картины мира является принцип мотивации познания. Данный принцип можно по-другому назвать принципом добровольной осознанной мыслительной деятельности (осознанного познания). С помощью специальных заданий необходимо инициировать осознанную мыслительную деятельность учащихся, направленную на самопознание, на понимание собственного ответственного отношения к миру [3].

Второй принцип представлен правом на собственное миропонимание. Это важнейший нравственно-этический момент при формировании системно-информационной картины мира: признание преподавателем права учащегося на собственное миропонимание [3]. С другой стороны, преподаватель подчеркивает, что всякое миропонимание носит системный характер.

Третий элемент может быть обозначен в качестве принципа «пронизывающего» системного и сравнительного анализа [3]. Это основополагающий, с точки зрения Н.В. Матвеевой, принцип «методики формирования системно-информационной картины мира» [3].

Системный анализ, представление структур в виде отдельных элементов - это своего рода методический способ (или прием), когда педагог постепенно подчеркивает, что мир является совокупностью взаимосвязанных элементов. При этом принцип системного анализа должен как бы проникать во все занятия, независимо от темы или предмета, который изучается в данный момент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шутикова М.И. Построение содержания общеобразовательного курса информатики на основе развития концепции коммуникативной деятельности / Дис. … д-ра пед. наук. - М., 2009.
2. Данько О.А. Влияние феноменов современного информационного социума на процесс обучения // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. - М. - 2012. - № 2-40. - С. 93-95.
3. Матвеева Н.В. Ролевые игры на занятиях по английскому языку при обучении устному профессиональному общению (среднее специальное учебное заведение) / Дис. … канд. пед. наук. - М., 2004.
4. Катречко С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека / [Электронный ресурс] - http://iph.ras.ru/page50056493.htm (дата обращения: 20.02.2017).
5. Материалы интернет-портала: www.students.cs.tamu.edu (дата обращения: 20.02.2017).
6. Данько О.А. Развитие модельных представлений как средство интеграции учащихся в современный информационный социум / Автореф. дис. … канд. пед. наук. - М., 2012. [Электронный ресурс] - http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-razvitie-modelnyh-predstavleniy-kak-sredstvo-integratsii-uchaschihsya-v-sovremennyy-informatsionnyy-sotsium (дата обращения: 20.02.2017).
7. Быкасова Л.В., Подберезный В.В., Панова В.А. Теория структурализма о диверсификации и модернизации современного образования // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/1). - С. 121-125. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-121-125.
8. Кошелева А.О., Ганжа Н.В. Педагогическое проектирование внедрения синергетического подхода в обучение слушателей курсов повышения квалификации // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/1). - С. 145-151. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-145-151.

9. Халилов Т.А. Категория «модернизация» в контексте политологических исследований // Теория и практика общественного развития. - 2012. - № 10. - С. 216-218.
10. Халилов Т.А. Рецензия на книгу известного историка Н.Ф. Бугай о казаках юга России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - Т. 7. - № 6-2. - С. 355.
11. Халилов Т.А. Становление гражданского общества в имперском контексте России: тренды и проблемы // Сравнительная политика. - 2017. - № 8(1). - С. 164-168. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-164-168.
12. Халилов Т.А. Гражданство как социально-политическая практика: актуальные модели // Теория и практика общественного развития. - 2012. - № 12. - С. 398-401.
13. Штурба В.А. Рецензия на книгу Цзинь Ли «Культурные основы обучения: Восток и Запад» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - № 8(1/2). - С. 241-242. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-241-242.

REFERENCES

1. Shutikova M.I. Postroenie soderzhanija obshheobrazovatel'nogo kursa informatiki na osnove razvitija koncepcii kommunikativnoj dejatel'nosti. [Construction of the content of the general educational course of computer science based on the development of the concept of communicative activity]. Dis. … d-ra ped. nauk. Moscow, 2009.
2. Dan'ko O.A. Vlijanie fenomenov sovremennogo informacionnogo sociuma na process obuchenija. [Influence of the phenomena of the modern information society on the learning process]. Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I.Vernadskogo = Questions of modern science and practice. V.I. Vernadsky University. Moscow, 2012, № 2-40. Pp. 93-95.
3. Matveeva N.V. Rolevye igry na zanjatijah po anglijskomu jazyku pri obuchenii ustnomu professional'nomu obshheniju (srednee special'noe uchebnoe zavedenie). [Role-playing games in English classes for teaching oral professional communication (secondary specialized educational institution)]. Dis. … kand. ped. nauk. Moscow, 2004.
4. Katrechko S.L. Internet i soznanie: k koncepcii virtual'nogo cheloveka. [Internet and consciousness: to the concept of a virtual person]. Access mode: http://iph.ras.ru/page50056493.htm (reference date: Feb. 20, 2017).
5. Materials of web-portal: www.students.cs.tamu.edu (reference date: Feb. 20, 2017).
6. Dan'ko O.A. Razvitie model'nyh predstavlenij kak sredstvo integracii uchashhihsja v sovremennyj informacionnyj socium. [The development of model representations as a means of integrating students into the contemporary information society]. Avtoref. diss. … kand. ped. nauk. Moscow, 2012 g. Access mode: http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-razvitie-modelnyh-predstavleniy-kak-sredstvo-integratsii-uchaschihsya-v-sovremennyy-informatsionnyy-sotsium (reference date: Feb. 20, 2017).
7. Bykasova L.V., Podberezny V.V., Panova, V.A. Teorija strukturalizma o diversifikacii i modernizacii sovremennogo obrazovanija. [Theory of structuralism on the diversification and modernization of education]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. No. 1. Part. 1. Pp. 121-125. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-121-125. (in Russ.).
8. Kosheleva A.O., Ganzha, N.V. Pedagogicheskoe proektirovanie vnedrenija sinergeticheskogo podhoda v obuchenie slushatelej kursov povyshenija kvalifikacii. [Pedagogical design of introduction of synergetic approach in training of students of professional development]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. No. 1. Part. 1. Pp. 145-151. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-145-151. (in Russ.).
9. Khalilov T.A. Kategorija «modernizacija» v kontekste politologicheskih issledovanij. [Category of modernization in the context of political science research]. Theory and practice of social development. 2012. № 10. Pp. 216-218. (In Russ).
10. Khalilov T.A. Recenzija na knigu izvestnogo istorika N.F. Bugaj o kazakah juga Rossii. [Review of the book of the famous historian N.F. Bugay about the Cossacks of South Russia]. Historical and Social-Educational Ideas. 2015. Vol. 7. № 6-2. Pp. 355.
11. Khalilov T.A. Developing Civil Society in Imperial Russian Background: Trends and Problems. Comparative Politics Russia. 2017; 8(1): Pp. 164-168. (In Russ.) DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-164-168.
12. Khalilov T.A. Grazhdanstvo kak social'no-politicheskaja praktika: aktual'nye modeli. [Civism as social and political practice: current models]. Theory and practice of social development. 2012. № 12. Pp. 398-401. (In Russ).

13. Shturba V.A. Review of the Jin Lee's book "Cultural bases of training: East and West. Historical and Social-Educational Ideas. 2016; 8(1/2): Pp. 241-242. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-241-242.

Информация об авторе:

Данько Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков № 1, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия
olgadanko@bk.ru

Получена: 03.02.2017

Для цитирования: Данько О.А., Мультиверсная модель личности учащегося в современном социуме. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author:

Danko Olga A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department №1, G.V. Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
olgadanko@bk.ru

Received: 03.02.2017

For citation: Danko O.A., Multiverse model of personality of a student in modern society. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 811’371:811.161.1 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ЛЕМОВ Аркадий Владимирович
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
г. Саранск, Россия
avlemov@gmail.com

СЕЧНЕВ Сергей Александрович
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
г. Саранск, Россия
sergey-aleksandrovich91@yandex.ru

Arkady V. LEMOV
National Research Mordovian State University named N.P. Ogarev
Saransk, Russia
avlemov@gmail.com

Sergej A. SECHNEV
National Research Mordovian State University named N.P. Ogarev
Saransk, Russia
sergey-aleksandrovich91@yandex.ru

РАСШИРЕНИЕ ПОНЯТИЙНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КАК СПОСОБ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблеме изменения семантических характеристик заимствованных слов в процессе их функционирования в русском языке. В частности, анализируется семантическая структура лексем, претерпевших расширение понятийных характеристик. Такое расширение рассматривается как один из способов адаптации иноязычной лексики к лексической системе русского языка. В данной статье к рассмотрению представлены лексемы, претерпевшие в истории функционирования в языке-реципиенте расширение содержания понятия, не осложненное другими процессами, и расширение, сопровождающееся иными семантическими явлениями (сужение понятийных характеристик, детерминологизация, народная этимология). Причем в процессе заимствования может (могут) присутствовать язык (языки) посредники. На этом основании заимствования делятся на прямые и опосредованные. В связи с этим выделяются следующие группы адаптируемой русским языком иноязычной лексики:
1. Лексемы с расширением содержания понятия, не осложненным иными семантическими процессами (прямые и опосредованные).
2. Лексемы с расширением содержания понятия (прямые и опосредованные), осложненным иными семантическими процессами: а) расширение значения заимствований сопровождается детерминологизацией, когда слово, бывшее термином, теряет свое узкоспециальное значение и становится фактом общенародной лексики; б) расширению значения может способствовать и народная (ложная) этимология, которая, как известно, сводится к попытке объяснить слово через ассоциации с иной, ассоциативно приемлемой по звуковой, морфемной или словообразовательной структуре, внутренней формой; в) к расширению значения также может привести забвение внутренней формы слова, то есть его деэтимологизация, что позволяет языковому сознанию приписать слову новый вариант значения

Ключевые слова: заимствованная лексика, расширение лексического значения, семантическая адаптация, детерминологизация, народная этимология, внутренняя форма слова

EXTENSION OF CONCEPTUAL CHARACTERISTICS AS A WAY OF ADAPTATION OF BORROWINGS TO THE RUSSIAN LANGUAGE

The article researches the semantic characteristics change of borrowed words in the process of their functioning in Russian language. In particular, the paper analyses the semantic structure of the lexemes undergone the extension of the conceptual characteristics. Such extension is considered as one of the ways of foreign lexis adaptation to the Russian vocabulary. The article deals with the lexemes undergone in the history of their functioning in the target language both the concept content extension uncomplicated with another processes and the extension accompanied with other semantic phenomena (conceptual characteristics narrowing, determinologisation, folk etymology). Moreover, an intermediary language (languages) can be present in the process of borrowing. On that ground borrowed words fall into direct and mediate. In view of it the following groups of adapted foreign lexis by Russian language are distinguished:
1. Lexemes with concept content extension uncomplicated with other semantic processes (direct and mediate).
2. Lexemes with concept content extension (direct and mediate) complicated with another semantic processes: a) meaning extension of the borrowed words is accompanied with determinologisation, when the word used to be a term loses its sector-specific meaning and becomes a fact of nationwide lexis; b) meaning extension can be promoted by folk (false) etymology, which means the attempt to explain a word by means of associations with another inner form associatively acceptable on sound, morphemic or word-building structure; c) meaning extension can be caused by oblivion of the inner form of the word, i.e. its determinologisation, which allows linguistic consciousness to impart new meaning to the word.

Keywords: borrowed lexis, lexical meaning extension, semantic adaptation, determinologisation, folk etymology, inner form of the word

Исследование множества заимствований в лексическую систему русского языка показывают, что в большинстве случаев иноязычное слово функционирует, приобретая новый комплекс лингвистических характеристик по сравнению с теми свойствами, которые оно имело в языке-источнике. На поверхности при этом лежат графические (иногда - орфографические), фонетические, орфоэпические маркеры-адаптеры. Но немаловажную роль в освоении иностранных слов играют процессы, меняющие семантический облик лексемы. Это, обогащая лексический фонд русского языка, неизбежно ведет к появлению новых концептуальных лексических феноменов.

При семантической трансформации иноязычных слов последние подвергаются самым различным процессам: метафорическим, метонимическим, синонимическим, эмоционально-оценочным приращениям, антонимическим противопоставлениям. Часть указанных трансформаций проходит при изменения объема понятия, обозначенного словом в языке-источнике: этот объем или сужается, или расширяется. Если же отмеченных процессов с заимствованной лексемой не происходит, то говорят об отсутствии семантической ассимиляции, так как слово функционирует в русском языке с идентичным слову в языке-источнике лексическим значением. Например, немецкое заимствование **кегль** («размер типографской литеры») или англ. **кемпинг** («лагерь для автотуристов»).

В данной статье к рассмотрению представлены лексемы, претерпевшие в истории функционирования в языке-реципиенте собственно расширение содержания понятия (не осложненное другими процессами) или расширение, сопровождающееся иными семантическими процессами (сужение, детерминологизация, народная этимология). Причем в процессе заимствования может (могут) присутствовать язык (языки) посредники. На этом основании заимствования делятся на прямые и опосредованные [1, с. 17].

Таким образом, среди заимствованных лексем, претерпевших процесс расширения значения, выделяются следующие группы.

1. Лексемы с расширением содержания понятия, не осложненным иными семантическими процессами:

а) примеры прямых заимствований:

Адресат. От нем. Adressat с аналогичным значением («лицо, к которому адресовано письмо или посылка*»*). Слово получает добавочное значение: «круг людей, на которых рассчитано данное произведение литературы, искусства, речь, доклад» [2].

Вольер. От фр. ***volière*** *«птичник»* [3, вып. 3]. Ср. расширенное значение: «площадка… для содержания *животных и птиц*…» [2].

Мафия. От итал. ***maf(f)ia*** «мафия». Первоначально отмечается в значении «тайное общество *в Сицилии,* члены которого занимаются контрабандой, организуют стачки, повышение цен и держат в страхе землевладельцев». В XX в. так стали называться некоторые гангстерские организации *в США и других странах,* а также *любая организованная преступность* [4, вып. 10]. И еще одно семантическое расширение: «Разг. Группа лиц, действующих по какому-л. соглашению, сговору (обычно с неблаговидными целями)» [2].

Следует отметить, что от рассмотренных случаев необходимо отличать примеры появления в языке-реципиенте нового значения при полной утрате исконного, например, лексема ***механизация*** впервые фиксируется в значении *«доведение навыков работы до того, что она совершается без участия сознания, но вполне правильно».* Восходит к франц. ***mécanisation*** «механизация» [4, вып. 10]. Современное значение: « …замена средств ручного труда машинами и механизмами [2]. Также: ***Награда.*** Восходит к общеславянскому языку, где ****nagorditi*** - «наградить *городом»* [4, вып.10]. Далее с утратой для современного русского языка исконной внутренней формы следует расширение значения на основе метонимических переносов: 1. О том, что делается в знак благодарности, признательности или в ответ на что-либо. 2. Вознаграждение, дар за какие-либо заслуги. 3. Почетный знак, орден, поощрение [см. 2].

б) Примеры опосредованных заимствований:

Абонент. *И*з нем***. Abonnent*** в значении «наёмщик лож» [3, вып. 1]. Восходит к фр. ***abonné*** («подписчик»). Современное значение: «Тот, кто имеет абонемент» [2].

Деградация. Польское заимствование латинского ***degradatio*** *«разжалованье, постепенное понижение»* [3, вып. 5]. В современном русском языке появляются новые семы «упадок, ухудшение, утрата ценных свойств» [2].

Канистра. Первоначально нем. заимствование ***Kanister*** с этим же значением из лат. с***anistrum*** («плетенная из тростника корзина»)**,** затем в нем. и далее в русском языках метонимические переносы: «двадцатилитровый бак для бензина» [3, вып. 7] и «бак с герметической крышкой для различных жидкостей (бензина, смазочных масел и т.п.» [2].

Альбинос. Португальское именование негров с беловатым цветом кожи. В этом же значении заимствовано французским (***Albinos)*** и далее русским языками***.*** [3, вып. 1]. Современное значение - *«человек, животное или растение с признаками альбинизма»* [2].

2. Лексемы с расширением содержания понятия, осложненным иными семантическими процессами:

а) примеры прямых заимствований, сопровождающихся противоположными процессами: расширением значения и сужением его:

Возмужать. Ст.-сл. лексема ***възмѫжати*** («стать мужчиной, достигнуть зрелости») сначала сузила значение, потеряв сему «стать мужчиной», а затем расширила, поскольку стала применяться и по отношению к женщине [3, вып. 3].

Авария. Восходит к итальянскому ***avaria*** «авария, повреждение, порча». Первоначально в русском языке слово обозначало лишь повреждение корабля или корабельного груза (сужение значения) [3, вып. 1]. Расширение в новейшем русском языке: «а) повреждение, выход из строя какого-либо механизма, б) крушение чего-л. (судна, самолета, автомобиля, в) *разг.* неудача, провал какого-либо дела» [2].

Ассамблея. От франц. ***assemblée*** «собрание». До второй половины XIX в. чаще всего употреблялось в более узком значении «увеселительный вечер с танцами» [3, вып. 1]. Затем появляется еще два значения: а) «общее собрание какой-либо, обычно международной, организации» и *метон.* б) «высший орган этой организации» [2].

б) Примеры опосредованных заимствований, сопровождающихся противоположными процессами: расширением значения и сужением его:

Агитация. Нем. ***Agitation*** (вероятно, через французское посредничество) восходит к лат. ***agitatio*** «побуждение *к чему-л.,* возбуждение» [3, вып. 1]. В русском языке впервые фиксируется в значении «побуждение к мятежу» (сужение значения), и далее расширение значения: «деятельность по распространению политических идей с целью оказать воздействие на широкие массы, стремление убедить кого-либо в чем-либо» [см. 2].

Катакомбы. *Итал.* catacomb заимствовано в русский язык как экзотизм со значением «подземные пещеры около Рима». Далее расширение значения происходит в результате деэкзотизации заимствованного слова: «подземные своды, пещеры *(вообще)*» [3, вып. 8], и сужение значения: «заброшенные каменоломни» [2].

Во многих случаях расширение значения заимствований может сопровождаться процессами *детерминологизации*, *народной этимологии*, *деэтимологизации*. При детерминологизации слово, бывшее термином, теряет свое узкоспециальное значение и становится фактом общенародной лексики. Так, слово ***амплитуда*** (франц. ***amplitude*** «величина, протяженность; амплитуда») в русском языке впервые фиксируется в качестве *астрономического термина* [3, вып. 1]. Затем это слово «взяли на вооружение» физики и математики, и, наконец, словари отмечают нетерминологическое значение: «О чем-то крайне противоречивом, разнообразном» [2]. Бухгалтерский термин французского происхождения ***ажур*** в процессе детерминологизации получил значение «идеальный порядок» [2].

Расширению значения может способствовать и *народная (ложная) этимология*, которая, как известно, сводится к попытке объяснить слово через ассоциации с иной внутренней формой. Так, слово ***дурман*** заимствовано из персидского языка через посредство тюркских языков в значении *«*растение*,* из которого приготовляется лекарство». В русском языке слово получило, помимо названия растения, более широкое значение («нечто одуряющее, опьяняющее и отупляющее средство; головная боль; опьянение») и стало связываться со словами *дурной* («безумный, глупый») и *одурять* - «делать глупым, безумным» [3, вып. 5].

К расширению значения также может привести забвение внутренней формы слова, то есть его деэтимологизация. Например, французское заимствование ***лимонад*** в соответствии с достаточно прозрачным этимоном должно обозначать «лимонный напиток», однако у этой лексемы появилось фактически оксюморонное значение: «…безалкогольный напиток с соком лимона или других фруктов и ягод» [2] (ср.: *грушевый, клюквенный лимонад*).

Исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что расширение значения является достаточно продуктивным языковым явлением, которое в совокупности с разнообразными семантическими процессами играет серьезную роль при адаптации заимствованных слов к лексической системе русского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Богаченко Н.Г. Лексико-фразеологическая составляющая кросскультурной коммуникации: коллективная монография / Н.Г. Богаченко, О.В. Павлова, Ю.А. Сальникова. - Ульяновск: Зебра, 2016. - 190 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб.: Норинт, 2008. - 1536 с.
3. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. - М.: Изд-во Москов. ун-та, 1963-1982. - Вып. 1-8.
4. Этимологический словарь русского языка / Под ред. А.Ф. Журавлева и Н.М. Шанского. - М. : Изд-во Москов. ун-та, 1999-2007. - Вып. 9-10.

REFERENCES

1. Bogachenko N.G., Pavlova O.V., Sal`nikova J.A. Leksiko-frazeologicheskaja sostavljajushhaja krosskul'turnoj kommunikacii. [Lexical-phraseological constituent of cross-cultural communication: multi-author book. N. G. Bogachenko, O.V. Pavlova, J. A. Sal`nikova]. Ul`yanovsk: Zebra, 2016. 190 p.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. [Big Russian defining dictionary. Comp. and Ed. S.A. Kuznetzov]. St. Petersburg: «Noring», 2008. 1536 p.
3. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Pod red. N.M. Shanskogo. [Russian Etymology dictionary. Ed. N.M. Shanskii.] M.: Izd-vo Moskov. un-ta, 1963-1982. Vyp. 1-8.
4. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Pod red. A.F. Zhuravleva i N.M. Shanskogo. [Russian Etymology dictionary. Ed. A.F. Zhuravlyov and N.M. Shanskii]. M. : Izd-vo Moskov. un-ta, 1999-2007. Vyp. 9-10.

Информация об авторе

Лемов Аркадий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
avlemov@gmail.com

Сечнев Сергей Александрович, аспирант, кафедра русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
sergey-aleksandrovich91@yandex.ru

Получена: 11.02.2017

Для цитирования: Лемов А. В., Сечнев С. А., Расширение понятийных характеристик как способ адаптации заимствованных слов в русском языке. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author

Arkady V. Lemov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Russian Language Department, National Research Mordovian State University named N.P. Ogarev
Saransk, Russia
avlemov@gmail.com

Sergej A. Sechnev, Postgraduate Student, Russian Language Department, National Research Mordovian State University named N.P. Ogarev
Saransk, Russia
sergey-aleksandrovich91@yandex.ru

Received: 11.02.2017

For citation: Lemov A. V., Sechnev S. A., Extension of conceptual characteristics as a way of adaptation of borrowings to the russian language. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 37.042.2 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ЛОБЖАНИДЗЕ Галина Ираклиевна
Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Хабаровск, Россия
lobjanidze_galin@mail.ru

Galina I. LOBZHANIDZE
Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Khabarovsk, Russia
lobjanidze_galin@mail.ru

ПЕРЕГОВОРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И УЧЕТ АКЦЕНТУАЦИИ ЛИЧНОСТИ

NEGOTIATION COMPETENCE AND TRANSGRESSOR'S ACCENTUATION OF PERSON

Актуальность исследуемой темы вызвана необходимостью знания особенностей развития современной криминологической ситуации для определения причин и условий совершения преступного деяния и в связи с этим выработки требуемой стратегии проведения профилактических мероприятий. Проблема исследования заключается в определении тактических приемов, способствующих предотвращению преступления. Объектом исследования стала обстановка совершения правонарушения, вызванная причинами криминогенного и психогенного характера. Цель настоящей статьи - провести анализ психолингвистических особенностей речи акцентуантов, совершивших преступные деяния, квалифицируемые статьей 206 Уголовного кодекса Российской Федерации. К задачам данной работы следует отнести наделение сотрудников полиции умениями устранить эмоциональный барьер, появившийся из-за невозможности решить проблему законными средствами и приведший к совершению преступного деяния; установить неослабевающий психологический контакт, необходимый для ведения переговоров, контроля эмоционального состояния и в связи с этим прогноза поведенческих реакций правонарушителей. Результатом проделанной работы является выявление необходимых для юристов знаний, полномочий и качеств личности, составляющих переговорную компетентность при исполнении профессиональной деятельности. К основным выводам следует отнести выработанные рекомендации по организации переговоров с лицами, страдающими временными или постоянными расстройствами психической сферы. Новизна исследования состоит в изучении приемов учета акцентуации личности правонарушителей в ситуации переговоров.

The actuality of investigated theme arouse necessity by knowledge of developing peculiarities contemporary criminology situation for definition of reasons and conditions crime committing and elaboration (in connection with it) required strategy of carried out preventive measures. The problem of this theme is definition of tactical methods, which assist to avert of crime. The object of this investigation is the situation of committing crime for criminology and psychogenic reasons. The aim of this article is to do analysis psycholinguistic peculiarities of speech by accentuant, committing crime for articles number 206 and 209 of Russian Crime Code. The tasks of this article is allotting policemen to abilities to remove the emotional barrier, rising for impossibility deciding the problem by low methods and brought to committing crime; to establish the constant psychology contact, necessary for carrying on negotiations, for control emotional state and for (in connection with it) prognosis of transgressor's behavior reactions. As result is the definition knowledges, authorities and person's qualities, composing the negotiation competence, necessary for lowers in their professional activity. The main conclusions are producing recommendations for organization carrying on negotiations with persons, suffering from provisional or constant disorders in psychical sphere. The investigation's novelty is in the learning of methods by taking account of transgressor's accentuation in "negotiation's situation".

Ключевые слова: переговорная компетентность, постоянные или временные расстройства психической сферы, акцентуация личности правонарушителей.

Keywords: negotiation competence, provisional or constant disorders in psychical sphere, transgressor's accentuation of person

Нами было доказано [5, с. 126], что переговорная компетентность - это интегративная характеристика, комплекс качеств личности, включающий знания, умения, навыки, необходимые для правильной квалификации противоправного деяния или конфликтной ситуации.

В настоящей работе мы определим степень связи переговорной компетентности со специальными знаниями в области психологии, психолингвистики (в целях определения психологических особенностей, выраженных в возможных поведенческих реакциях, по речи лиц, осуществивших захват заложников). Указанные знания полезны в оперативно-разыскной деятельности, в профилактической работе участкового уполномоченного полиции, в служебной деятельности дознавателя, следователя.

Одним из институтов уголовного права, имеющим первоочередное значение при проведении переговоров, является добровольный отказ. Элементы обращения к добровольному отказу могут быть усмотрены в действиях, содержащихся в примечаниях к статьям Уголовного кодекса РФ. Приведем в качестве примера примечание к статье 206 УК РФ: «Лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления» [6]. Осуществление данного действия может быть вы-

полнено с помощью переговоров. Реализация практически всех мероприятий, содержащихся в примечаниях к статьям Уголовного кодекса РФ, чаще всего сопряжена с проведением переговоров.

Проведение успешных переговоров связано с верным решением психологических задач, к которым относятся: установление неослабевающего контакта между переговорщиком и правонарушителями; получение максимума возможной информации о заложниках, состоянии их здоровья; получение максимума возможной информации о правонарушителях, их намерениях, вооружении, мотивах захвата заложников; формирование у правонарушителей убежденности в бесперспективности задуманного; возбуждение надежды на положительную перспективу разрешения конфликта в случае выдачи заложников и добровольной сдачи. Решение данных задач связано с применением технологии убеждения, внушения, манипуляции, активного слушания.

Применение названных технологий общения осуществляется с учетом сложившейся ситуации и особенностей личности правонарушителя, в частности его психического и эмоционального состояния, а также акцентуации.

В отечественной науке выделяют криминогенный, психогенный и политический мотивы захвата заложников [2, с. 25]. Криминогенный мотив - это мотив захвата заложников правонарушителем, застигнутым на месте происшествия сотрудниками полиции. Психогенный мотив - это мотив действий правонарушителей - лиц с неустойчивой психикой, страдающих временными или патологическими нарушениями в этой сфере, которые считают захват заложников реальным средством решения возникшей в их воображении проблемы и воспринимают это действие в качестве допустимой разрядки эмоционально напряженного состояния. Политический мотив - это мотив захвата заложников фанатичным приверженцем определенной идеологии (возможно, религии), стремящимся исправить по своим меркам существующую в его представлении несправедливость.

Приводим классификацию преступников, чьими действиями руководит психогенный мотив, разработанную С.Н. Коткиным [3, с. 140-142], и предлагаем свои рекомендации по проведению переговоров с указанными лицами.

Лица в состоянии острого психоза обычно выглядят встревоженными, к чему-то прислушиваются (возможны слуховые галлюцинации). В их поступках преобладают внезапность, неадекватность окружающей среде, поскольку поведение этих людей определяется бредовыми и галлюцинаторными переживаниями. Речь сбивчива, высказывания непоследовательны, требования нелогичны. Эти люди зачастую имеют неверное представление о том, где находятся, с кем разговаривают, при этом не поддаются переубеждению. Для них характерны высказывания о собственном могуществе, уникальных способностях.

При проведении переговоров с ними не следует противоречить их высказываниям, переубеждать. Необходимо помнить, что нахождение взаимоприемлемой реальной договоренности с ними почти невозможно. Поэтому лучше всего, сохраняя внешне максимальное спокойствие и доброжелательность, попытаться отвлечь их от выдвинутых требований, вступить в разговор, демонстрируя понимание их переживаний. Во избежание провоцирования вспышек агрессии не следует смотреть прямо в глаза (лучше смотреть в подбородок или в плечо - на воображаемый погон).

Лица в затяжном психотическом состоянии. Поведение этих людей формально упорядоченное, но в основе их поступков лежат стойкие убеждения, не соответствующие реальности: чаще всего эти люди считают, что их преследуют и угрожают их жизни могущественные лица или организации (политические деятели, спецслужбы). Поэтому они требуют оградить от преследования, предоставить средства защиты, убежище, переправить в другую страну. Эти лица недоверчивы, подозрительны: принимая переговорщиков за врагов, стараются обмануть их. Легко решаются на опасные действия.

В связи с тем, что чувство опасности у таких лиц крайне обострено, а интеллект высоко развит, следует соблюдать осторожность при попытке обмануть или ввести их в заблуждение. Лучшая тактика в этом случае - согласиться с их утверждениями как

справедливыми, обещать защитить их интересы и оградить от посягательств на жизнь и здоровье. При общении не рекомендуется смотреть им прямо в глаза.

Лица с мнестико-интеллектуальными расстройствами обычно выглядят неряшливо, их мимика бедная, могут быть малозаметные нарушения походки. Нередко имеют врожденные дефекты строения лица, конечностей. В сложной ситуации они становятся либо вялыми и апатичными, либо раздражительными и злобными при полном отсутствии самообладания. Не способны планировать свои действия, импульсивны, непоследовательны. Грубы, расторможенны, склонны к немедленному удовлетворению возникающих потребностей.

При захвате заложников они играют вспомогательные роли, так как готовы подчиниться голосу большинства. Своим поведением копируют поступки влиятельных членов группы, часто бывают вовлечены в групповые противоправные действия, значения которых до конца не понимают. Обычно не выдвигают самостоятельных требований. Обращают на себя внимание примитивностью суждений, низким общеобразовательным уровнем.

Лица, страдающие депрессией, выглядят возбужденными, отчаявшимися, мечутся, заламывают руки, плачут. В их речи преобладают высказывания о собственной греховности, никчемности, неотвратимости наказания за безнравственные поступки и т.д. Очень высока вероятность самоубийства таких больных и убийства захваченных ими заложников.

Следует обеспечить им понимание, эмоциональную поддержку в сочетании с постоянными заверениями в их достоинствах. Необходимо попытаться перевести разговор с обсуждения их никчемности, греховности на другие темы. Не следует говорить таким лицам, что все «не так уж плохо», так как это может быть расценено ими как непонимание их проблем.

Лица, страдающие манией, обычно пребывают в приподнятом настроении, возбуждены, поведение отличается яркими и выразительными мимикой и жестикуляцией. Они чрезмерно активны, однако, принимаясь за множество дел, не доводят их до конца. Общительны, в разговоре многоречивы, легко перескакивают с одной темы на другую, постоянно меняют содержание собственных требований, в зависимости от случайно возникающих побуждений. Неадекватно веселы, беззаботны, беспечны, не до конца осознают серьезность своего положения и тяжесть совершенных поступков. Хвастливы, склонны переоценивать собственные возможности.

Учитывая, что способность логически мыслить у этих лиц сохранена, используя их потребность в общении, следует предпринять попытку установить эмоциональный контакт и убедить в возможности и выгодности для них достижения тех же целей, но другими, социально приемлемыми способами.

Лица, страдающие дисфорией, находятся зачастую в озлобленно-угрюмом настроении, выглядят мрачными, напряженными. Раздражительны, вспыльчивы, легко совершают агрессивные действия, грубы, нетерпимы к окружающим. Крайне упрямы, настаивают на строгом и неукоснительном выполнении своих требований, которые, как правило, излишне детализированы. В целях оказания давления на лиц, ведущих переговоры, склонны демонстрировать жестокость по отношению к заложникам. В группе обычно занимают лидирующее положение.

Переговоры с этой категорией лиц следует вести в спокойной, выдержанной манере, явно им не противореча, но и не потакая их требованиям. Необходимо дать понять, что любые проявления жестокости с их стороны усложнят и затянут процесс переговоров. Не следует пытаться их разжалобить или убеждать в безнравственности подобного поведения. Целесообразно вести разговор на прагматической основе, оперируя простыми, конкретными предложениями.

Часто в ситуации, связанной с захватом заложников, оказываются вовлечены ярко выраженные акцентуанты. Акцентуация - тип поведения, объясняемый влиянием темперамента и характера [4, с. 16]. Л.Г. Горшенин [1, с. 9] характеризует типы акцентуантов, отмечает положительные и отрицательные черты характера, обосновывает психологические мотивы совершения преступлений. Приводим характеристику некото-

рых типов акцентуантов, их поведение в «ситуации заложника» и предлагаем свои рекомендации по проведению переговоров.

Астеники обладают такими положительными чертами, как строгий самоанализ и самоконтроль; рассудительность, стремление во всем убедиться самому; осторожность, обязательность. Отрицательные черты: чрезмерная педантичность, опасливость; робость, постоянное чувство неловкости, раздражительность; заниженная самооценка. В «ситуации заложника» выглядят встревоженными, действуют хаотично, обстановку оценивают эмоционально. Не уверенны в себе, непоследовательны при предъявлении требований. На словах подчеркивая свою решительность и агрессивность намерений, быстро истощаются, устают от эмоционального напряжения. На пике стрессовой ситуации могут совершить импульсивные поступки, влекущие за собой неожиданное обострение общей ситуации. Плохо переносят ожидание, склонны к депрессивным реакциям, могут предъявлять жалобы на ухудшение самочувствия. Действуют чаще всего в одиночку, видя в захвате заложников выход из психотравмирующей ситуации.

С учетом того, что в скором времени эмоциональное напряжение становится труднопереносимым для них самих, переговоры следует направить на обоснование и совместный поиск возможностей выхода из сложившейся ситуации социально приемлемым путем с минимальными для них негативными последствиями. Используя их социальную неопытность, можно выяснить у них относящиеся к делу конкретные подробности (состав группы, ее расположение, вооружение, количество заложников и т.п.).

Демонстрантам (истероидам) свойственны позитивный способ познания окружающей действительности, постоянный поиск новых возможностей; здоровое соперничество, дух соревнования в деятельности; инициатива в моделировании алгоритмов и иных заданий подобного типа. Отрицательные черты: «бегство в болезнь», возможна суицидальная демонстрация (страх не позволяет довести задуманное до смертельного исхода); завышенная самооценка, часто бравирует; беспредельный эгоцентризм. В «ситуации заложника» стремятся во что бы то ни стало продемонстрировать свою значительность, превосходство над другими членами группы. Одеты, как правило, ярко, претенциозно. Эмоциональные реакции яркие, бурные, рассчитанные на внешний эффект. Склонны к преувеличению своих возможностей. Пик эмоционального напряжения у них нередко сопровождается демонстративными рыданиями, криками, нанесением себе неопасных повреждений, показной агрессией по отношению к окружающим. Они не способны к длительному волевому напряжению. Отличаются повышенной внушаемостью и самовнушаемостью. Крайне эгоистичны и эгоцентричны.

При проведении переговоров следует демонстрировать повышенное внимание именно к ним, признание их значимости, высказывать заинтересованность в контактах именно с ними, так как их требования зачастую ориентированы на привлечение внимания окружающих. Именно эти акцентуанты обычно требуют участия в переговорах представителей прессы, телевидения, радио. В дальнейшем можно попытаться, апеллируя к вероятностному мнению значимой для них социальной группы, убедить снизить уровень своих требований, смягчить участь заложников.

Эпилептоиды стремятся отстаивать свои интересы в споре до конца; умеют мобилизовать силы для достижения успеха, подчинить деятельность других людей своим, а также общим интересам; стремятся к лидерству; инициативны в достижении справедливого решения. Отрицательные черты: капризность, стремление нарочито изводить окружающих в личностно значимых ситуациях; поиск повода для скандала; склонность к «суицидальному шантажу»; взрывчатость, напряженность инстинктивной сферы. В «ситуации заложника» могут быть агрессивными. Отличаются крайней напряженностью, раздражительностью, доходящей до приступов ярости, причем сила реакции выше силы раздражителя. Проявляют повышенную требовательность к окружающим, при этом не считаются с их мнением. Упрямы, обидчивы и подозрительны, склонны к дисфорическим реакциям. В гневе становятся агрессивными, наносят побои и ранения. Нередко обнаруживают изощренную жестокость по отношению к своим

жертвам. Среди них часто встречаются лица с неудержимым стремлением к бродяжничеству, сексуальные извращенцы, азартные игроки и т.п. Вместе с тем выглядят они подчеркнуто аккуратно, при любых обстоятельствах тщательно следят за своим внешним видом, состоянием одежды, весьма чистоплотны.

Переговоры следует вести в спокойной, выдержанной манере, явно им не противореча, но и не потакая всем их требованиям. Им необходимо дать понять, что любые проявления жестокости с их стороны усложнят и затянут процесс переговоров. Целесообразно вести разговор на прагматической основе, оперируя простыми, конкретными предложениями. При переговорах могут ввести в заблуждение утрированной вежливостью. В своей речи часто употребляют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Мыслительные реакции замедленные, поэтому с трудом переключаются с одной темы на другую, подолгу обдумывая вопросы и ответы.

Шизоиды обращают на себя внимание странностью, нелепостью одежды, чудаковатостью в поведении. Направленность волевых усилий диктуется собственными внутренними побуждениями, поэтому их поступки выглядят нелогичными, нецелесообразными при явной серьезности намерений. Они эмоционально холодны, бесцеремонны, нередко жестоки. Страдания жертвы их не трогают и не отражаются на их эмоциональном состоянии. В процессе переговоров нередко выдвигают на передний план материальные требования. Обычно захват заложников объясняют идеологическими или политическими мотивами, при этом очевидно, что избранный ими способ добиться своей цели не адекватен декларируемым намерениям.

При ведении переговоров с шизоидами необходимо помнить, что с ними практически невозможно установить эмоциональный контакт; добиться их расположения можно, продемонстрировав логическое проникновение в их идеи. Недопустимо нарочито упрощать выход из сложившейся ситуации, убеждать, что ничего особенного не произошло, проявлять скепсис в отношении их идей, «разоблачать», показывая, что требования имеют не идеологический, а прагматический характер.

Проанализировав приведенные выше особенности личности правонарушителей, приходим к выводу, что переговорная компетентность сотрудника органов внутренних дел для успешного решения оперативно-служебных задач должна включать знания по поведенческим реакциям, сопровождающим противоправные действия акцентуантов и лиц с неустойчивой психикой; психологические знания и технологии профессионального общения: технологии убеждения, внушения, манипуляции; психологические навыки (при установлении психологического контакта, преодолении эмоционального барьера с целью определить наличие умысла и корыстного мотива в действиях). Кроме навыков установления психологического контакта, сотруднику ОВД необходимы умения прогнозирования развития криминогенной ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Горшенин Л.Г. Анализ поведения людей и методика моделирования предполагаемой ситуации. - М.: Инновация, 1993.
2. Илларионов В.П. Переговоры с преступниками. - М.: Инновация, 1991.
3. Коткин С.Н. Расследование захвата заложников. Дис…канд. юрид. наук. - М., 2003.
4. Леонгард К. Акцентуированные личности. - Киев: Прогресс, 1982.
5. Лобжанидзе Г.И. Формирование переговорной компетентности сотрудников ОВД: диахронический и синхронический аспекты. - Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2013.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер.Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (в ред. Федер закона Рос. Федерации от 19 декабря 2016 г. № 436-ФЗ) // Рос. газ. - 1996. - 17-25 июн.

REFERENCES

1. Gorshenin, L.G. Analiz povedeniya l'udey I metodika modelirovaniya predpolagajemoj situacii. [The analysis of men behavior and methods of supposing situation's modelling]. M.: Innovacija = Innovation. 1993. (in Russ.).
2. Illarionov, V.P. Peregovory s prestupnicami. [The negotiation with criminals]. M.: Innovacija = Innovation. 1991. (in Russ.).

3. Kotkin, S.N. Rassledovanije zahvata zalozhnikov. [The investigate of the usurpation of hostages: Kand. diss.]. M. 2003. (in Russ.).
4. Leongard, K. Akcentuirovannyje lichnosti. [The accentuate persons]. Kiev: Progress = Progress. 1982. (in Russ.).
5. Lobzhanidze, G.I. Formirovanie peregovornoy kompetentnosti sotrudnikov OVD: diakhronicheskiy i sinkhronicheskiy aspekty. [The forming negotiation competence of departments collaborators of the Ministry of Internal Affairs]. Khabarovsk: Dal'nevostochnyy yuridicheskiy institut MVD Rossii = Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 2013. (in Russ.).
6. Ugolovnyj kodex Rossijskoj Federacii : federal'nyy zakon Ros. Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoy Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24 maja. 1996 g. : odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 5 iyunya 1996 g. (v red. Feder zakona Ros. Federatsii ot 19 dekabrja 2016 g. № 436-FZ). [The Russian crime code. The Federal law of Russian Federation from 13-th June 1996 number 63-FL. Was assumed by State Duma of Federal Assembly of Russian Federation 24 May 1996: approved by The Council of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation 5 June 1996 (in wording of Federal law of Russian Federation from 19 December 2016 number 436-FL)]. Rossijskaja gazeta = Russian newspaer. 1996. 17-25 June. (in Russ.).

Информация об авторе

Лобжанидзе Галина Ираклиевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра психологии и педагогики, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Хабаровск, Россия
lobjanidze_galin@mail.ru

Получена: 06.02.2017

Для цитирования: Лобжанидзе Г. И., Переговорная компетентность и учет акцентуации личности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author

Galina I. Lobzhanidze, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Khabarovsk, Russia
lobjanidze_galin@mail.ru

Received: 06.02.2017

For citation: Lobzhanidze G. I., Negotiation competence and transgressor's accentuation of person. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

УДК 82.09 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ПАВЛОВ Юрий Михайлович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
yuriy_pavlov@rambler.ru

СУМСКАЯ Марина Юрьевна
Пятигорский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
г. Пятигорск, Россия
pyatigorsk@rea.ru

Yuri M. PAVLOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
yuriy_pavlov@rambler.ru

Marina Yu. SUMSKAYA,
Pyatigorsk branch of G.V.Plehanov Russian Economic University,
Pyatigorsk, Russia
pyatigorsk@rea.ru

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КРИТИКИ И МИФОТВОРЧЕСТВО

В статье рассматривается мифотворчество как течение в литературной критике (псевдокритике), требующее специального внимания. Освещаются показательные несовпадающие версии в истолковании тождеств. Отмеченная амбивалентность раскрывается на примере «феномена А.И .Байгушева». В книгах, статьях, интервью 1990-2010-х гг. одни и те же истории рассказываются Байгушевым по-разному. По-разному, часто диаметрально противоположно, оцениваются многие политики, писатели, критики. Такова характеристика известного «письма одиннадцати», адресованного руководству страны духовными лидерами державного направления. Отмечаются фактические неточности в дискурсе мифотворчества, связанные, например, с трудами А.Яковлева, сущностный и хронологический сдвиг. Американист Яковлев труды об отечественной истории в то время еще не писал - его статья «Против антиисторизма» появилась через 3 года). Свою же диссертацию он защитил по теме: «Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма».

Как мифы определяются противоречивые истории о людях, которых уже нет в живых. Здравствующие современники опровергают их, что уже сделали в разное время М.Лобанов, Ст. Куняев, В. Бушин, В. Бондаренко, Н. Кузин, А. Казинцев, А. Васин, С. Куняев, Ю. Козлов. Постоянная мировоззренческая смена вех порождает различные версии событий. Так, в статье «О саддукействе и фарисействе» Байгушев характеризует авангард как явление чужеродное, разрушительное. Однако через годы он, препарировав мысли Проханова и Бондаренко, неожиданно открывает «вдохновенный благородный авангард» 20-х годов XX века и «авангард светоносных Юрия Кузнецова, Бродского, Проханова». Таким образом в литературную критику вводится система мифов, которые могут дезинформировать, дезориентировать неподготовленного читателя.

Ключевые слова: авангард, амбивалентность, дезориентация, державное направление, духовные ценности, критика, литературный критик, миф, мифотворчество, проблемная сфера, противоположность, система мифов, социологизм, сущностный сдвиг, хронологический сдвиг.

A CRITIC'S AMBIVALENCE AND CREATION OF MYTHS

The article describes creation of myths as course in literature critics (pseudocritics) need special attention. Representative different versions of identity interpretation are observed. The ambivalence is revealed in example of "A.I.Baigushev phenomenon". The identified stories are are told by him differently in books, articles, interviews of 1990-2010 years. Much politics, writers, critics . are valued in polar contrast. Well-known "letter of 11" is characterized in such way. Fact inexactitudes, essential and time changes are marked in connection with works of A.Yakovlev. That time this author did not wrote the works about Russian history- his article "Against anti-historism" appeared for three years. His dissertation was defended by theme "Political science of the U.S.A, and main foreign doctrines of American imperialism".

The contradictory stories about died peoples are defined as myths. Living contemporaries, as M. Lobanov, St. Kunyaev, V. Bushin, V. Bondarenko, N. Kuzin, A. Kazintsev, A. Vasin, S. Kunyaev, Yu. Kozlov, refute these myths. Permanent ideological changes constructs different versions of events. Thus Baigushev characterizes in the article "About Sadducees and Pharisees" characterizes vanguard as alien and destructive phenomenon. But then he suddenly "openes" "inspire gentle vanguard" of 1920-th years and "vanguard of bright Yu. Kuznetsov, Brodsky, Prohanov", preparing minds of Prohanov and Bondarenko. Thus system of myths, capable to disorient an untrained reader. includes in literature critics.

Keywords: vanguard, ambivalence, disorientation, state line, spiritual value, critics, literature critic, myth, creation of myth, problem sphere, contrast, system of myths, sociology, essential change, time change.

Для мифотворчества как опасного течения в литературной критике (псевдокритике), требующего специального внимания, показательны несовпадающие версии в истолковании тождеств. Охарактеризуем эту амбивалентность на примере «феномена А.И. Байгушева».

Оговорим понимание амбивалентности. Как обобщают современные исследователи, «амбивалентность стала фундаментальным понятием, которое используется при анализе и здоровой, и больной души. В настоящее время амбивалентность предстает как один из законов человеческой натуры, а именно - закон одновременности разнохарактерных (часто противоположных) влечений, чувств, мотивов поступков, ценностей, отношений. Амбивалентность связана с центральными оппозициями бытия. Среди них - правда и ложь… Добро и зло, сила и слабость, красота и уродство. Безопасность

и страх, вера и безверие, надежда и отчаяние и т.п.» [11, с. 111-112]. Подчеркнем, что корни амбивалентности прослеживаются с древнейших времен на литературном материале как разговор человека с самим собой как с «другим», свидетельствующий о «раздвоении личности. Истоки этого диалога обнаруживаются уже в древнеегипетской «Беседе…». В современный же период показательно проявление амбивалентности в самых различных ситуациях.

Важной тенденцией в исследовании амбивалентности является её раскрытие через языковые, речевые проявления. Причем как в продуцировании речи, так и в рецепции: амбивалентный характер личности может определяться путем ее характеристики другим лицом, в т.ч. исследователем, а также посредством самохарактеристики. Таковы общефилологические суждения, посвященные амбивалентным личностям. В филологических исследованиях отмечают проявление амбивалентности образа-персонажа в языковых особенностях текста. С отмеченной теоретической характеристикой связан исследуемый объект. Так, в книгах, статьях, интервью последних примерно 20-ти лет одни и те же истории рассказываются А.И. Байгушевым поразному. По-разному, часто диаметрально противоположно, оцениваются многие политики, писатели, критики.

Из множества примеров приведем один: в 1988 г. Байгушев, в очередной раз перестроившись, в статье «О саддукействе и фарисействе» писал: «Я из поколения «шестидесятников», крещенного очищающим антисталинистским XX съездом КПСС <…>; «Мы приняли XX съезд не бездумно, а всем сердцем, как сейчас молодые та - XXVII съезд КПСС, возвративший обществу обнадеживающие идеи 1956 года и развивший их революционную суть» [2, с. 172].

Однако в XXI веке Байгушев в очередной раз «прозрел», сменил вехи, и Хрущев для него теперь - «абсолютно неграмотный прохиндей и самодур, законченный троцкист и сатанист», который «оклеветал Сталина». Брежневу же «застой» приписали [3].

«Русская партия внутри КПСС» (М., 2005) - самая скандально известная книга Байгушева. Михаил Лобанов одним из первых откликнулся на ее выход. Он назвал книгу «опусом», а самого Байгушева - «борзописцем», «соглашатаем», «человеком из породы мелкотравчатых», «потешным героем, который пытается войти в историю задним числом». Михаил Лобанов убедительно развенчивает различные мифы «партийного разведчика», начиная с главного, вынесенного в название книги. Его пропустим, так как об этом уже писалось последний раз именно на примере Байгушева и Огрызко, главных трансляторов мифа о «русской партии» [8]. Байгушев любит рассказывать и о своей подвижнической деятельности в издательстве «Современник». Его истории предсказуемо не соответствуют жизненным реалиям. Например, рукопись книги Михаила Лобанова «Надежда исканий» зарезали в издательстве из-за отрицательной внутренней рецензии Байгушева. По свидетельству Лобанова, несгибаемого русского критика с безупречной репутацией, в рецензии Байгушева утверждалось, что «автор отходит от принципа классовости и партийности, с реакционных славянофильских позиций трактует народность» [7, с. 35]. Байгушев дал и «правильные» рекомендации по улучшению книги: «Рукопись должна открываться статьей в духе марксистко-ленинской методологии, и в этом направлении ее необходимо коренным образом переработать». Уже в годы перестройки Байгушев писал иначе о времени, когда он был на коне и выносил приговоры, писал, ориентируясь на «новое мышление», в свойственной ему лакейской манере: «Сейчас же не брежневские времена, чтобы заставлять критиков славословить художественную посредственность» [2, с. 178]. Говоря о славословии, Александр Иннокентьевич, конечно, имеет в виду самого себя. Настоящие же критики ни при каких обстоятельствах не славословили посредственность, да и вообще не писали против совести. Внутренняя рецензия Байгушева на книгу одного из лучших критиков второй половины XX века - типичный образчик вульгарно-социологического дубиноголового мышления, которое, как показало время, стало визитной карточкой этого «интеллектуала» из «партийной разведки». Юрий Козлов прав, предлагая рассматривать последний байгушевский опус «как литературный памятник советской эпохе, наглядно

иллюстрирующий особенности тогдашнего критико-политико-полемического мышления» [6, с. 7].

В новейших условиях эта особенность может усиливаться. «Сознание современного человека настолько «гиперусложнилось», что он может принять любую позицию, нисколько его не меняющую. Люди утратили способность иметь взгляды, потому что они не отражаются ни на их внутреннем мире, ни на их поступках. Поэтому и сартровская экзистенциальная редукция человека, когда человек воспринимается как набор поступков, и, наоборот, концентрация на его внутреннем мире и любые комбинации этих подходов подталкивают к одному выводу: современный человек постоянно лжет, даже не осознавая этого» [10]. .

Но тем важнее сохранить и укрепить духовную ценность истины, которая остается необходимой зиждущей, созидающей, спасительной силой.

У отмеченных особенностей есть предпосылки общего характера, связанные с самим понятием амбивалентности. В науке постулируется всеобщий, закономерный характер внутренней противоречивости. Так, философ, на базе соотнесения множества подходов и значительных объектных массивов, в специальном исследовании обобщает и конкретизирует пять основных аспектов «раздвоения»: его всеобщность и, значит, нормальность; градуальность; конфликт между различными «Я»; взаимопроникновение полярных черт, причем конкретизируется их состав; многообразные проявления полярности - в решениях, в действиях - следовательно, и в речевых действиях [1, с. 27 и след.]. См. примеры, приводимые цитируемым исследователем, профессором Э.Л.Акоповым: «Все люди противоречивы, но - в разной степени. Суть дела именно в различиях меры развития сторон противоречия, формы их проявления, а также в их соотношении… Каждый человек так или иначе внутренне противоречив, как Янус раздвоен. ..Он носит в себе своего двойника, свое другое «Я». В нем как бы живут два человека: праведный и неправедный, должный и желаемый, такой, каким его видят со стороны, и такой, каким он является сам по себе. В его поведении берет верх, превалирует то одна, то другая тенденция. Вперед выступает то одно его «Я», вытесняя другое, то - другое его «Я». Отсюда вытекает вывод о том, что человек многолик. В нем уживаются несколько лиц. При выборе между различными ценностями, между добром и злом человек нередко вступает в ситуацию внутреннего конфликта. Он ведет спор, внутреннюю борьбу с самим собой. В каком-то смысле каждый человек (хотя и в разной мере) всю жизнь так или иначе живет не в ладах с собой. Внутренняя раздвоенность человека проявляется в его готовности и способности к полярным решениям и действиям. Раздвоение сознания личности, ее нравственно-психологическая противоречивость отражают противоречивость сущности самого человека и противоречивость объективной действительности. Противоположные чувства и состояния человека, полярные черты характера внутренне взаимосвязаны, взаимовлияют, взаимопроникают и при определенных условиях взаимопереходят.

Однако определенные объективные предпосылки амбивалентности не оправдывают беспринципность. Между тем она проявляется в исследуемом материале. Обратимся к байгушевской версии создания известного «Письма одиннадцати» нек. - 1969. - № 36), о которой он говорит и в книге, и в статьях, и в интервью. Говорит, в частности, так: «Нами было организовано оперативное письмо одиннадцати крупнейших русских писателей в защиту «Молодой гвардии», и, преодолев цензуру (письмо это прошло-таки через ее стену - я для этого использовал все свои «права»), оно попало на страницы воскресного «Огонька» - прямо под очи Брежнева… Мы поработали над письмом основательно». Более того, «мы не жаловались, не вздыхали, не скулили, мы четко формулировали нашу программу и не боялись, что хуже «них», хуже какого-нибудь липового доктора наук из Отдела пропаганды Яковлева знаем свою историю».

Между тем реальные авторы письма (М. Лобанов, О. Михайлов, В. Чалмаев, Н. Сергованцев, В. Петелин) и те, кто изучал данный вопрос (В. Твардовская), фамилию Байгушева не называют вообще. Хорошо замаскировался «партийный разведчик».

Важен еще один аспект неточности: мысль о Яковлеве не могла возникнуть у авторов «Письма одиннадцати» в принципе. У Байгушева произошел сущностный и хро-

нологический сдвиг. «Американист» Яковлев «научные труды» об отечественной истории в то время еще не писал (его скандально известная статья «Против антиисторизма» появилась через 3 года). Свою же диссертацию он защитил по теме: «Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма (критический анализ послевоенной политической литературы по проблемам войны, мира и международных отношений 1945-1966 гг.)». Приведенные примеры побуждают соотнести фактическую и этическую точность, с одной стороны, - и общую характеристику амбивалентности, определенного вида противоречий, с другой. Как известно, развитие объективного мира и познания осуществляется путём раздвоения единого на взаимоисключающие, противоположные моменты, стороны и тенденции, взаимоотношение которых характеризует ту или иную систему как нечто целое и качественно определённое и составляет внутренний импульс её изменения, развития, превращения в новое качество. Диалектический принцип противоречивости отражает двойственное отношение внутри целого: единство противоположностей и их борьбу. При этом единство противоположностей, выражая устойчивость объекта, является относительным, преходящим, борьба же противоположностей - абсолютна, что служит выражением бесконечности процесса развития. Это обусловлено тем, что противоречие есть не только взаимоотношение между противоположными тенденциями объекта или между противоположными объектами, но и отношение объекта к самому себе, т. е. постоянная самоотрицательность, самопротиворечивость объекта. Противоположные стороны, моменты и тенденции в составе целого, взаимодействие которых образует противоречие, не даны извечно в готовом и неизменном виде. Обладая всеобщим характером, противоречия по-разному проявляются на различных уровнях структурной организации материи и духовной реальности: притяжение и отталкивание, межличностное сотрудничество и борьба и др. В каждой сфере существуют свои противоречия, которые в конце концов ведут к появлению нового качества: или путём развития - к более высокой форме, или путем разрушения - к более низкой форме бытия.

«Низкие формы» соотносятся с рассматриваемым материалом. Так, Байгушев склонен рассказывать истории о людях, которых уже нет в живых. Здравствующие современники могут опровергнуть его ложь, что уже сделали в разное время Михаил Лобанов, Станислав Куняев, Владимир Бушин, Владимир Бондаренко, Николай Кузин, Александр Казинцев, Александр Васин, Иван Шевцов, Сергей Куняев, Юрий Козлов и другие.

Удивляет постоянная мировоззренческая смена вех у Байгушева, порождающая различные версии, и все не в пользу Александра Иннокентьевича. Так, в своей программной статье «О саддукействе и фарисействе» [2, с. 174] Байгушев утверждает, что слово «авангард» «сейчас самое модное слово». Но уже в XXI веке Байгушев вдруг - не знаю, под воздействием чего - заявляет: «внутри творческих союзов писателей <…> по-прежнему авангардизм табуирован, как зона для прокаженных» [4, с. 388]. Александр Иннокентьевич, видимо, запамятовал, что писал ранее. К тому же он в очередной раз продемонстрировал свою профессиональную «компетентность»: байгушевская «табузона» наводит на мысль, что в XXI веке Александр Иннокентьевич вообще не открывал журналы и газеты, книги, учебники, монографии, диссертации, в которых тема авангарда - одна из самых популярных. В той же статье «О саддукействе и фарисействе» Байгушев характеризует авангард как явление чужеродное, разрушительное по отношению к русской литературе, культуре, народу, стране. Вот только некоторые высказывания автора: «В основе своей авангардизм индивидуалистичен»; «Если он и поднимается до общенародных проблем, то сам народ у него тотчас превращается в «толпу», безликую массу, которой должны повелевать «вожди»; «Насилие в крови авангардизма» [2, с. 175]; «Вспомнить об идейной связи троцкизма и авангардизма сейчас для нас очень важно, чтобы не повторить ошибок прошлого, не поддаться манипулированию левой фразой и снова не оказаться в жестких объятиях тоталитаризма»; «бухаринский авангардизм породил такое явление, как «ждановщина» [2, с. 177].

Однако через годы Байгушев, не обладающий способностью самостоятельно мыслить, своеобразно препарировав мысли Проханова и Бондаренко, неожиданно открывает «вдохновенный благородный авангард» [3, с. 441] 20-х годов XX века и «авангард светоносных Юрия Кузнецова, Бродского, Проханова» [3, с. 440].

Помимо смены вех «восхищают» и резус-конфликтный ряд писателей, и новаторская терминология. О последней скажем очевидное: Бог - источник света, авангард же отрицает Христа.

Итак, если суммировать сказанное, то в остатке получим: Байгушев - это голый король. Голый «партийный разведчик». Байгушев умеет придумывать самые невероятные истории о себе и о других. В результате рождаются мифы, которые могут дезинформировать, дезориентировать неподготовленного читателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акопов Э.Л. О противоречивости человека. Краснодар: КубГУ,1996. 128 с. См.также: *Кузнецова А.В. Онтологический статус амбивалентности: романтизм и символизм // Гуманитарные исследования. Астрахань: АГУ, 2012.№ 3(43).С.219-223; Харджиева* Е.С. Персуазивность в детективно-следственном дискурсе (на материале романов Н.И.Леонова и А.В.Макеева): Дис. …канд.филол.наук. Ростов н/Д, 2016. (с.10: «амбивалентная языковая личность, т.е. личность с контрастным речевым поведением»); Балаян И.Л. Важнейшие особенности современной русской прозы //Вестник ПятГУ. 2017.№ 1.(с.201:«Амбивалентный тип личности терзаем противоречиями»).
2. Байгушев А. О саддукействе и фарисействе // Молодая гвардия. - 1988. - № 12. - С. 167-198.
3. Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко / Бондаренко В. Трудно быть русским. - М., 2007. - С.388-446.
4. Байгушев А. Культовый поэт русских клубов Валентин Сорокин // URL: http://www.hrono.info/text/2008/bayg01.html. См.также: Байгушев А. Глаза и уши партийной разведки // Литературная Россия. - 2012. - №16. - С. 1, 16.
5. Бушин В. Живые и мертвые классики. - URL: http://www.litmir.co/br/?b=108823&p=19
6. Козлов Ю. Наказание невиновных // Лит. Россия. - 2016. - № 14. - С.7.
7. Лобанов М. Вынужденный комментарий. Как оказался в патриотах-«шестидесятниках» Елизавет Воробей // Новая книга России. - 2006. - № 11. - С. 34-37.
8. Павлов Ю. «Честно говоря», или Вячеслав Огрызко как литературный критик // Российский писатель. - URL: http://rospisatel.ru/pavlov-ogryzko.htm. См.также раздел «Михаил Голубков: удачная неудача» в книге: Павлов Ю.М. Критика XX-XXI веков. - М.: Лит.Россия, 2010. - С. 292-302.
9. Петелин В. Мой XX век: счастье быть самим собой. - М., 2009.
10. Смирнов А. Ценность радикализма: “Опустошитель” в гостях у “Завтра” // Завтра. - 2017. - № 1 (1205). - С. 7.
11. Юревич А.В. Психология и методология. - М.: Ин-т психологии РАН, 2005. - 312 с.

REFERENCES

1. Akopov E. L., On the contradictory man. Krasnodar: Kuban State University,1996. 128 p.; Cm.also: Kuznetsov A. V. the Ontological status of ambivalence: romanticism and symbolism. Humanities research. Astrakhan: AGU, 2012, no. 3(43). pp.219-223; Hardzhieva E. S. Persuasively the detective-investigative discourse (on a material of novels N. And.Leonov and A. V. Makeev): Dis. kand.filol.Sciences. Rostov n/D, 2016. (p. 10: "the ambivalent language person, i.e. a person with a cold voice behavior"); Balayan I. L. the most Important features of modern Russian prose. Bulletin of Patho. 2017 no. 1.(p. 201:"the Ambivalent type of person plagued by contradictions").
2. Baigushev A. seducative and hypocrisy. Young guard. 1988. No. 12. P. 167-198.
3. Baigushev A. Brilliant aestheticism Bondarenko. Bondarenko V. Hard to be Russian. M., 2007. Pp. 388-446.
4. Baigushev A. the Cult poet of Russian clubs Valentin Sorokin . *Available at:* http://www.hrono.info/text/2008/bayg01.html. Cm.also: Baigushev A. the Eyes and ears of the party's intelligence. Literary Russia. 2012. No. 16. p. 1, 16.
5. Bushin V. the Living and the dead classics. *Available at:* http://www.litmir.co/br/?b=108823&p=19
6. Kozlov Yu. Punishing the innocent. Lit. Russia. 2016. No. 14. P.7.
7. Lobanov M. Forced review. As it turned out the patriots-"the sixties" Elizabeth Sparrow. New book of Russia. 2006. No. 11. pp. 34-37.
8. Pavlov Yu.M. "To be Honest", or Vyacheslav Ogryzko as a literary critic. Russian writer. *Available at:* http://rospisatel.ru/pavlov-ogryzko.htm. Cm.see also section "Mikhail Golubkov: a successful failure" in the book: Yu. M. Pavlov Criticism the twentieth the twenty-first centuries. Moscow: Lit.Russia, 2010. P. 292-302.

9. Petelin V. My twentieth century: happiness is to be yourself. M., 2009.
10. Smirnov, A. the Value of radicalism: “Spoiler” from Tomorrow. Tomorrow. 2017. No. 1 (1205). P. 7.
11. Yurevich, A. Century Psychology and methodology. M.: Institute of psychology RAS, 2005. 312 p.

Информация об авторе:

Павлов Юрий Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет
г.Краснодар, Россия
yuriy_pavlov@rambler.ru

Сумская Марина Юрьевна, Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Пятигорского филиала Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова
г.Пятигорск, Россия
pyatigorsk@rea.ru

Получена 6.02.2017.

Для цитирования: Павлов Ю.М., Сумская М.Ю. Амбивалентность критики и мифотворчество. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author:

Pavlov Yuri M., Doctor of Philological Sciences, professor of Publicistics and Journalist Masterpiece Chair,
Kuban State University
Krasnodar, Russia
yuriy_pavlov@rambler.ru

Sumskaya Marina Yu., Candidate of Historical Sciences, associate professor of Theory and History of Law chair of Pyatigorsk branch of G.V.Plehanov Russian Economic University,
Pyatigorsk, Russia
pyatigorsk@rea.ru

Received 6.02.2017.

For article citation: Pavlov Y. M., Sumskaya M.Yu. A critic’s ambivalence and creation of myths [Ambivalentnost’ krirtiki i mifotvorchestvo]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovate l’naya mysl’ = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

УДК 37.018.26 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

РАЗОРВИНА Анна Сергеевна
Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова
г. Ульяновск, Россия
anna141281@mail.ru

Anna S. RAZORVINA
Assistant professor, Department of English Language
I.N. Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University
Ulyanovsk, Russia
anna141281@mail.ru

РОДИТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК НОВАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

PARENT UNIVERSITY AS A NEW FORM OF INTERACTION OF FAMILY AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Данная статья посвящена родительским университетам как новой форме взаимодействия семьи и образовательных организаций в России. Тема является актуальной, так как на данный момент педагогическая неграмотность родителей остается важной проблемой в российском обществе и система просвещения родителей фактически отсутствует. В то же время содержание учебных программ и подходы к обучению постоянно меняются и родители не могут помочь своим детям в учебе, даже если у них есть такое стремление. Явление интенсификации в образовании приводит к тому, что необходимо обучать детей и родителей новым способам эффективного планирования времени, эффективным приемам запоминания и психологической разгрузки. С решением этих и ряда других проблем могут успешно справиться родительские университеты. В статье показаны преимущества внедрения родительских университетов и недостатки в работе уже существующих. Польза от посещения занятий родительских университетов очевидна и подтверждается участниками пилотных проектов, но доля скептически настроенных и занимающих пассивную позицию родителей очень велика. Автор делает выводы на основе данных, полученных с помощью опросов, разработанных и проведенных автором самостоятельно среди родителей детей подходящего возраста. Для успешного развития ребенка имеет важное значение взаимодействие трех групп: детей, родителей и учителей. Основой взаимодействия педагогов, психологов, родителей является принцип: наиболее эффективный способ помочь детям - помочь их родителям.

Ключевые слова: родительский университет, взаимодействие семьи и образовательной организации, психолого-педагогическое сопровождение, педагогическая неграмотность родителей, проблемы в общении детей и родителей, совместная деятельность, всестороннее развитие личности ребенка

This article deals with the parent universities as a new form of interaction of families and educational institutions in Russia. The theme is relevant, because at the moment the parent pedagogical illiteracy remains a major problem in the Russian society and the system of education of parents is virtually absent. At the same time, the curriculum and teaching approaches are constantly changing, and the parents can not help their children in their studies, even if they have such a desire. The phenomenon of intensification in education leads to the need to educate children and parents new ways of effective time management, effective methods of memorizing and psychological relief. Parent universities can successfully cope with these and other problems. The article shows the advantages of the introduction of parental universities and shortcomings of the existing ones. Benefit from the attendance of parent universities is obvious and confirmed by the participants of the pilot projects, but the share of skeptics and those, who takes a passive position, is very high. The author draws conclusions on the basis of data obtained from surveys designed and conducted by the author herself among parents of children of the appropriate age. The interaction of three groups: children, parents and teachers is important for the successful development of the child. The basis of this interaction of teachers, psychologists and parents is the principle: The most effective way to help children is to help their parents.

Keywords: parent university, interaction of family and educational organization, psychological and educational support, pedagogical illiteracy of parents, communication problems of children and parents, joint activity, full development of child's personality

Современные родители нередко проявляют абсолютную неграмотность в вопросах воспитания, развития и образования собственных детей. Причинами семейных проблем становятся не только экономические, социальные трудности, но и неблагоприятный социально-психологический климат, неумение и нежелание строить благоприятные внутрисемейные отношения, что наносит серьезный вред духовному и психологическому развитию и становлению личности ребенка. Современная семья находится в глубоком кризисе. Нарушены нравственные представления о браке, семье, утрачены традиционные представления о родительстве, детстве, супружестве.

Динамичная и непредсказуемая социально-политическая обстановка в стране серьезно усложнила воспитательный процесс, когда подрастающее поколение, вобрав в себя многие недостатки общества переломного периода, становится само все более непредсказуемым. Интернет, аудио-видеопродукция, компьютеризация, культ насилия и жестокости, отсутствие родительского общения и авторитета окончательно подрывают авторитет семьи, школы, образовательных организаций. Выход из создавшейся ситуации возможен в выработке механизмов эффективного взаимодействия семьи и системы образовательных организаций, в коренной перестройке отношения к семье как основному воспитательному институту подрастающего поколения. Решение про-

блем семейного воспитания зависит во многом от целенаправленной педагогической подготовки родителей, что предполагает значительное повышение уровня педагогической культуры [5]. Эффективной формой решения создавшейся ситуации является организация взаимодействия образовательных организаций и семьи, особую значимость решения данной проблемы находим в Законе об Образовании и Профессиональном стандарте педагога.

Главными целями взаимодействия образовательной организации и семьи являются:

- создание условий, благоприятных для успешной социализации детей, подготовки их к будущей семейной жизни, освоение ими опыта создания здоровой и благополучной семьи, формирование ценностей семейной жизни, детства, родительства, повышение роли брака, родства, семьи в жизни подрастающего поколения;
- содействие гармонизации супружеских отношений;
- повышение родительской грамотности в вопросах воспитания детей;
- вооружение родителей современными знаниями по проблемам психического, физического, интеллектуального, половозрастного развития ребенка;
- создание условий, способствующих развитию взаимопонимания, сотрудничества семьи и школы [4].

Необходимость создания подобного элемента в системе образования очевидна, и во многих городах России уже действуют родительские университеты, школы и т.д. - название может быть разным, но смысл одинаков - оказать помощь родителям в воспитании их детей, ликвидировать пробелы в знаниях родителей в таких областях, как возрастная и семейная психология, педагогика, научить родителей общаться со своими детьми и понимать их.

Если рассмотреть программы наиболее известных родительских университетов страны, то можно обнаружить определенные недостатки.

В г. Ульяновске идея родительских университетов также получает свое воплощение на различных уровнях, например:

- ОГКУСО «Центр социально-психологической помощи семье и детям "Семья" в г. Ульяновске» предлагает курс «Школа эффективного родителя»; занятия проходят один раз в 2 недели и длятся 3-4 часа. Методы и формы работы: беседа, интервью, психологическое тестирование, приемы психотерапии, групповые тренинги, праздничные семейные мероприятия [6]. Формы разнообразны, частота занятий допустима, но продолжительность слишком велика: за 3-4 часа устанет даже взрослый.
- На уровне муниципальных детских садов (например, ДОУ № 257 «Самоцветы») для родителей предусмотрены занятия с психологом ДОУ, на которых затрагиваются наиболее актуальные вопросы взаимодействия детей и родителей, даются ответы на возникающие вопросы. Программа занятий известна родителям, занятия проводятся один раз в месяц, продолжительность 1-1,5 часа. Темы занятий актуальны («Как говорить с ребенком», «Детская жестокость и агрессия», «Формируем характер и волю ребенка», «Как мы портим своих детей» и др.), информация подается в понятной и доступной форме.
- Рассмотрен вопрос об открытии «Родительского университета» в Ульяновском государственном педагогическом университете имени И.Н. Ульянова, создана рабочая группа, проект находится на стадии разработки и внедрения в ближайшее время.

Необходимо отметить, что активность родителей, как правило, очень низкая, и причин этому несколько:

1. Сказывается нехватка времени вследствие загруженности большей части родителей на работе и в быту.
2. Если явных проблем в отношениях с ребенком нет, родители могут занимать пассивную позицию в посещении занятий родительской школы.
3. В качестве еще одной причины можно назвать несовершенство психолого-педагогического сопровождения в нашей стране - получить квалифицированную и действенную помощь педагога-психолога крайне сложно, и обращение к психологу в самом российском менталитете считается если не постыдным, то явно не поощряемым явлением.

Программа родительских университетов в большей степени рассчитана на родителей детей 6-8 лет. Данный возраст весьма значим в жизни каждого ребенка (подготовка к школе и начало обучения в ней сопровождается адаптационными трудностями, появлением нового статуса «школьник» и связанных с этим обязанностей, оцениванием результатов учебной деятельности - появлением оценок и т.д.) [3]. Именно организация специальных занятий для родителей в неформальной обстановке способствует оптимизации семейных отношений, является своеобразной профилактикой трудностей в преддверии школьного адаптационного периода, помогает родителям детей младшего школьного возраста создать благоприятный климат в семье, эмоциональный комфорт для ребенка в школе и за ее пределами.

Мы считаем, что активность участия родителей в работе родительских университетов будет выше, если образовательная организация будет не только помогать решать педагогические и психологические проблемы семьи, но и пойдет навстречу разумным пожеланиям родителей. Должна быть ориентация на потенциальных потребителей услуги, а не формальное функционирование родительского университета. Для выявления предпочтений мы разработали примерную анкету для родителей; подобные опросы нужно проводить обязательно, тщательно анализировать результаты и корректировать работу, насколько это возможно.

Анкета для родителей

1. Слышали ли Вы о создании родительских университетов, школ и пр. как о форме взаимодействия семьи и образовательных учреждений с целью оказания помощи семье в воспитании детей?
2. Хватает ли у Вас знаний по педагогике и психологии для воспитания своего ребенка?
3. Возникают ли у Вас трудности в воспитании Ваших детей? В общении с ними?
4. Хотели бы Вы получать знания, которых Вам не хватает на занятиях своеобразной родительской школы?
5. Как часто Вы бы хотели посещать подобные занятия?
6. Какую форму занятий Вы считаете предпочтительной? (лекции, тренинги, дискуссии, конференции, консультации, виртуальные формы и проч.)
7. Хотели бы Вы, чтобы образовательная организация, которую посещает Ваш ребенок, проводила больше мероприятий для детей с участием родителей? Какой направленности должны быть эти мероприятия? (спортивные, эстетические, экологические, учебные)
8. Какой стороне развития личности ребенка, по Вашему мнению, не уделяется должного внимания в образовательных организациях?

Мы провели этот опрос в г. Ульяновске среди родителей детей школьного и старшего дошкольного возраста разных профессий, уровня образования и материального достатка. Получены следующие результаты:

75% родителей не слышали о существовании родительских университетов;

50% родителей признают, что знаний для воспитания собственных детей у них недостаточно;

65% говорят, что у них периодически возникают трудности в воспитании детей и при общении с ними;

75% опрошенных родителей хотели бы получать недостающие знания при посещении родительской школы.

В ответах на остальные вопросы наблюдалось значительное разнообразие, в качестве желаемой частоты занятий встречались варианты «от 1 раза в неделю» до «1 раза в 2 месяца», встречались варианты «по необходимости», «нечасто», «если найду время», чаще всего встречался ответ «1 раз в месяц», который мы считаем оптимальным. Форму занятий также родители выбирали разную, много вариантов «консультации» (35%), «дискуссии» (20%) и «виртуальные формы» (35%). Последнее вполне закономерно - виртуальная реальность прочно вошла в нашу жизнь и во многих случаях может ее значительно облегчить. Поэтому преимуществами этой формы работы (экономия времени родителей, большая открытость и честность родителей, чем при общении «глаза в глаза») нужно пользоваться при возможности, но полностью переводить занятия родительского университета в такую форму нельзя.

В ответе на 7-й вопрос 50% родителей ответили, что не хотели бы, чтобы образовательные организации проводили больше мероприятий для детей с участием родителей («нам хватает, если будет больше - не найдем времени участвовать в этих мероприятиях»), 30% считают, что нужны мероприятия эстетической направленности, и 20% - учебные. В ответе на последний вопрос 62% опрошенных уверены, что в школе развивают все стороны личности ребенка в достаточной мере, 20% полагают, что недостаточно внимания уделяется развитию интеллекта, остальные варианты - трудовое, физическое, нравственное воспитание - встречались в единичных случаях, а 5% считают, что всем сторонам развития личности не уделяется должного внимания. Еще 5% считают, что в школе обязательно нужно учить детей эффективным приемам запоминания, концентрации внимания, механизмам психологического расслабления, эффективного планирования своего времени и т.п. Это абсолютно верно, учебные нагрузки крайне высоки, объем информации по каждому предмету огромен, поэтому крайне важно научить не только фактам и формулам, а самому умению эффективно учиться, но этому не уделяется никакого внимания [2]. Итак, с помощью подобного опроса можно выявить действительно актуальные проблемы, возникающие у родителей в воспитании детей, и корректировать тематику занятий родительского университета.

По ответам (особенно на последние два вопроса) ясно прослеживается пассивность значительной части родителей. Изначально Россия - страна с глубокими традициями семейного воспитания, но во времена СССР государство стремилось полностью взять на себя организацию образования, воспитания и даже отдыха подрастающего поколения граждан, роль семьи сводилась к минимуму и многие традиции семейного воспитания были разрушены и утеряны. Россия переходного периода не выдвигала на первый план проблемы воспитания и семьи, поскольку приоритетной задачей был выход из кризиса в экономике, политике и т.д. В последнее десятилетие в рамках реформ системы образования роль семьи снова становится определяющей, решающей в воспитании гражданина, но родителями становится как раз то поколение, которое не знает, как и что воспитывать в семье. Активность родителей можно повысить различными способами: например, первые занятия родительского университета можно проводить как часть родительского собрания, тщательно продумав его форму и содержание, чтобы заинтересовать родителей в дальнейших посещениях занятий уже отдельно от собрания. Полезно так же изучить опыт США по организации взаимодействия семьи и образовательных организаций и способам вовлечения родителей в это взаимодействие.

В заключение нужно подчеркнуть, что эффективное взаимодействие образовательной организации и семьи возможно лишь при создании соответствующих условий

и образовательной среды, способствующей формированию у родителей, педагогов, учащихся опыта продуктивной совместной деятельности и самореализации в учебе, творчестве, социальной жизни. Для успешного развития ребенка важно взаимодействие трех коллективов: детей, родителей и педагогов. В основе взаимодействия педагогов, психологов с родителями действует принцип: самый эффективный способ помощи детям - оказание помощи их родителям, так как они главные помощники детей в их успешном развитии [1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Евдокимова Е.С. Родительский университет как источник непрерывного духовного развития и сотрудничества воспитывающих взрослых / Е.С. Евдокимова // Альманах родительского университета / ФГБОУ ВПО "Волгоградский гос. социально-пед. ун-т, Каф. педагогики, Науч.-исслед. лаборатория проблем образования родителей; [под общ. ред. Е.С. Евдокимовой]. - Москва, 2014. - Вып. 4: Воспитание ребенка начинается с воспитания себя. - С. 175.
2. Зинурова Р.Р. Психология творчества преподавателя / [Электронный ресурс]: электронный учебный курс / Зинурова Р.Р.; разраб. Кокорева М.Н. [и др.]. - Ульяновск: УлГУ, 2015. - 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Социализация детей раннего возраста в центрах раннего развития: «за» и «против» (из опыта работы МБОУ СОШ № 5 «Обыкновенное чудо» г. Йошкар-Олы, республики Марий Эл) / Кислицына Г.В. [и др.] // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и бирск. - 2015. - № 52. - С. 148-157.
4. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 годы / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http: // www.eg-online.ru/news
5. Разорвина А.С. Взаимодействие семьи и образовательных учреждений в воспитании ребенка / А.С. Разорвина // Современные тенденции развития науки и технологий : сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции 31 мая 2015 г.: в 7 ч. Ч. V/ под общ. ред. Е.П. Ткачевой. - Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2015. - С. 134-139.
6. Клуб «Школа эффективного родителя» / [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.cspp-semya.ru/index.php?id=49

REFERENCES

1. Evdokimova E.S., Roditel'skiy universitet kak istochnik nepreryvnogo dukhovnogo razvitiya i sotrudnichestva vospityvayushchikh vzroslykh. [Parent University as a source of continuous spiritual development and cooperation of adults involved in education]. Al'manakh roditel'skogo universiteta = Almanac of Parent University. FGBOU VPO "Volgogradskiy gos. sotsial'no-ped. un-t, Kaf. pedagogiki, Nauch.-issled. laboratoriya problem obrazovaniya roditeley ; [pod obshch. red.: E. S. Evdokimovoy]. Moskva, 2014. Vyp. 4: Vospitanie rebenka nachinaetsya s vospitaniya sebya. p. 175. (in Russ.)
2. Zinurova R. R., Psikhologiya tvorchestva prepodavatelya. [The psychology of creativity of the teacher] [Elektronnyy resurs] : elektronnyy uchebnyy kurs. Zinurova R. R.; razrab.: Kokoreva M. N. [i dr.]. Ul'yanovsk :UlGU, 2015. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM) (in Russ.)
3. Kislitsyna G. V., Sherstneva V. P., Mel'nik L. I., Mikhaylova M. I., Sotsializatsiya detey rannego vozrasta v tsentrakh rannego razvitiya: «za» i «protiv» (iz opyta raboty MBOU "SOSh №5 «Obyknovennoe chudo» g. Yoshkar-Oly, respubliki Mariy El). [Socialization of young children in the early development centers:"for" and "against" (from the experience of MBOU "School №5" Ordinary Miracle "Yoshkar-Ola, Mari El Republic).]. Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii. (Novosibirsk) = Person, family and society: questions of pedagogy and psychology.2015. No. 52. Pp. 148-157. (in Russ.) ISSN: 2309-334X
4. Kontseptsiya Federal'noy tselevoy programmy razvitiya obrazovaniyana 2011-2015 gody. [The concept of the Federal target program of education development for 2011-2015]. (in Russ.) Available at: www.eg-online.ru/news
5. Razorvina A.S., Vzaimodeystvie sem'i i obrazovatel'nykh uchrezhdeniy v vospitanii rebenka. [Interaction between Family and Educational Institutions in the Upbringing of the Child]. Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy :sbornik nauchnykh trudov po materialam II Mezhdunarodnoy nauchno- prakticheskoy konferentsii 31 maya 2015 g.: v 7 ch. Pod obshch. red. E.P. Tkachevoy. Belgorod: IP Tkacheva E.P., 2015. Chast' V. Pp. 134-139.
6. Klub «Shkola effektivnogo roditelya». Available at: http://www.cspp-semya.ru/index.php?id=49

Информация об авторе:

Разорвина Анна Сергеевна, Ассистент кафедры английского языка, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Россия
anna141281@mail.ru

Information about the author:

Anna S. Razorvina, Assistant, Department of English Language, I.N. Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University,
Ulyanovsk, Russia
anna141281@mail.ru

Получена: 17.11.2016

Для цитирования: Разорвина А.С., Родительский университет как новая форма взаимодействия семьи и образовательных организаций. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Received: 17.11.2016

For citation: Razorvina A.S., Parent university as a new form of interaction of family and educational institutions. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mysl' = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

УДК 37 DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

РУДАКОВА Ирина Алексеевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
irina_rudak@mail.ru

Irina A. RUDAKOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
irina_rudak@mail.ru

РОСЛЯКОВА Надежда Ивановна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

Nadezhda I. ROSLYAKOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF INCLUSIVE EDUCATION IN RUSSIA

Теоретико-методологические подходы к развитию инклюзивного образования в России, понимаемого как образование по обеспечению равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей, разрабатываются в основном в логике концептуальных положений педагогики многообразия и ее главной проблемы гетерогенности - признания различий между людьми. Исследуемая проблема рассматривается в позитивном и негативном планах. При этом негативность гетерогенности напрямую связывается с идеей социальной неадаптации обучающихся. Соглашаясь в целом с предложенными методологическими подходами разработчиков применительно к инклюзивному образованию, предлагаем обратить внимание на концептуальные подходы в решении проблемы, опираясь на отечественный опыт воспитания и обучения детей в закрытых и открытых образовательных средах 20-30 гг. XX в., а также мировой опыт обучения подрастающего поколения детей, имеющих трудности в обучении. Концепция барьеров в обучении и опора на ресурсы в первую очередь самих школьников «растворяет» проблему, связанную с обсуждением вопроса «об особых образовательных потребностях», «ограниченных возможностях здоровья» и проч., но погружает в сущность идеи инклюзии, или гетерогенности, в которой личность обучающегося ребенка становится действительно приоритетной задачей образования, воспитания и его развития. Взгляд на проблему развития инклюзивного образования как барьеров в обучении позволит выйти на новый виток понимания сущности многообразия в педагогике.

Ключевые слова: менеджмент многообразия и педагогика многообразия, гетерогенность и гомогенность, негативный и позитивный планы решения проблемы, педагогическая поддержка, барьеры в обучении, личностные ресурсы школьников и образовательных сред в инклюзивном образовании.

Theoretical and methodological approaches to the development of inclusive education in Russia, understood as education for equal access to education for all students with a variety of special educational needs and individual capabilities, are developed primarily in logic, the concepts of pedagogy of diversity and its main problem of heterogeneity – the acceptance of differences between people. The studied problem is considered in positive and negative ways. The negativity of heterogeneity is directly connected to the idea of social readaptative students. While agreeing in general with the proposed methodological approach developers with regard to inclusive education, we propose to draw attention to conceptual approaches to solving the problem, based on national experience of upbringing and education of children in private and public educational environments, 20-30-s of XX century., and world experience of teaching the younger generation with learning difficulties. The concept of barriers to learning and support resources, first and foremost, the students themselves "dissolve" the problem with the discussion of the "special educational needs", "the limited possibilities of health" and so on., but immersed in the essence of the idea of inclusion, or heterogeneity, in which the identity of the child, the student becomes really a priority for education, training and development. Look at the problem of development of inclusive education as barriers to learning will enable us to reach a new stage of understanding of diversity in pedagogy.

Keywords: management of diversity and pedagogy diversity, heterogeneity and homogeneity, negative and positive plans for problem solution, pedagogical support, barriers to learning, personal resources of students and learning environments in inclusive education

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, осмыслением концептуальных подходов в развитии инклюзивного образования за рубежом и в России. В рамках различных направлений магистерских подготовок: «Педагогического образования», «Психолого-педагогического образования», «Специального (дефектологического) образования» - открываются магистерские программы с идентичным названием «Инклюзивное образование» [4].

Какие теоретико-методологические подходы используются при разработке основных образовательных программ применительно к инклюзивному образованию? Это одна из основных проблем, которая, по нашему убеждению, обостряет вопрос о качестве подготовки будущих педагогов инклюзивного образования [5].

Цель исследования - раскрыть сущность теоретико-методологических подходов к развитию инклюзивного образования в России.

Объект исследования - развитие инклюзивного образования в России.

Предмет исследования - теоретико-методологические подходы к развитию инклюзивного образования в России.

Задачи исследования:

1. Уточнить содержание ведущих понятий педагогики многообразия в контексте проблемы гетерогенности и технологий их реализации в образовательной практике.
2. Кратко раскрыть ресурс негативного плана гетерогенности на примере базовых положений «Концепции барьеров в обучении» и ресурсов по их преодолению применительно к инклюзивному образованию.

Начало XXI века для России уникально, так как многообразие духовных ориентиров, целей воспитания, стереотипов поведения в динамично развивающемся обществе, по сути, отражает идею многообразия в педагогике. Педагогика многообразия, в свою очередь, опирается на постулаты менеджмента многообразия, суть которого можно выразить словами: «многообразием нужно управлять, используя его преимущества и минимизируя недостатки» [3; 6].

В рамках направления педагогики многообразия активно внедряется в образовательную практику подход, основанный на признании ведущих принципов зарубежного опыта. Ведущими понятиями первого подхода выступает проблема гетерогенности-гомогенности. Гомогенность (одинаковость) и гетерогенность (неодинаковость, различия) - диалектические противоречия, обусловленные процессами унификации и дифференциации [3, с. 7]. Гетерогенность и плюрализм являются во всем мире актуальными политическими и экономическими темами [3, с. 7].

М.Н. Певзнер уточняет основные критерии гетерогенности, которые не подвергаются изменениям. К ним отнесены: возраст, пол, этническая принадлежность, религия, сексуальная ориентация, инвалидность [6, с. 29]. При этом в международном аспекте особое значение приобретают пол и этнос. Другие аспекты в организациях могут терять актуальность или сознательно искореняются. Например, в случае с курильщиками или соблюдением дресс-кода.

Эти шесть критериев гетерогенности, по нашему мнению, отражают идеи биологизаторского подхода в педагогике многообразия. О. Грауманн пишет о гетерогенности как различиях, общих для животных и человека: «Попытаемся проиллюстрировать проблему гетегорогенности с помощью образа озадаченных животных, получивших одинаковое задание забраться на дерево. Однако одинаковое задание животных представляет собой разную степень сложности» [3, с. 6]. Правда, справедливости ради отметим, что основные критерии гетерогенности в исследованиях рассматриваются в контексте социальных изменений.

Анализ научных публикаций по вопросу решения различий (гетерогенности) - методов, способов обучения - показал, что на сегодняшний день мы может говорить о двух направлениях решения проблемы в образовательной практике, объединенных ведущей идеей - отыскать ресурсы развития человека.

В этой связи существует представление о позитивном и негативном планах решения проблемы гетерогенности. В позитивном плане многообразие (гетерогенность) трактуется как богатство оттенков, при котором различия рассматриваются не как нечто разъединяющее, а, наоборот, как объединяющее, что позволяет использовать потенциал многообразия для достижения синергетического эффекта [6; 8].

В негативном смысле создается иерархическая система, при которой различия трактуются М.Н. Певзнер в плане неадаптированности или неспособности к адаптации в обществе [6].

Какой дидактический ресурс предлагают сторонники данного методологического подхода? Гетерогенность в образовании предполагает наличие определенной воспитывающей среды, в которой развивается ребенок. Качество таких сред описывается посредством феномена толерантности. М.Н. Певзнер уточняет характер толерантности. Речь идет о разумной толерантности к культурному многообразию, предполагаю-

щей наличие определенных границ терпимости [6, с. 25]. Границы терпимости определяются нравственными пределами, позволяющими воспрепятствовать трансформации толерантных отношений в социальный конформизм, вседозволенность, безразличие к ценностям, определяющим национальную и гражданскую самоидентификацию. Разумная толерантность является антиподом абсолютной толерантности, отрицающей границы терпимости.

Основной технологии реализации толерантных образовательно-воспитательных средств выступает педагогическая поддержка (педагогическое сопровождение гетерогенности).

Вместе с тем в зарубежной практике имеется немало доказательств того, что используемый метод педагогической поддержки имеет слабые стороны. Во-первых, она как метод слабо структурирована (теоретический промах). Во-вторых, ее основное назначение - цель как образец обучения, а не собственно личность ребенка и его отличия от других.

Как показывает опыт реализации гетерогенности в образовательной практике, в частности, в школах у учителей сформирован следующий стереотип в их мышлении: они уверены, что введение новой терминологии - гетерогенность в образовании - это отражение ключевых подходов в обучении - индивидуального и дифференциального, реализацией которых они занимаются всегда, и что с их помощью можно решить все проблемы [3, с. 9]. Так что никакой новизны в постановке нового аспекта проблемы они не видят. Это во-первых.

Во-вторых, в учительских кругах распространено так называемое унифицирующее мышление, которые требуют изменений в плане поворота от однообразия к многообразию. Речь, в частности, идет о преодолении в мышлении стереотипа об обязательном знании детей-мигрантов официального государственного языка [3, с. 9].

В-третьих, по-прежнему существует пропасть между теорией и практикой. У практики преобладают завышенные ожидания найти применение на конкретном уроке того или иного теоретического положения. Все учителя знают, что они должны на каждом уроке реализовать индивидуальный и дифференцированный подходы, чтобы удовлетворить индивидуальные запросы каждого ребенка.

В связи со сложностями реализации гетерогенности в образовании посредством педагогической поддержки в современном зарубежном и отечественном образовании отмечается Новый этап реализации проблемы гетерогенности в педагогике (2007-2015). Границы этого исторического периода обусловлены тем, что хороший задел в реализации приходится на зарубежные модели. Незначительный опыт отмечается в России в последние пять лет. Можно говорить о двух направлениях реализации инклюзивного образования. Первое - связано с разработкой индивидуальных образовательных траекторий и маршрутов личности школьников. Второе направление непосредственно относится к определенной целевой группе - инвалидам. При этом гетерогенность и инклюзия, по замыслу разработчиков, рассматриваются синонимичными понятиями [3, с. 11].

Таким образом, в рамках предлагаемого теоретико-методологического подхода проблему гетерогенности в образовании предлагается «сузить» в основном до целевой группы, обладающей высокой мотивацией к обучению.

Мы же, в свою очередь, раскроем особенности решения проблемы гетерогенности в контексте ее негативного плана.

Российские педагоги, опирающиеся в своих исследованиях на мировой и отечественный опыт, акцентируют внимание на доминирующем критерии (факторе) гетерогенности и связывают его со способностью человека к адаптации в социуме. При этом речь в исследованиях идет преимущественно о нестабильном, изменяющемся социуме, в котором и происходят нарушения в адаптации, приводящие, как следствие, к трудностям в обучении [1; 8].

В основе идеи нарушений адаптации человека в социуме лежит социально-педагогический подход. В центре внимания исследователей - социально-

неадаптированная молодежь. Исследования посвящены формированию отрицательных идентичностей в подростково-юношеском возрасте [1; 8]. Основу педагогической составляющей, обусловленной ответом на вопрос: как, каким образом помочь обучающимся преодолевать трудности в обучении, - составляет опыт, накопленный в различных воспитательных средах (закрытых и открытых) в России в 20-30 гг. XX в. и конце прошлого столетия.

Идея негативного плана гетерогенности не противоречит Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» от 2013 г. [9]. В частности, в ст. 5 п. 5. в целях реализации права человека на образование … создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации [9].

Вместе с тем отмечаем, что в ст. 42 ФЗ «Об образовании в РФ» указывается, что необходима психолого-педагогическая, медицинская и социальная помощь детям, испытывающим трудности в освоении основных образовательных программ, развитии и социальной адаптации [9].

Почему в Федеральном законе используется разная терминология для развития инклюзивного образования? Почему вводится понятие «дети, испытывающие трудности в освоении.., развитии и социальной адаптации»?

По нашему убеждению, Федеральный закон предоставляет право исследователям на разработку множества подходов к разработке проблемы гетерогенности. В основу второй педагогической составляющей, применительно к инклюзивному образованию, может быть положена концепция «Барьеры на пути обучения и полноценного участия». Для понимания сути выдвигаемой концепции приведем цитату из исследования Г.В. Бариновой, указывающей на скрытый, не всегда осознаваемый смысл инвалидности, состоящий в постоянном напоминании человеку о том, что «это» может случиться с каждым, опосредованно заставляющий думать, принимать меры практического характера по сохранению, поддержанию здоровья, комплексной профилактике инвалидности [2, с. 6].

В связи с этим представляется целесообразным не раскрывать особенности содержания понятий «учащиеся с ограниченными возможностями здоровья» или «особыми образовательными потребностями», а признать, что инвалидность уже является барьером на пути полноценного участия людей в жизни общества.

Барьеры можно обнаружить как в школе, так и в местном сообществе, а также в региональной или национальной политике. Барьеры также возникают при взаимодействии учеников с не соответствующими их потребностям содержанием и методами обучения. Все эти барьеры могут сделать школу гораздо менее доступной для всех учеников и уменьшить степень их участия в школьной жизни. Работа, проделанная в отношении преодоления трудностей одного ученика, может принести пользу и многим другим детям, хотя их собственным нуждам изначально, может быть, и не уделялось особого внимания [11; 12].

Минимизация барьеров на пути образования и полноценного участия в школьной жизни включает в себя мобилизацию ресурсов внутри школ и окружающих их сообществ. Ресурсы, направленные на поддержку обучения и полноценного участия в школьной жизни, разнообразны. Речь идет и о финансовых, и материальных ресурсах.

Как и барьеры, ресурсы можно обнаружить в школах среди учеников, родителей или опекунов, в сообществах и среди педагогов, а также в изменении культуры, политики и практики, применяющейся в школах.

Ресурсы учеников, которые могут самостоятельно направлять собственное обучение и поддерживать друг друга, чаще всего используются недостаточно, так же как и потенциал взаимной поддержки сотрудников [11; 12].

Различия между учениками - интересы, знания, прошлый опыт, родной язык, достижения или инвалидность - превращаются в ресурсы, поддерживающие эффективный педагогический процесс.

Из сказанного следует, что негативный план проблемы гетерогенности в изложении ученых, активно разделяющих идеи первого подхода, приобретает личностно развивающий оттенок, что приводит к активизации разработок в области психолого-педагогических ресурсов как самих школьников, так и ресурсов образовательных организаций.

Как нам представляется, изложенные два теоретико-методологических подхода в рамках изучения проблемы гетерогенности и технологий ее реализации взаимодополняют друг друга.

Основные выводы, которые можно сделать из анализируемой информации:

1. Решение проблемы гетерогенности и ее учета в образовании - обучении видится в создании иерархической системы (двух ее планов).
2. Образовательные организации в зависимости от степени развития ее корпоративной культуры могут выбирать, какой иерархический уровень системы гетерогенности они выбирают.
3. Реализация идей концепции личностных ресурсов обучающихся в преодолении барьеров в обучении в контексте проблемы гетерогенности в образовании, по сути, означает новый этап развития инклюзивного образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеенко Т.Ф., Рудакова И.А., Щербакова Л.И. Рельефы идентификационного пространства российского студенчества / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). - Новочеркасск: ЮРГТУ, 2005. - 128 с.
2. Баринова Г.В. Инвалидность как социальный феномен современного российского общества (социально-философский анализ): автореф. дис. … д-ра филос. наук. - М., 2015. - 51 с.
3. Грауманн О., Певзнер М.Н. Гетерогенность как педагогическая проблема / Инклюзивное образование. Проблемы и перспективы / Инклюзивное образование: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Сетевое взаимодействие университетов с социальными партнерами в области инклюзивного образования: международный и региональный аспект» / сост. Е.В. Иванов; НовГУ им. Ярослава Мудрого 19-21 мая 2014 г. - Великий Новгород. - С. 6-13.
4. Гребенникова В.М., Рудакова И.А., Щербина А.И. Миссионерские стратегии подготовки будущих магистров для инклюзивного образования / Стратегии формирования инклюзивной среды / сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Вуз как гетерогенная организация: стратегии формирования инклюзивной среды» (Великий Новгород, СПб. (17-19 мая 2016 г.) / сост. М.Н. Певзнер, П.А. Петряков, ред.-сост. Н.В. Богатенкова. - СПб.: СПбАППО, 2016. - С. 42-50.
5. Кузьмина О.С. Подготовка педагогов к работе в условиях инклюзивного образования: автореф. дис. … канд. пед. наук. - Омск, 2015. - 23с.
6. Мартынова Е.А., Романенкова Д.Ф., Романович Н.А. Адаптационные модули (дисциплины) как педагогические компоненты инклюзивного профессионального образования лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 2-2. [Электронный ресурс] - URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21709 (дата обращения: 29.01.2016).
7. Певзнер М.Н., Петряков П.А., Ширин А.Г. Педагог в мире многообразия: ведущие идеи и ожидаемые результаты нового международного проекта / Инклюзивное образование. Проблемы и перспективы / Инклюзивное образование: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Сетевое взаимодействие университетов с социальными партнерами в области инклюзивного образования: международный и региональный аспект» / сост. Е.В. Иванов; НовГУ им. Ярослава Мудрого 19-21 мая 2014 г. - Великий Новгород. - С. 24-34.
8. Рудакова И.А., Алексеенко Т.Ф. Специфика формирования идентичности в подростково-юношеском возрасте. Технический университет - региональный центр стратегического партнерства: инновационный проект / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). - Новочеркасск: ЮРГТУ, 2004. - С. 54-57.
9. Рудакова И.А. Позитивный и негативный планы понимания гетерогенности и методов ее реализации в современном отечественном образовании // Педагогика и современность. Научно-педагогический журнал. - М.: Перо. - 2015. - № 1. - С. 34-39.
10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». - М., 2013.
11. Lesko D. Inclusive school communities: strategy of achieving success. [Development of inclusive schools in Russia. Materials of International Conference, November 19-20, 2005]. Available at: http://www. obrazovanie. perspektiva-inva.ru/index.php?id=388 (in Russian).
12. Magrabu F. Otkrytoe dose po inklyuzivnomu obrazovaniyu [Open Profile on Inclusive Education]. - Paris, UNESKO Publ., 2005. - 18 p.

REFERENCES

1. Alekseenko T. F., Rudakova I. A., Shcherbakova L. I. the Reliefs of the ID space of the Russian students. South.-ROS. GOS. tehn. University (NPI). Novocherkassk: SRSTU, 2005. 128 p over
2. Barinov G. V. Disability as a social phenomenon of modern Russian society (socio-philosophical analysis): Avtoref. dis. ... d-RA philosopher. Sciences. M., 2015. 51 p.
3. Graumann O., Pevzner M. N. Heterogeneity as a pedagogical problem. Inclusive education. Problems and prospects of Inclusive education: problems and prospects: collection of scientific works on materials of the international scientific-practical conference "Network interaction of universities with the social partners in inclusive education: international and regional aspect". comp. E. V. Ivanov; NovSU them. Yaroslav the Wise 19 - may 21, 2014 Veliky Novgorod. 448c. Pp. 6-13.
4. Grebennikova V. M., Rudakov I. A., Scherbina A. I. Missionary strategy of training of future masters of inclusive education. the Strategy of building inclusive environments. collection of scientific papers. According to the materials of the international scientific-practical conference "the University as a heterogeneous organization: strategies for building inclusive environment" (Veliky Novgorod, St. Petersburg. (17-19 may 2016). comp. M. N. Pevzner, P. A. Petryakov, ed. N. In. Bogatenkova. SPb.: Spbpo, 2016. 320 p. p. 42 50.
5. Kuzmina O. S. Training of teachers for work in inclusive education: author. dis. kand. PED. Sciences. Omsk, 2015. 23C.
6. Martynova E. A., Romanenkova D. F., R. N.. The adaptation module (discipline) as a pedagogical components of inclusive professional education of persons with disabilities and disabled people. Modern problems of science and education. 2015. No. 2-2.; URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21709 (reference date: 29.01.2016).
7. Pevzner, M. N., Petryakov P. A., Shirin A. G. Teacher in the world of diversity: leading ideas and the expected results of a new international project. Inclusive education. Problems and prospects of Inclusive education: problems and prospects: collection of scientific works on materials of the international scientific-practical conference "Network interaction of universities with the social partners in inclusive education: international and regional aspect". comp. E. V. Ivanov; NovSU them. Yaroslav the Wise 19 - may 21, 2014 Veliky Novgorod. 448c. P. 24-34.
8. Rudakova I. A., Alekseenko T. F. the Specifics of identity formation in adolescence. Technical University - regional centre of strategic partnership: an innovative project. South.-ROS. GOS. tehn. University (NPI). Novocherkassk: SRSTU, 2004. P. 54-57.
9. Rudakova I. A. Positive and negative plans understanding of heterogeneity and methods of its realization in modern national education. Pedagogy and modernity. Scientific-pedagogical journal. M: Pen, 2015. No. 1. P. 34-39.
10. Federal law "On education in Russian Federation". M., 2013.
11. Lesko D. Inclusive school communities: strategy of achieving success. [Development of inclusive schools in Russia. Materials of International Conference, November 19-20, 2005]. Available at: http://www. obrazovanie. perspektiva-inva.ru/index.php?id=388 (in Russian).
12. Magrabu F. Otkrytoe dose po inklyuzivnomu obrazovaniyu. [Open Profile on Inclusive Education]. Paris, UNESKO Publ., 2005. 18 p.

Информация об авторе

Рудакова Ирина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
irina_rudak@mail.ru

Рослякова Надежда Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой дошкольной педагогики, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Получена: 01.02.2017

Information about the author

Irina A. Rudakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
irina_rudak@mail.ru

Nadezhda I. Roslyakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pre-School Pedagogy, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University,
Krasnodar, Russia

Received: 01.02.2017

Для цитирования: Рудакова И. А., Рослякова Н. И., Теоретико-методологические подходы к развитию инклюзивного образования в России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

For citation: Rudakova .A., Roslyakova N.I., Theoretical and methodological approaches to the development of inclusive education in Russia. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00.
doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.
(in Russian)

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00

ТАГВОРЯН Маргарита Погосовна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
ritatagvoryan@gmail.com

Margarita P. TAGVORYAN
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
ritatagvoryan@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В МИРЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

SIGNIFICANCE OF LANGUAGE POLICY IN THE GLOBALIZED WORLD

В современных мировых интеграционных процессах роль языковых и культурных сообществ достаточно велика, что во многом объясняется их ориентацией на национально-культурные ценности, исторические традиции и защиту национальных интересов. Данная статья посвящена возрастающему значению лингвистического фактора в мировой политике. В статье представлен комплексный подход к проблеме формирования языковой политики государств и определению значимости лингвистической глобализации в мире. В формировании внешней и внутренней политики государств учитывается огромное количество характеристик, так как язык является не только проводником культуры и определителем национальной идентичности, но и той составной частью, которая может влиять на экономические и политические отношения между странами в мире. Также в статье приводится анализ сущности лингвистической политологии, ее основные аспекты и виды. Рассматриваются основные языковые теории и модели, разработанные для выявления связи между увеличением значения языкового фактора в мире и глобализацией. Приводится характеристика языковой политики некоторых стран, которые предпринимают различные попытки в продвижении своего языка в мировом сообществе ввиду активного распространения английского языка в мире.

Ключевые слова: лингвистическая политология, лингвистическое измерение мировой политики, лингвистический фактор, мультилингвизм, глобализация мировой политики, языковая глобализация.

In modern world integration processes, the role of linguistic and cultural communities is significant due to their focus on national-cultural values, historical traditions and the protection of national interests. This article is devoted to the growing importance of the linguistic factor in world politics. The article introduces complex approach to the problem of forming the language policy of governments and determining the significance of linguistic globalization in the world. In the formation of foreign and domestic policy of the governments is taken into account a huge number of features because language is not only a vehicle of culture and determinant of national identity, but also the part which can influence on economic and political relations among the countries in the world. The article also gives the analysis of the nature of linguistic science, its main aspects and types. It focuses on the major linguistic theories and models developed to identify the relationship between the process of increasing value of the language factor in the world and globalization. The article presents the characteristic of the language policies of some countries that have undertaken various attempts in the promotion of their language in the global community due to the active spread of English language in the world.

Keywords: lingvo-political science, linguistic dimension of world politics, multilinguism, globalization of world politics, linguistic globalization

На данный момент не существует единого определения глобализации, также нет и общего мнения относительно появления этого процесса. Но с уверенностью можно сказать, что в XXI веке глобализация затронула все аспекты человеческой деятельности. Язык не является в этом смысле исключением. «Глобализация - это неизбежное явление в истории человечества, заключающееся в том, что мир в результате обмена товарами и продуктами, информацией, знаниями и культурными ценностями становится более взаимосвязанным» [1]. Зачастую глобализацию связывают с экономическим фактором, так как страны начали объединяться в блоки, и внутри них приходится сначала решать проблемы, вызванные экономическим кризисом. С течением времени у многих исследователей появился интерес к изучению лингвистических аспектов глобализации. Это обусловлено усилением влияния США на экономику различных стран, распадом СССР, изменениями на карте Европы, а также техническим прогрессом - все это подготовило почву для глобализации и, как результат, языковых изменений. «Под лингвистической глобализацией понимаются более активные процессы взаимопроникновения языков в период глобализации с увеличением числа американизмов в языках мира» [2, с. 53]. Любые изменения в общественном строе страны проявляются в языке, так как это средство коммуникации и единственный показатель социальной действительности. Безусловно, показатели лингвистической глобализации не стоит относить только к количественным показателям. Так, китайский язык и хинди относятся к наиболее распространенным языкам мира, однако ни тот ни другой не являются языком глобализации. Вследствие чего основной целью данной статьи является определение значимости языковой политики в мире в эпоху глобализации.

«Мир вступил в эпоху коммуникативного сдвига, суть которого состоит в объективной необходимости национально-англоязычного билингвизма» [3, с. 64]. За последнее время появилось много литературы, посвященной языковой политике государства, или, как ее еще можно назвать, языковому планированию. В этой связи анализируется связь между языком и нацией, влиянием СМИ на языковую ситуацию в какой-либо стране, исследуются исторические и демографические факторы. На языковую политику также повлиял процесс глобализации. Ввиду этого значительное внимание стало уделяться мультикультурализму и мультилингвизму. «Мультикультурализм - политика, направленная на признание всех этнических групп, их внутренней ценности как различающихся обществ, достойных равного уважения» [4, с. 27]. В современных мировых интеграционных процессах роль языковых и культурных сообществ достаточно велика, что во многом объясняется их ориентацией на национально-культурные ценности, исторические традиции и защиту национальных интересов. В последнее время интеграционные процессы охватили почти весь мир. Эти образования имеют отличные друг от друга механизмы, причины и факторы, обусловливающие объединение стран в региональные и субрегиональные сообщества. Одни преследуют экономические и военно-политические цели, другие выделяют в качестве приоритета культурные, цивилизационные, языковые, психологические особенности. «Согласно некоторым исследованиям, интеграционные связи предполагают возрастание экономической, политической, военной и культурно-психологической взаимосвязи между государствами. При этом основным двигателем интеграции признается именно государство, которое, включаясь в интеграционный процесс, руководствуется своими собственными интересами» [5, с. 9-10] .

В своей сущности лингвистическая политология исследует вопросы, связанные с отношением политики к языку. Она находится на стыке науки о языке и науки о политике. Языковая политика - часть политики в целом. Другими словами, «языковая политика - совокупность мер, принимаемых государством, классом, партией, этносом для изменения или сохранения существующего функционального распределения языковых образований, для введения новых и консервации употребляемых языковых норм. Характер и способы разрешения языковых (выбор языка) и лингвистических (выбор языковой нормы) проблем, составляющих содержание языковой политики, определяются интересами определенных классов, этнических общностей, политическими и идеологическими целями в области культуры» [6]. «Языковую политику обычно рассматривают в рамках так называемой социолингвистики. В нее включают не только лингвистическую политологию, но также лингвостилистику, лингвотехнику, диалектологию» [7]. Видами лингвистической политики можно считать внутреннюю и внешнюю языковую политику государства. Внешняя языковая политика связана с взаимоотношениями между различными государствами. Внутренняя языковая политика проводится в пределах одного и того же государства. На данный момент эти два вида лингвистической политики тесно связаны между собой. Зачастую успешная внутренняя языковая политика является рычагом для проведения внешней политики. Все попытки проведения такого вида политики является тенденциями к сохранению национальной идентичности или даже к обострению национального самосознания. И на основе тенденций углубления национальной идентичности развивается процесс культурной и языковой интеграции. Многие европейские государства не располагают такой лингвистической и культурной общностью с государствами других континентов, и пока одни пользуются ее плодами, другие только пытаются воссоздать когда-то существовавшие культурные связи заново. Несмотря на то, что зачастую финансовая и торговая экспансия оказывается весьма эффективной, многие государства полагают, что она должна дополняться культурно-языковыми связями. На протяжении многих лет люди пытались создать единый язык, который бы понимали все. В рамках современной социальной действительности таким языком стал английский язык, но не, потому что так захотели все народы мира, а потому что в эпоху глобализации англосаксонский мир и его культура

оказались на вершине своего экономического, политического и социального развития. Английский язык сейчас является средством международного общения. Спорным остается вопрос об отрицательном влиянии североамериканской цивилизации на другие, теряется многообразие культур и народов. В эпоху глобализации национальные языки становятся более восприимчивы к заимствованию из английского языка. В этой связи была разработана гравитационная модель языков французского ученого Ж.-Л. Кальве. В своей теории он разделяет языки на виды и выступает за сохранение лингвистического разнообразия. Основной идеей является то, что в современном мире английский язык является гиперцентральным языком и с ним сложно конкурировать, поэтому он ставит под угрозу все государственные языки мира. В этой связи, данная модель создана для проведения успешной языковой политики государств. Как утверждает отечественный исследователь Алпатов В.М., «значительные изменения в своей динамике в связи с глобализацией претерпевает функционирование языков народов мира. Стремясь к экономическому единению мира, глобализация вызывает тенденцию к его языковому единению» [8].

Так или иначе, лингвистическая политика государств связана с таким понятием, как нация. Теория лингвистического детерминизма, авторами которой являются Сепир и Уорф, рассматривали язык в качестве важнейшего признака этноса. «Нация - это историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера. Ряд современных ученых связывают нацию с определенным народом, и включает в число ее сущностных принципов общность самосознания и социальной структуры; другие рассматривают нацию как общность принадлежности к определенному государству» [9]. Язык является одним из единственных признаков, который определяет этнос. Этнос создается и поддерживается языком. Однако, представители конструктивизма имеют противоположный взгляд на это. Они считают, что изначально никакого этноса не существует. Со временем исторические корни и территории определенных народов поменялись, и этнос - это искусственное образование, воображаемое сообщество. Одним из таких исследователей стал английский профессор Бенедикт Андерсон. В своей работе «Воображаемые сообщества» он утверждает, что нация - это фантазия, плод нашего воображения» [10].

Отечественный ученый Алпатов В.М. считает, что в современном мире языковая политика основывается на двух естественных, но противоположных друг другу потребностях. «Потребность идентичности состоит в стремлении (сознательном или бессознательном) пользоваться в любой ситуации общения «своим» языком. Потребность взаимопонимания заключается в том, что каждый из участников диалога желает общаться без помех со своими собеседниками независимо от того, какой язык им родной» [11].

В современном мире любое государство ведет свою языковую политику. Такое распространение языка может поддерживаться не только с помощью власти, но и с помощью политики в области образования и средств массовой информации. Функцией языковой политики государства является распространение и поддержание государственного языка [11]. Кроме того, существует много государств, где активно поддерживается региональный язык. «Языковая политика в отношении этих языков обычно допускает их использование, в том числе официальное, в довольно широких пределах» [11]. Со временем национальное самосознание растет и меньшинство, говорящее на этом языке, требует большей независимости. Дабы не допустить конфликтов и отделения этой части от государства, региональный язык может превратиться в государственный [11].

В современном глобализирующемся мире появилась тенденция к вымиранию языков. «Такие языки проходят все стадии пути от одноязычия как владения языком своего этноса через двуязычие к одноязычию как владению языком, ранее бывшим чужим» [11]. Смерть языка заключается в прекращении его использования. Причин тако-

го процесса может быть много, но главная заключается в дискриминации людей, говорящих на языках малых народов, в том, что они не защищены от внешних угроз. Язык малых народов, зачастую, никак не поддерживается со стороны государства, он теряет свою самобытность в современных условиях развития общества. «Устойчивость языка зависит от многих причин, среди которых и количество носителей, и их культурная ориентация, и языковая политика в государстве» [11]. Как четко подмечает Дж. Эдвардс, для многих малочисленных народов есть один жизненно важный вопрос - либо потерять язык, либо жить отсталой от современности жизнью [12]. «Государственная политика в отношении языков меньшинств может быть различной: от запрещения и принудительной ассимиляции носителей до культурной автономии и юридического равноправия» [11]. В этом смысле процесс установления французского языка в качестве второго государственного в Канаде является хорошим примером более-менее удачно спланированной языковой политики государства. В последнее десятилетие мировое сообщество стало уделять больше внимания языкам малочисленных народов. В 1992 г. была принята Европейская Хартия региональных языков. В Хартии излагаются конкретные требования в отношении того, как поддерживать языки в повседневной жизни. Также в ней говорится об образовании на языках, изучении языков на всех уровнях и использовании их в прессе, а также на радио и телевидении. Она призывает к использованию языков во всех областях жизни - от дорожных знаков до здравоохранения и обращений в государственные органы. В Хартии, разработанной в Совете Европы, излагаются международно признанные принципы политики в поддержку языков в современном обществе. Между официальными языками и региональными языками или языками меньшинств не существует ни конкуренции, ни антагонизма [13]. Кроме того, поддержанием языков малых народов активно занимается ЮНЕСКО. Они разработали такое понятие, как уровень жизнеспособности языка - оценка, которую они присваивают языкам, которые находятся на грани вымирания. По их шкале существует шесть уровней: безопасный, уязвимый, есть угроза исчезновения, серьезная угроза, на грани исчезновения и вымерший язык [14]. «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО предназначен для того, чтобы привлечь внимание властей, языковых сообществ и широкой публики к проблеме языков, находящихся под угрозой исчезновения, и к необходимости сохранения мирового языкового разнообразия. Цель атласа состоит также в том, чтобы стать инструментом контроля состояния гибнущих языков мира и тенденций в языковом разнообразии на глобальном уровне» [14]. Данная проблема перенеслась на международный уровень, так как в рамках глобализации усиливается потребность взаимопонимания. Значение и роль мировых языков увеличивается, особенно английского языка. Но нельзя скидывать со счетов и влияние государств на лингвистическую ситуацию в мире. Главная цель для государств - правильно составить направления для языковой политики. Сейчас это необходимо ввиду возрастающей роли английского языка. «Даже такая влиятельная в экономическом отношении страна, как Германия, сейчас активно занимается распространением своего языка через Гете-институт» [5, с. 16]. Однако не все бывшие колониальные империи создают языковые сообщества в дополнение к своему экономическому и политическому влиянию, и наоборот. Если Франция и Португалия сохраняют свои связи с бывшими колониями, во многом опираясь на языковые сообщества, то такие государства, как Испания, действуют на более масштабном уровне. «По инициативе Испании регулярно проводятся Иберо-Американские саммиты, собирающие глав государств Латинской Америки и Иберийского полуострова. Испания не ограничивается своими бывшими колониями, пытаясь расширить сферу своего влияния и в Бразилии, и в Португалии на основе общего культурного наследия Иберийского полуострова» [5, с. 9-10]. Возможно, это связано с более тесными отношениями между Испанией и странами Латинской Америки, в том числе и с основанными на личных межправительственных контактах, помогающих поддерживать определенную степень испанского влияния на латиноамериканском континенте. Относительно лингвистической политики Португалии можно

сказать, что она получила силу при вступлении в Европейский Союз и при включении в текст Конституции положений о необходимости распространения португальского языка [15]. Правительство начало предпринимать различные попытки по созданию межгосударственных структур на лингвистической основе. «В этом же году в Кабо-Верде (одним из государственных языков является португальский) была создана Ассоциация университетов португальского языка, которая, по мнению португальского правительства, должна способствовать процветанию предполагаемой интеграции» [16]. Далее были предприняты некоторые шаги по созданию Сообщества Португалоговорящих стран, которые будут рассмотрены более подробно в следующей главе. Основные направления языковой политики Российской Федерации регулируются двумя нормативно-правовыми актами - Законом «О языках народов Российской Федерации» 1991 г. и Законом «О государственном языке Российской Федерации». В 2005 г. был принят «Закон о государственном языке». В связи с этим основными направлениями распространения русского языка, помимо Российской Федерации, стали страны СНГ и Балтии, а также дальнее зарубежье [17]. В 2001 г. Россия подписала Европейскую Хартию региональных языков, в связи с чем стал продвигаться процесс по их поддержанию. На территории Российской Федерации насчитывается приблизительно 116 языков, находящихся на грани вымирания [14]. В рамках ЮНЕСКО серьезно отслеживаются исчезающие языки, и в случае их приближения к критической точке Европейская Хартия предписывает принятие неотложных мер со стороны государства для возрождения и поддержания функционирования языков меньшинств, находящихся на грани исчезновения. «Языковая политика в отношении постсоветских государств - интеграция стран СНГ. Обеспечение эффективного функционирования русского языка Федеральной программой определяется как основа развития интеграционных процессов в СНГ» [14]. Это необходимо не только для успешного развития политических и экономических связей, но и для поддержания русскоязычного населения на территории стран СНГ. Таким образом, языковое планирование РФ достаточно развито, существует огромное количество законопроектов, но не хватает финансирования в поддержании региональных языков и статуса русского языка на международной арене.

Подводя итог, можно сказать, что, с одной стороны, современная лингвистическая политика государств направлена на мультилингвизм, при этом каждое государство пытается распространить сферу своего языкового влияния на большие территории. Мультилингвизм - это «состояние языкового разнообразия, признание и утверждение языкового плюрализма, сохранение и развитие доминирующего (официального, государственного) языка» [19]. Кроме того, не следует считать, что государство - это единственный орган, который способен иметь языковую политику и проводить в жизнь языковое планирование (строительство). В этот процесс могут быть вовлечены средства массовой информации и общественные силы. Эти общественные силы или группы могут печатать книги на языке, который они хотели бы сохранить, организовывать преподавание этих языков, культурные события на этих языках и другие мероприятия [20]. Также немаловажно то, что вся социальная действительность, включая сферу международных отношений, существует и проявляется через язык. «Языковые процессы - это отражение процессов социальных, экономических, политических, культурных и т.д. Показатели распространения того или иного языка на земном шаре отражают влияние отдельного «языкового мира»» [19]. Поэтому каждое государство пытается как можно больше распространить свой национальный (государственный) язык по всему миру. При этом, с другой стороны, стоить отметить неизбежность появления языка глобализации, или языка международного общения. Этот процесс стоит рассматривать как историческое развитие событий, как необходимость в международной среде и политике, как неотъемлемую часть самой глобализации. Важно, чтобы государства осознали проблемы, которые могут возникнуть из-за глобализации, и стали лучше проводить языковую политику для того, чтобы не потерять все то культурное многообразие и лингвистический плюрализм, которые существуют сейчас на нашей планете.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Материалы Всемирного банка для учащихся / [Электронный ресурс] - http://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml. (Дата обращения: 12.09.2015).
2. Алпатов В.М. Американизация японского и русского общества по языковым данным / Российское востоковедение в память о М.С. Капице / Очерки, исследования, разработки. - М.: МГУ, 2001.
3. Кабачки В.В. Английский язык межкультурного общения. - СПб.: Союз, 2000.
4. Сланевская Н.М. Лингвистическое измерение международных отношений. - СПб: Нестор, 2005.
5. Павлова Е.Б. Португалия и интеграционные процессы в современном мире: политические аспекты. - СПб.: СПБГУ, 2001.
6. Большая Советская библиотека / [Электронный ресурс] - http://bse.sci-lib.com/article128134.html. (Дата обращения: 13.09.2015).
7. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. - М.: Наука, 1977.
8. Алпатов В.М. Глобализация и развитие языка // Вопросы филологии. - М., 2004. - № 4.
9. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. - СПб., 2000.
10. Бенедикт А. Воображаемые сообщества / пер. с англ. В.Г. Николаева. - М.: КАНОН-ПРЕСС Ц, 2001.
11. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире / Научный диалог. Филология. - 2003. - № 5(17).
12. Edwards J. Multilingualism. - London - New York: Routledge, 1994.
13. European Charter for Regional or Minority Language / [Электронный ресурс] - http://conventions.coe.int/treaty/en/Treaties/Html/148.htm. (Дата обращения: 13.09.2015).
14. Языки под угрозой исчезновения / [Электронный ресурс] - http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger. (Дата обращения: 13.09.2015).
15. Текст Конституции Португалии / [Электронный ресурс] - http://worldconstitutions.ru/archives/141. (Дата обращения: 13.09.2015).
16. Алпатов В.М. Что такое языковая политика? / Общество и язык / Мир русского слова. - 2003. - № 2.
17. Основные направления языковой политики Российской Федерации / [Электронный ресурс] - http://www.centersot.net/mediawiki/index.php. (Дата обращения: 13.09.2015).
18. Ягья В.С., Чернов И.В., Блинова Н.В. Лингвистическое измерение мировой политики. - СПб.: СПБГУ, 2009.
19. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. - СПб.: Гуманитарная академия, 2008.

REFERENCES

1. Materiali Vsemirnogo banka dlya uchashchikhsya. Available at: <http://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml>. (accessed: 12.09.2015).
2. Alpatov V.M. Amerikanizatsiya yaponskogo i russkogo obshchestva po yazikovim dannym. Rossiyskoe vostokovedenie v pamyat o M.S. Kapitse. Ocherki, issledovaniya, razrabotki. [Americanization of japan and russian society according to the language record. Russian Oriental Studies in memory of M.S.Kapitse. Essays, research, development]. MGU=MSU, 2001. (in Russ).
3. Kabachkin V.V. Angliskiy yazik mezhkulturnogo obshcheniya. [English language of international communication]. Souz=Alliance, 2000.(in Russ).
4. Slanevskaya N.M. Lingvisticheskoe izmerenie mezhdunarodnikh otnosheniy. [Linguistic dimension of international relation]. Izd-vo “Nestor”=Nestor, 2005. (in Russ).
5. Pavlova E.B. Portugalia i intergrazionnie prozessi v sovremennom mire: politicheskie aspekti. [Portugal and international processes in the modern world: political aspects]. SPBGU=SPSU, 2001. (in Russ).
6. Bolshaya Sovetskaya biblioteka. Available at: <http://bse.sci-lib.com/article128134.html>.(accessed: 13.09.2015).
7. Desheriev Yu.D. Sotsialnaya lingvistika. [Social linguistic]. Nayka=Science, 1977. (in Russ).
8. Alpatov V.M. Globalizatsiya i razvitie yazika. Voprosi philisophii. [Globalization and language development. The issue of philosophy]. M., 2004. № 4. (in Russ).
9. Bolshoy enziklopedicheskiy slovar. Gl. red. A.M. Prokhorov. Izd. 2-e, pererab. i dop. SPb, 2000.
10. Benedikt A. Voobrazhaemie soobshchestva. [Imagined communities]. per. s angl. Nikolaeva V.G. KANON-PRESS TS, 2001. (in Russ).
11. Alpatov V.M. Yazikovaya politika v sovremennom mire. Naychniy dialog. Philologiya. [Language policy in the world. Scientific dialoge. Philology]. 2003. № 5(17). (in Russ).
12. Edwards J. [Multilingualism]. London - New York: Routledge, 1994.
13. European Charter for Regional or Minority Language. Available at: <http://conventions.coe.int/treaty/en/Treaties/Html/148.htm>. (accessed: 13.09.2015).
14. Yaziki pod ugrozoy ischeznoveniya. Avaliable at: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger>. (accessed: 13.09.2015).
15. Tekst Konstitutsii Portugalii. Available at: <http://worldconstitutions.ru/archives/141>.(accessed: 13.09.2015).

16. Alpatov V.M. Chto takoe yazikovaya politika? / Obshchestvo i yazik / Mir russkogo slova. [What is linguage policy? / Society and language / The world of russian word], 2003. № 2. (in Russ).
17. Osnovnie napravleniya yazikiviy politiki Rossiiskoy Phederazii. Available at: <http://www.centersot.net/mediawiki/index.php>. (accessed: 13.09.2015).
18. Yagya V.S., Chernov I.V., Blinova N.V. Lingvisticheskoe izmerenie mirovoy politiki. [Linguistic dimenmsion of world policy]. SPBGU=SPSU, 2009. (in Russ).
19. Vakhtin N.B., Golovko E.V. Soziolingvistika i soziologiya yazika. [Social linguistic and sociology of language]. Izd-vo “Gumanitarnaya akademiya”= “Humanitarian Academy”, 2008. (in Russ).

Информация об авторе:

Тагворян Маргарита Погосовна, аспирант, факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
ritatagvoryan@gmail.com

Получена: 30.11.2016

Для цитирования: Тагворян М.П., Значение языковой политики в мире в эпоху глобализации. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. с.00-00. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00.

Information about the author:

Margarita P. Tagvoryan, Postgraduate Student, Faculty of World Politics, Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
ritatagvoryan@gmail.com

Received: 30.11.2016

For citation: Tagvoryan M.P., Significance of language policy in the globalized world. *Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mysl’* = *Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.1. Part. 2. Pp. 00-00. doi: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-00-00. (in Russian)

Редакторские статьи. Классики

Editorial Articles. Classics

РЕДАКТОРСКИЕ СТАТЬИ. КЛАССИКИ

В этом разделе будут размещаться ключевые классические тексты, отобранные редакцией научного журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", посвященные анализу исторических, социальных и педагогических проблем.

EDITORIAL ARTICLES. CLASSICS

In this section will be placed the key classic texts, selected by the editorial office of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", devoted to the analysis of historical, social and educational problems.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в работе Международной заочной научной конференции **«Поощрение и наказание: образовательные практики прошлого, настоящего и будущего».**

Материалы конференции будут опубликованы в научном журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» в специальном выпуске. Опубликованные статьи будут засчитаны как работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Крайний срок подачи заявки и материалов: 15 июля 2017 года.

По всем вопросам можно обращаться в адрес оргкомитета: akademus07@rambler.ru.

К участию в конференции приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Оргкомитет конференции будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

С уважением,

председатель оргкомитета конференции,
кандидат педагогических наук,
доктор исторических наук,
профессор В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" invites everyone to participate in the International Distant Conference of the Academic People and Professionals. The theme of the Conference is **"Promotion and Punishment: Educational Practices of the Past, Present and Future".**

Conference materials will be published in the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" in a special issue, and will be counted as papers, published in leading peer-reviewed scientific journals and journals, recommended by Higher Certification Commission of the Russian Ministry of Education and Science.

The deadline for application: July 15, 2017.

All questions possible to address to the Organizing Committee: akademus07@rambler.ru.

To participate in the Conference are invited postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community. The Organizing Committee will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

Sincerely,

Chairman of the Conference Organizing Committee,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor V.A. Shturba

Н.И. ПИРОГОВ (1810 – 1881 гг.)

НУЖНО ЛИ СЕЧЬ ДЕТЕЙ И СЕЧЬ В ПРИСУТСТВИИ ДРУГИХ ДЕТЕЙ?

Статья напечатана в газете "Одесский вестник" от 15 апреля 1858 г. Поводом этому послужили частые случаи наказания учащихся Херсонской гимназии розгами, что Н.И. Пирогов считал безнравственным и недопустимым. Статья была поддержана Н.А. Добролюбовым.

Не правда ли, мелочный и даже, так сказать, неприличный вопрос для публики образованной и занятой серьезными делами? Но для детей розга не мелочь, и секут их также и образованные, и занятые серьезными делами люди. А я именно и хочу говорить только с секущими. Да, наконец, вспомнив бывалое, мало ли еще между нами найдется таких, которые чем-нибудь да обязаны розге - хорошим или худым, но, по крайней мере, думают, что обязаны. Розга - предмет немаловажный, и не для одних детей: о ней говорится и в Библии, и в педагогике, и в законоведении. А в жизни ребенка она - из важнейших вещей важнейшая. Правда, для многих отцов, матерей и учителей высечь ребенка - все равно что высморкаться. Я знавал и таких, которые уверяли, что до 12 лет с ребенком нужно обращаться как с котенком или щенком. Я не преувеличиваю - именно этими словами выразил мне один отец, и не из простых, свой взгляд на воспитание, и уверял, что он так воспитывал всех своих детей. Сын его, образованный по этой методе, мне и теперь знаком; он довольно известный ученый, но человек ненадежный. Еще и многие теперь живут из сеченых по субботам; и многие из них не нахвалятся этой методой, приписывая ей даже и то, что они дослужились до почета. Есть, наконец, и такие, которые не поверят, чтобы можно было теперь еще терять время на рассуждения о том, что, по их мнению, всем и каждому известно, что освящено временем и потому не подлежит никаким возражениям. Нашим училищным уставом определяется телесное наказание только в крайних случаях, когда все другие исправительные меры оказались недостаточными, и то только в низших классах. Но училищный устав писан не для родителей, а дети, поступающие 10 и более лет в школу, уже воспитывались до того - так или иначе - дома. Поэтому учителя и директора училищ поставлены в затруднительное положение и нередко недоумевают: должно ли продолжать начатое, или начинать новое. Сеченых детей не сечь - значит терять над ними авторитет; а если сечь, то нужно больнее. Человек, и еще более дитя, скоро ко всему привыкает; а высекши одного или двух, захочется попробовать и на других: эта метода как-то проще и действия ее нагляднее.

Большая часть секущих родителей и учителей, без сомнения, действуют или по привычке, или подражая. Недавно я видел двухлетнего ребенка, который, держа в руке палку, бил ею отца, смеясь тем детским смехом, который так заманчив и для всех взрослых. В движениях этой ручонки было так же мало смысла, как и в наказующей руке многих отцов и учителей.

В чем же состоит основная мысль телесного наказания вообще? 1) Выместить причиненную злобу и 2) пристыдить, 3) устрашить. Вот три чувства, на которых человечество с незапамятных времен основывает все свои физические исправительные меры. Оставив месть в стороне, как чувство, не свойственное ни христианству, ни здравой нравственности, руководившее только первобытных законодателей младенчествующего общества, остановимся на двух современных: стыде и страхе.

Но тот, кто хочет телесным наказанием пристыдить виновного, не значит ли - хочет стыдом действовать на человека, потерявшего стыд? Если бы он его еще не потерял, то для него достаточна была бы одна угроза быть телесно наказанным. Да и самое средство, направленное к цели, не таково ли, что оно уничтожает самую цель? Как вы хотите, чтобы удары розгой по обнаженному телу ребенка могли пристыдить его, когда они именно и уничтожают стыд, заставляя его делать то, чего он должен сты-

диться делать? Пусть ребенок всегда стыдится заслужить такое наказание - это не худо; но если он себя до него довел, то уже тут поздно стыдом действовать. Тут остается один только страх. Но какой? Не тот нравственный страх заслуженного наказания, который возбуждается внутренним чувством совести за нарушение предписываемых ею правил, а страх боли и истязаний. Неужели нужно у ребенка поставить совесть в зависимость от розги? И ежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть, наконец, того, чтобы физическая боль или одно воспоминание о боли пробуждало совесть, то желательно ли, утешительно ли это? Хорошо ли приучать совесть, это свободное чувство человека, с самых юных его лет к зависимости от телесных или даже и духовных, но более зависимых ощущений? Или, может быть, думают, что одна мысль о боли достаточно устрашает? При таком воззрении розга должна сделаться для ребенка чем-то вроде *memento mori*[1]. Один взгляд на нее, даже брошенный украдкой, уже должен страшить и потрясать. Тогда страх делается чем-то средним: ни чисто физическим, ни чисто нравственным чувством. Но в таком случае, чтобы быть последовательными, мы не должны его допускать до конечного осуществления. Есть немецкая поговорка: "Черт не так черен, как нам его описывают". Ее изобрели, верно, те, которые уже видели, по крайней мере, во сне или в бреду, черта. Трус, испытав однажды на деле то, чем его пугало воображение, может сделаться вдруг храбрецом. И ребенок, боявшийся одного взгляда на розгу, перестанет бояться, когда узнает *a posteriori*[2], что она не так ужасна, как ему прежде казалось. Но, наконец, положим, вы достигли вашей цели; вам удалось возбудить самый лучший физический страх в ребенке - чем вы будете его поддерживать? Вам еще понадобится его усиливать: ребенок ко всему привыкает. Где положить границу усилиям? А если он, хоть на минуту освободится из-под дамоклова меча, если он, хоть вскользь убедится, что его проступки могут остаться незамеченными, как вы думаете: воспользуется он или нет своей мнимой свободой? Вот уже и двойственность, вот уже и опять - быть и казаться. Покуда розга в виду - все хорошо и в приличном виде; когда исчезла из виду - кутеж и разлив. И это нравственность! Если же у вас в дому или в школе обстоит все в таком отличном порядке, что ни один проступок ребенка не может остаться незамеченным, то на что тогда розга? Лишь бы было это убеждение, и преступлений бы не было: по крайней мере, они случались бы как нельзя реже. Но в этом-то вся и загадка. Поселите это убеждение, займитесь серьезно; это не так трудно, как кажется с первого взгляда, хотя, конечно, это сделать труднее, чем приготовить хороший березовый чай. Но и это еще далеко не все. Это только шаг к хорошему; но есть и еще лучшее. Сделайте так, чтобы наказание за проступок было не вне, а внутри виновного - и вы дойдете до идеала нравственного воспитания. Не забудьте, что я говорю это родителям: у них в руках и мягкая масса для моделей, и форма. Но и учителя не должны забывать, что к ним поступает в руки эта масса еще не совсем застывшей. Они могут из нее также еще кое-что вылепить.

Итак, розга - слишком грубый и насильственный инструмент для возбуждения стыда. А чувство стыда - это такой нежный, оранжерейный цветок, который разом завянет, когда побывает в грубых руках. Розга вселяет страх - это правда, но не исправительный, не надежный, а прикрывающий только внутреннюю порчу. Она исправляет только слабодушного, которого исправили бы и другие средства, менее опасные.

Я пишу все это только потому, что верю в слова покойного преосвященного Иннокентия. Он мне сказал однажды: "Всякая мысль, высказанная с убеждением, есть живое семя, брошенное на землю; рано или поздно оно пустит ростки". Класс секущих, разумеется, останется при своем убеждении, если он действует точно по убеждению, а не по слепой привычке и бестолковому подражанию; для них розга, что ни говорите, все-таки останется незаменимой и неизбежной. Но эти господа, согласные между собой в основном принципе, не все еще согласны в способах, как его приводить в действие, и потому распадаются на несколько сект.

[1] «Помни о смерти» (лат.).

[2] «На основании опыта» (лат.).

Одна секта утверждает, что надобно сечь сгоряча, тотчас же на месте преступления, *en flagrant delit*[1]. По ее мнению, и наказуемый и наказующий в это время бывают в таком особенном настроении духа, что первый лучше воспринимает, а второй лучше сообщает. Другая секта откладывает наказание до более удобного времени и совершает его методически, с толком и с расстановкой. Эту секту в ее высшем развитии составляли древние наши педагоги-субботники, которые секли всех своих питомцев по субботам, сплошь и рядом, уверяя, что виноватым это служит возмездием за прошедшее, а невиноватым пригодится в будущем. Далее, третий род секущих сторонников, опасаясь возбудить в детях нелюбовь или ненависть к наказующему, запрещает сечь самим учителям и воспитателям, предоставляя это занятие особенным, нарочно к этому подготовленным экспертам. Кажется, не нужно и упоминать, что такой дипломатический расчет могли придумать только одни отцы-иезуиты. Впрочем, еще замысловатее четвертый класс, который не так давно еще у нас сек невиноватого, полагая этим исправить виноватого, да еще и доказать ему свою любовь. Не нужно объяснять, что виноватые были родные дети, а невиноватые - слуги и приемыши. Наконец, чтобы сделать наказание нравственно полезным не для одного только виновного, а и для других его товарищей, пятый род адептов розги сечет не келейно, а торжественно, с драматической обстановкой и сам еще подразделяется на две отрасли, из которых одна призывает к присутствию всех товарищей наказываемого, чтобы ему было стыднее, а другая вменяет это присутствие в наказание только одним провинившимся. Вот с этой-то отраслью, существование которой обнаруживается и в Новороссии, я хочу еще переговорить немного. Я уже ей сказал, что ее действия в моих глазах безнравственны. Но она сомневается. Будем судиться гласно.

Покуда все дело ограничивается только одной угрозой виноватому, что его заставят быть при наказании товарища или брата, то я ничего не имею сказать против этого. Если отец или учитель в минуту гнева накажет ребенка перед его братьями или соучениками, я также не сочту этого еще худым. Но если воспитатель вменит обдуманно в наказание виноватым присутствовать при наказании других и заставит их это сделать, и не однажды, то, по-моему, это значит - или не знать вовсе человеческого сердца, или иметь о нем самое худое мнение и тем именно его портить еще более, нежели оно и без того уже испорчено. Чего вы хотите? Поселить в присутствующем отвращение к наказанию? Да вы поселяете одно отвращение к наказующему. Вы хотите возбудить отвращение к виновному? Но вы возбуждаете к нему сочувствие. Разве можно, не огрубев душой, без сожаления, слушать вопль и смотреть на борьбу сильного с бессильным? Какой род страха вы желаете развить в вашем воспитаннике? Страх физический или нравственный? Если первый, то к нему скоро привыкают, и он, смотря по характеру, рано или поздно переходит в тупое равнодушие, то прямо, то постепенно восходя от боязни до ужаса. А если второй, то вы не достигнете вашей Цели розгой, будете ли ею действовать *a priori* или *a posteriori*.

Но его может вселить только тот, кто его сам имеет, да и имеет в избытке. Этот страх есть страх божий, который - нас учили - есть и начало премудрости. Может быть, вы и устрашите, но только одних трусов, да и те будут бояться не наказания, а наказующего.

Желаете ли вы возбудить негодование на виновного в его товарищах и однокашниках - а этого вы должны желать, - то вы не достигнете и этой цели, заставив, напротив, жалеть его и сочувствовать его горю. Негодование обращается не на него, а на того, кто наказывает. Итак, исправительная мера, развивающая чувства, совершенно противные тем, которые вы хотели ею пробудить, по малой мере неприлична и неблагоразумна. Но если она еще к тому может зародить порочные чувства, то она безнравственна.

Я знаю, что последователи правил, упроченных лишь временем, тяжелы на подъем, и в этом случае они правы: время - важный аргумент, когда оно вынесло на

[1] «На месте преступления» (фр.).

свет что-нибудь хорошее. Но в этом-то вся и трудность. Докажите мне, что при такой-то мере дело шло хорошо, да докажите еще, что хорошее именно и зависело от этой меры, тогда я первый поклонюсь, пожалуй, и розге, как бы я мало ни был расположен к ней. А покуда, не испытав ничего другого и не доказав, что хорошее зависит именно от нее, если вы будете ссылаться на опыт, даже вековой, я вправе вам не поверить. В педагогике, как и в других практических науках, логика все одна: все тоже вечное - *post hoc, ergo propter hoc*[1] должно непременно и непреложно доказывать пользу той или другой меры; да присоединяется и еще одно доказательство, вроде следующего: такой-то способ или такое-то средство, очевидно - энергическое, а потому оно не может остаться без следствий, оно должно непременно или помочь, или повредить, если же оно не вредит, то, следовательно, помогает. Вот хоть бы, например, и в медицине: основываясь на таких силлогизмах, целые столетия все пускали кровь в воспалениях легкого. Врач, не пустивший кровь больному в таком случае, мог попасть под суд. Наконец, нашлись люди, которые цифрой доказали, что страдающий воспалением легкого может выздороветь и без кровопускания, да еще и чаще, и скорее выздоравливает. А уже если есть на свете энергическое средство, так верно кровопускание; оно не розге чета: не каплями, а фунтами льет кровь. К чему же тут служила вся официальная логика? Умозаключения были правильны, опыт также подтверждал, время упрочивало факты, да позабыли только одно: испытать, не будет ли хорошо и иначе, без энергических способов. А на поверку и вышло, что энергическое-то иногда прикидывается и на вид вовсе таким не кажется.

[1] «После этого, значит, по причине этого» (лат.). Характеристика известной логической ошибки.

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой журнала к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования Scopus и Web of Science, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах Международных Баз Данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.
Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала http://www.hist-edu.ru/. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и **тщательно вычитаны**.
Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала
Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знаю рецензентов) и в 2-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.
Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.
Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.
Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить:
-справку из аспирантуры вуза установленной формы,
- рецензию научного руководителя
-выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации.
Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением .jpg или .pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для статей соискателей и аспирантов (публикующихся на общих основаниях) в обязательном порядке прилагается рецензия научного руководителя с подписью и печатью. (рецензия присланная автором не влияет на решение рецензента)

Авторы, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук, рецензию не предоставляют.

При подаче статьи на наш электронный адрес akademus07@rambler.ru *просим Вас:*

1. *уточнять, в какой рубрике размещать статью;*
2. *указывать почтовый адрес (с индексом) на который можно будет выслать журнал;*
3. *предоставлять копию проверки* ***на антиплагиат*** *в текстовом или графическом файле (****скриншот результата проверки:*** http://www.antiplagiat.ru***).*** Оригинальность от 80%

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ:

Объем полного текста рукописи 10 - 20 страниц (не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).**)** В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Формат текста рукописи
Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word ,
в формате А 4 с полями 25 мм. Выравнивание по левому краю,
междустрочный интервал – полуторный, (1,5)
шрифт -Times New Roman, размер 14
Подзаголовки внутри статьи -прописными
Шрифт Библиографических ссылок : 12**.** междустрочный интервал –одинарный (1)
Текстовые сноски: шрифт -11, межстрочный интервал -1, без отступа

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Автоматические переносы не допускаются.

Автоматические сноски не допускаются.

1). индекс УДК;

- **Название работы** (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы;
- **Авторы статьи.** фамилии и инициалы авторов следует указывать ПОЛНОСТЬЮ, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, [необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название организации(без сокращений) которую представляете, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов], если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;

2). Русскоязычная аннотация:
Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы.

- Объем текста аннотация должен быть не менее **150-200 слов.**
  (**объем англоязычной версии аннотации не менее 200-250 слов**)
- **Ключевые слова,** (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

3). Англоязычная аннотация:

- **Article title.** Название на английском языке должно быть по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка,
- **Author names** ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом, ученая степень и звание, должность автора.
- **Affiliation.** Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ http://elibrary.ru
- **Abstract и Keywords**: Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная тер-

минология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации

Объем англоязычной версии аннотации 200-250 слов

«Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации»

4) Информация о спонсорстве. (на русском и английском языках**):**

Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

5) Текст статьи (на русском, английском или обоих языках):

Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 290-316, 344] [2, л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212] [7, л. 29-31, 31 об.]

Документы (Архивы, ГОСТы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.
- В заголовках на англ. языке все значимые слова пишутся с ЗАГЛАВНОЙ БУКВЫ.
- С заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир.
- Названия фирм, организаций и т.п. давать на языке оригинала.
- За исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово.
- Точка не ставится после: рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр).
- Годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.
- Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только е.
- Сокращения: др., пр., т.п., т.д. даются только в конце предложения. Слова так как, в том числе, потому что не сокращаются.
- При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.
- В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: млрд; млн; тыс. После слов млрд и млн точка не ставится.
- Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: долл., фр., р., ф. ст., названия других денежных знаков пишутся полностью.
- В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

6) Библиографические ссылки (пристатейные списки литературы)

Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются.**

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования». В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Самоцитирования с списке литературы не должны превышать 10%
Ссылки на иностранные источники - 30%

Шрифт ссылок : Times New Roman размер 12.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**
Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].
Документы (Приказы, ГОСТы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) **нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.**
Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.
если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

7) References: (пристатейные списки литературы на английском языке **и транслитерация названия статьи**)
Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках[]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn
если статья имеет **DOI**, **обязательно указать его номер**.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком **«//»** и **«–»,** а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются **точкой.**

Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в **REFERENCES** для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- язык, необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en]* ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A. V., Levushkin S. P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea*. 2015. V. 7. No. 3. Pp. 122-125. Doi: 10.17748/2075-9908.2015.7.3.122-125 (in Russ.).

- Kalahanova (Borlakova) Z. M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnyih vod .[The revival of the culture of deported peoples of the North Caucasus in the ethnocultural space Russia]. Stavropol, 2015 y., p. 1 (in press).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang, Z., Zhu, D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining (2008) Russian Journal of Electrochemistry, 44 (8), pp. 926-930. Cited 2 times. Doi: 10.1134/S1023193508080077 (in English)

Ссылка на Интернет-ресурс:
APA Style (2011), Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx (accessed 5 February 2011).
PravilaTsitirovaniyaIstochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: http://www.scribd.com/doc/1034528/ (accessed 7 February 2011)

Материалы конференций:
Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

UsmanovT.S., GusmanovA.A., MullagalinI.Z., MuhametshinaR.Ju., ChervyakovaA.N., SveshnikovA.V. Features ofthe design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta].Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi” (Proc. 6th Int. Technol. Symp.“New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow, 2007, pp. 267-272.((in English)

Antina, E.V., Berezin, M.B., Semeikin, A.S., Dudina, N.A., Yutanova, S.L., and Guseva, G.B., Abstracts of Papers, XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry), Suzdal, 2009, p. 248. (in Russian)

8) Таблицы и иллюстрации

- Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия.
- Заголовки графиков должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения
- Заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны **на русском и английском языке**
- Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются.
- Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.
- Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:
350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: **http://www.hist-edu.ru**
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.
Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!
Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел:/007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!
You can subscribe to «*Historical and Social Educational Ideas»*
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. **«**Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

Уважаемые читатели!
Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2016 гг. номеров журнала на: http://www.hist-edu.ru
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Историческая
и социально-образовательная мысль
2017. Том 9 № 1/2

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.02.2017
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 196 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»